Казахский Национальный Университет имени аль-Фараби

УДК 94(100) “17/18” (043)

На правах рукописи

СУЙНОВА АЙНУРА ТАЛГАТОВНА

«ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫЕ МИССИИ РОССИЙСКОЙ И БРИТАНСКОЙ ИМПЕРИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в. – в 60 г. XIX в.: ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ»

Специальность: 8D02206 – История

Диссертация на соискание степени
доктора философии (PhD)

Отечественный научный консультант:
доктор исторических наук, профессор
Султангалиева Г.С.

Зарубежный научный консультант:
доктор, профессор А. Моррисон
(Оксфорд, Великобритания)

Республика Казахстан
Алматы, 2026

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи
БЛ — Британская библиотека (British Library)
ИРГО — Императорское Русское географическое общество
ОИК — Ост-Индская компания (East India Company)
МИД — Министерство иностранных дел
ОГАОО — Объединённый государственный архив Оренбургской области
ОПК — Оренбургская пограничная комиссия
РГО — Русское географическое общество
РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив
РГИА — Российский государственный исторический архив
ЦГА РК — Центральный государственный архив Республики Казахстан
BL IOR — British Library, India Office Records
EIC — East India Company (Ост-Индская компания)
RGS — Royal Geographical Society (Королевское географическое общество)

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ ……3
1 Теоретико-методологические и историографические основания исследования……...…16
1.1. Теоретические подходы и понятийный аппарат….....16
1.2. Историография проблемы …….……27
1.3. Источниковедческий анализ ……..……41

2 Дипломатические разведывательные миссии Российской империи в Центральной Азии (последняя четверть XVIII - 60-е годы XIX века).....52
2.1. Институциональная структура и система управления миссиями……..…....52
2.2. Кадровый состав, инструктирование и маршруты……63
2.3. Формирование сети информантов и агентурных посредников……..……81

3 Дипломатические разведывательные миссии Британской империи в Центральной Азии (первая половина XIX века)……..…97
3.1. Институциональная организация британских миссий: типология и кадровый состав……..…….97
3.2. Информационные практики: сбор данных и взаимодействие с локальными посредниками……113

4 Две имперские системы в едином пространстве: транснациональный механизм производства знания о Центральной Азии….
4.1. Структурные сходства, различия и транснациональный механизм взаимного формирования практик……..……..….126

ЗАКЛЮЧЕНИЕ…….……142

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ……..144

ПРИЛОЖЕНИЯ……159
Список дипломатических миссий Российской империи в Центральную Азию (первая половина XIXв.)……....159
Список дилпматических миссий Британской империи в Центральную Азию (первая половина XIX в.)……164

ВВЕДЕНИЕ

Описание исследовательской работы. Настоящее исследование представляет собой сравнительный анализ дипломатических разведывательных миссий Российской и Британской империй в Центральной Азии в последней четверти XVIII в. - 60-х гг. XIX в. как механизмов производства имперского знания о регионе, его институциональной архитектуры, кадровой инфраструктуры и информационных практик.

Актуальность темы исследования. Изучение дипломатических разведывательных миссий Российской и Британской империй в Центральной Азии в последней четверти XVIII в. - 60 гг. XIX в. относится к числу принципиально значимых задач современной исторической науки. Актуальность темы определяется несколькими взаимосвязанными обстоятельствами научными, методологическими и общественно-историческими.

Центральная Азия сохраняет свое значение как пространство пересечения геополитических интересов крупных держав и понимание исторических закономерностей этого пересечения необходимо для осмысления современных процессов в регионе. Период «Большой игры» традиционный концепт для описания российско-британского соперничества в Центральной Азии XIX века оказывает непосредственное влияние на современные дискуссии о природе имперских стратегий, роли разведки в формировании международных отношений и судьбах центральноазиатских государств. Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Кыргызстан и Туркменистан как суверенные государства, сформировавшиеся на территории, являвшейся объектом этих миссий, имеют прямой исторический интерес к изучению механизмов, через которые внешние державы производили о них знание и на основе этого знания выстраивали политику[1, p. 346, 353].

Тема также обладает значительным методологическим потенциалом для развития сравнительной и трансимперской истории. Систематическое сопоставление российских и британских разведывательных практик на одном материале позволяет выявить структурные закономерности имперского производства знания, которые невидимы при изучении каждой системы в отдельности. Это открывает возможность для диалога между историографическими традициями, традиционно развивавшимися раздельно: российской/советской историографией Центральной Азии и британской/американской историографией «Большой игры»[2], [3].

Тема имеет принципиальное значение и для казахстанской национальной историографии. Казахская степь являлась не просто транзитным пространством между двумя имперскими системами, но самостоятельным субъектом исторического процесса: казахские посредники, переводчики и информаторы были структурно незаменимыми участниками производства имперского знания о регионе. Реконструкция их роли через архивные материалы является вкладом в восстановление исторической

субъектности казахского народа в эпоху, традиционно описывавшейся исключительно через призму имперских нарративов[4], [5].

Таким образом, актуальность настоящей диссертации определяется сочетанием научной новизны сравнительного подхода, методологической значимости концепции производства имперского знания и практической востребованности исторического переосмысления «Большой игры» как информационной, а не только геополитики и военно-политической системы.

Объект и предмет исследования. Объект исследования дипломатические разведывательные миссии Российской и Британской империй в Центральную Азию в последней четверти XVIII-60-х годах XIX века.

Предмет исследования - институциональные механизмы организации миссий, системы «знающих людей» - посредников и информаторов, информационные практики сбора и обработки данных, а также структурные сходства и различия двух имперских систем производства знания о регионе.

Цель и задачи исследования. Цель диссертации - провести сравнительный анализ дипломатических разведывательных миссий Российской и Британской империй в Центральной Азии в последней четверти XVIII-60-х годах XIX века как двух взаимосвязанных систем производства имперского знания о регионе.

Задачи исследования:

1. Определить содержание понятий «дипломатическая миссия», «разведывательная миссия» и их гибридное соотношение применительно к рассматриваемому периоду; концептуализировать понятия «Центральная Азия» и «стратегия» в применении к имперским практикам XIX века.

2. Реконструировать институциональную структуру российских дипломатических разведывательных миссий: охарактеризовать роль ОПК как центрального органа производства знания о регионе, описать механизмы подготовки миссий и систему кадров.

3. Проанализировать систему формирования сетей информантов и наблюдателей на российской стороне: выявить типологию «знающих людей», механизмы их рекрутирования и инкорпорации и торговых сетей как разведывательной инфраструктуры.

4. Реконструировать организацию британских миссий в рамках системы Ост-Индской компании: охарактеризовать Политический и Секретный департамент, описать три направления миссий (бухарское, хивинское, кокандское) и систему инструктирования.

5. Проанализировать информационные практики британских миссий: реконструировать агентурные сети, методы психологического воздействия, контрразведывательную деятельность и механизм административной обработки информации.

6. Провести систематический сравнительный анализ двух систем: сопоставить институциональные механизмы, типологии миссий, кадровые

профили, типы «знающих людей», информационные практики и модели двойной циркуляции знания.

7. Оценить роль локальных акторов - казахских, афганских, бухарских, как самостоятельных субъектов, формировавших практики обеих имперских систем через сопротивление, манипуляцию и ситуативное сотрудничество.

Хронологические рамки. Хронологические рамки исследования охватывают период с последней четверти XVIII века по 60-е годы XIX века. Отправной точкой служит указ Екатерины II 1784 года «О мерах для укрощения своевольства киргиз-кайсаков», заложивший институциональные основы российской информационной инфраструктуры в регионе и ставший первым законодательным выражением системного проекта по производству знания о Центральной Азии [6]. Завершающей точкой служит завоевание Ташкента (1865) и Самарканда (1868), ознаменовавшее переход от практики дипломатических и разведывательных миссий к прямому военно-административному контролю над регионом. С британской стороны аналогичный рубеж связан с ликвидацией Ост-Индской компании (1858) и реорганизацией разведывательных функций в рамках официальных государственных структур Британской короны. Таким образом, рассматриваемый период является единым в своей институциональной логике. Это эпоха преимущественно «информационных» практик до начала прямого военного освоения Центральной Азии обеими державами. Диссертация обращается к периоду, остававшемуся на периферии историографического внимания: последней четверти XVIII века - 60-м годам XIX века, то есть к эпохе до военного завоевания Центральной Азии.

Географические рамки. Географические рамки исследования охватывают пространство Центральной Азии в той мере, в какой оно входило в сферу деятельности дипломатических и разведывательных миссий обеих держав. Это включает: Казахскую степь как пространство российского фронтира и основной театр деятельности ОПК, Бухарский эмират, Хивинское и Кокандское ханства как основные объекты обеих имперских систем, Афганистан как стратегический узел британских миссий, координировавший все три направления. Понятие «Центральная Азия» используется в настоящей диссертации как рабочий концепт, при этом автор разделяет тезис С. М. Горшениной о его историчности и конструированности [7]. Само производство географического знания о регионе через миссии и экспедиции являлось политическим актом обеих держав.

Степень изученности темы. Историография дипломатических разведывательных миссий Российской и Британской империй в Центральной Азии развивалась преимущественно в рамках двух раздельных национальных традиций, каждая из которых имела собственные концептуальные акценты, источниковую базу и пробелы.

Дореволюционная и советская историография. Изучение российских миссий в Центральную Азию берет начало в трудах самих участников экспедиций XIX века Е. К. Мейендорфа [8], Н. В. Ханыкова [9], Г. И.

Данилевского [10], Н. Н. Муравьева [11], И. Я. Бланкеннагеля [12], Н. П. Игнатьева [13]. В дореволюционной науке фундаментальный вклад внесли работы Н. И. Веселовского [14], П. И. Рычкова [15], С. В. Жуковского [16], А.И.Попова [17] и особенно М. А. Терентьева [18], впервые систематически сопоставившего политику двух держав в регионе. Советская историография сосредоточилась на изучении отдельных миссий и посольств: труды Н. А. Халфина [19] и Д. Ю. Арапова [20] по сей день остаются базовыми нарративами российской экспансии. О. В. Маслова [21] документально описала структуру официальных посольств, все же оставив за пределами анализа разведывательную составляющую и систему информаторов.

Постсоветская историография. Постсоветский период ознаменовался расширением источниковой базы и появлением новых концептуальных подходов. В казахстанской историографии принципиальный вклад внесли работы К. Ш. Хафизовой, реконструировавшей агентность казахских посредников в дипломатических процессах [22]. В работах Г. С. Султангалиевой на основе широкого круга архивных материалов дан системный анализ функционирования Оренбургской пограничной комиссии, в рамках которого особое внимание уделено посредническим практикам в управлении степным пространством. Исследователь показывает, что татарские служилые выступали ключевым звеном административной коммуникации, совмещая функции переводчиков, делопроизводителей и доверенных агентов, обеспечивавших циркуляцию информации между имперскими структурами и казахской средой [23], [24], [25], [26]. Одновременно раскрывается и вовлечение казахов в службу Российской империи: представители степной элиты и рядовые исполнители интегрировались в административную систему, выполняя функции проводников, информаторов и посредников, что делало их не пассивным объектом управления, а активным участником имперских практик [27], [28], [29], [30], [31]. Такой подход позволяет рассматривать ОПК как пространство сложного взаимодействия, где татарские и казахские посредники играли решающую роль в производстве управленческого и пространственного знания о степи. Важной апробацией подхода настоящей диссертации является совместная статья Г. С. Султангалиевой и А. Т. Суйновой впервые применившая концепцию «знающих людей» Бейли к российскому материалу [4]. В историографии значимый вклад внесла Г. Б. Избасарова, рассматривающая казахов как носителей пространственного знания степи, обеспечивавших ориентацию и функционирование имперских коммуникаций. Узбекская историография представлена монографией Х. Г. Гуломова рассматривающей те же миссии с позиции принимающей стороны [32]. Х. Пирумшоев показал односторонность российской историографии, игнорировавшей позицию принимающей стороны [33], тогда как М. Ниязматов предложил рассматривать российско-хивинские отношения через призму «консенсуса», подчеркивая активную и прагматичную роль ханских дворов как самостоятельных дипломатических акторов [34]. Особо следует выделить работы А. В. Постникова, в которых на высоком источниковедческом

уровне раскрывается процесс формирования российских рубежей в Центральной Азии через взаимодействие военно-политических и научно-картографических практик [35]. Автор последовательно демонстрирует, что миссии и экспедиции выступали не только инструментами внешней политики, но и ключевыми механизмами накопления пространственного знания [36], [37].

Британская и американская историография. Британская историография «Большой игры» долгое время развивалась преимущественно в русле нарративной военно-политической истории. М. Э. Япп разработал концепцию «стратегических дискуссий» внутри имперской администрации [38], М. Г. Фишер проанализировал институт политических резидентов как инструмент разведывательной практики [39], тогда как П. Хопкирк создал обобщающий нарратив, ставший вводным для широкой аудитории [40]. Особое место занимает Г. Алдер, чья работа представляет биографический подход к изучению участников миссий на примере Муркрофта, автор реконструирует индивидуальные стратегии и практики, заложившие основы британской разведывательной деятельности в регионе, что позволяет рассматривать подобных деятелей как ключевых носителей имперского опыта и знания [41].

Принципиальный историографический сдвиг в изучении темы был осуществлен через применение концептуального аппарата новой имперской истории. К. А. Бейли разработал концепцию «информационной империи» и «знающих людей» как системных участников производства колониального знания [42]. Б. Кон в концептуализировал исследовательские режимы как механизм производства власти через знание [43]. Я. Кэмпбелл применил концепцию «двойной идентичности» к казахским посредникам в российской системе [44]. П. Сартори и П. Шаблей проанализировали производство правового знания о Казахской степи через фигуру Осмоловского [45]. Особое место в современной историографии занимает монография английского историка А.Моррисона, которая представляет собой одну из наиболее концептуально выверенных и источниково насыщенных работ по теме. В отличие от традиционной парадигмы «Большой игры», трактующей продвижение России в регионе как часть геополитического противостояния с Великобританией, Моррисон последовательно деконструирует этот нарратив, показывая его ограниченность и ретроспективный характер. Автор смещает аналитический фокус с внешнего соперничества на внутреннюю логику имперского расширения, подчеркивая роль локальных факторов политической фрагментации ханств, инициативы региональных администраторов и ситуативных решений на местах. На основе широкого круга архивных источников Моррисон демонстрирует, что российская экспансия не была реализацией единой стратегии, а представляла собой совокупность разрозненных, часто импровизационных действий, в которых центральная власть нередко реагировала постфактум. Особую ценность представляет его внимание к взаимодействию с местными элитами: ханские дворы и степные акторы рассматриваются не как пассивные объекты завоевания, а как участники сложных переговорных процессов, способные влиять на ход

событий. Тем самым работа вписывается в русло новой имперской истории и существенно расширяет исследовательскую оптику, позволяя интерпретировать процессы в Центральной Азии через призму многоуровневых взаимодействий, а не только геополитической конкуренции держав [46].

Историографический анализ обнаруживает характерное смещение исследовательского внимания. Большинство работ, посвященных производству имперского знания о Центральной Азии, сосредоточены на периоде после завоевания, на функционировании колониальной администрации генерал-губернаторств в 1860-1900 годах, тогда как период до завоевания изучался преимущественно через другие проблемы, либо как история дипломатических событий, либо как предыстория военной экспансии. Следствием этого смещения является то, что миссии рассматривались либо как дипломатические акты, либо как военно-стратегические предприятия, но не как самостоятельные механизмы производства знания о регионе, с их собственной институциональной логикой, кадровой инфраструктурой и информационными практиками. Именно этот аналитический пробел, в виде отсутствие систематического изучения миссий как системы производства знания в доколониальный период восполняет настоящая диссертация. Кроме того, ни одна из существующих работ не осуществляет сравнительного анализа российских и британских практик с одновременным привлечением архивных материалов обеих сторон, российские и британские системы изучались раздельно, воспроизводя «национальный» взгляд на явление, которое по природе своей было транснациональным. Только одновременная работа с архивными корпусами обеих держав делает видимым то, что остается скрытым при раздельном изучении, общую логику взаимного формирования практик, в которой решения одной стороны непосредственно определяли решения другой. (Подробный историографический анализ см. в разделе 1.2. данной диссертации)

Источниковедческий анализ. Источниковую базу исследования составляют три корпуса архивных материалов. Казахстанские архивные источники представлены Центральным государственным архивом Республики Казахстан (ЦГА РК, Алматы): фонд И-4 (Оренбургская пограничная комиссия), фонд 338 (Омское областное правление), фонд И-382 (Управление командующего Сырдарьинской линией). Фонд И-4, систематически изученный в ходе настоящего исследования, содержит дела о дипломатических и разведывательных миссиях, биографии переводчиков и посредников, материалы о лазутчиках, пленных и выпускниках Неплюевского кадетского корпуса - комплекс документов, впервые систематически привлекаемый для изучения системы «знающих людей» ОПК.

Российские архивные источники сосредоточены в четырех хранилищах: Объединенном государственном архиве Оренбургской области (ОГАОО, Оренбург): фонд 6 (Канцелярия военного губернатора Оренбургской губернии), содержащий инструкции агентам, переписку о миссиях и дела о посредниках;

Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ, Москва): фонд 161/4 (Секретные дела Азиатского департамента МИД) и фонд 109 (Сношения России с Бухарой), отражающие официальный дипломатический уровень контактов с ханствами; Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА, Москва): фонды 67 (Штаб командующего Сырдарьинской линией, генерал-лейтенант А. Л. Данзас), 231 (Штаб командира Отдельного Оренбургского корпуса, граф П. К. Сухтелен), 289 (полковник И. Ф. Бларамберг), содержащие военно-стратегическую и оперативную документацию; Российском государственном историческом архиве (РГИА, Санкт-Петербург) - фонд 853 (Бумаги В. В. Григорьева, включая отчеты В. А. Перовского о Казахской степи и ханствах) и фонд 1264 (Первый Сибирский комитет).

Британские архивные источники представлены материалами Индийкого ведомства Британской библиотеки (British Library, India Office Records, Лондон): фонд L/PS/5/129 (Секретная переписка генерал-губернатора с Индийским ведомством, 1837 г.) детальная оперативная документация кабульской миссии Бернса, впервые систематически используемая в отечественной историографии; фонд L/PS/5/131 (Политический и секретный департамент, 1838 г.) стратегические решения по хивинскому вопросу и афганской политике; фонд MSS EUR C 599 (частная переписка полковника Бойла); фонд MSS Eur A 21 (рукописные записи У. Муркрофта об Афганистане и прилегающих территориях).

Опубликованные источники представлены несколькими группами. Сборники документов включают фундаментальные издания по российско-казахстанским отношениям: «Казахско-русские отношения в XVI-XVIII веках» [47] и «Казахско-русские отношения в XVIII-XIX веках» [48], содержащие дипломатическую переписку, присяжные листы и административные документы, «Материалы по истории политического строя Казахстана» [49], включающие нормативные акты об институте посредников; и «Международные отношения в Центральной Азии в XVII-XVIII вв.» [50]. Ключевым опубликованным сборником оперативной разведывательной документации является «О слухах и событиях в Средней Азии» за 1853-1862 годы казахстанких и российских архивов, впервые сделавшие доступным корпус донесений И. Я. Осмоловского [51]. На британской стороне привлекались парламентские документы («Синие книги»): «Papers Relating to the Affairs of India: Afghanistan» [52] (London, 1839) и «East India (Cabul and Afghanistan) [53]. Официальные публичные версии тех же событий, секретная документация которых хранится в фондах архива индийского ведомства, сравнение двух версий позволяет реконструировать механизм цензурирования разведывательного содержания перед парламентской публикацией. Нарративные источники представлены записками российских, как Е. К. Мейендорф [8], Н. В. Ханыков [9], Г. И. Данилевский [10], Н. Н. Муравьев [11], П. И. Демезон, И. В. Виткевич [54], Э. А. Эверсман [55] И.Батыршин [56] М. Бекчурин [57] и британских У. Муркрофт [58], А. Бернс [59], [60], А. Конолли

[61], Дж. Вольф [62], Дж. Абботт [63], Р. Шекспир [64], Ч. Мэссон [65], А. Вамбери [66] участников миссий. Принципиальная аналитическая ценность их сравнения с соответствующими архивными делами состоит в возможности реконструировать механизм двойной циркуляции знания, явление, недоступное при работе с каждой группой источников в отдельности. (Подробный источниковедческий анализ представлен в параграфе 1.3 настоящей диссертации).

Методология и методы исследования. Методологическую основу диссертации составляют четыре взаимосвязанных подхода.

Новая имперская история с отказом от телеологии, вниманием к агентности управляемых народов и признанием гибридности имперских практик. Применительно к данному исследованию, российские и британские миссии рассматриваются не как элементы предопределенного завоевания, но как практики, исход которых определялся в том числе стратегиями локальных посредников.

Концепция производства колониального знания (Фуко, Кон, Бейли). Миссии рассматриваются как механизмы производства знания о регионе, «порядки исследования» (investigative modality), в рамках которых дипломатические, разведывательные и научные функции были структурно неразличимы. Концепция Бейли «знающих людей» является аналитическим ядром для изучения сетей информаторов обеих систем.

Трансимперский подход (Остерхаммель; Пианчола/Сартори). Российские и британские практики рассматриваются не как параллельные истории, но как взаимно обусловленные элементы единого транснационального процесса: агенты одной державы отслеживали агентов другой, местные акторы использовали присутствие обеих держав в собственных интересах.

Сравнительно-исторический метод применяется на основании функциональной аналогии. Обе системы решали одну и ту же структурную задачу в виде производство знания о Центральной Азии как условие политического контроля над регионом. Именно эта функциональная аналогия, а не формальное сходство институций, является основанием для сравнения.

Метод критического чтения источников (Сартори) применяется при работе с колониальными архивами. Источники читаются не только как свидетельства фактов, но как акты производства определенной версии реальности, несущие следы «дискурса враждебности» и административной предвзятости. (См.: Методологию изучаемой проблемы в разделе 1.1)

Научная новизна исследования состоит в следующем:

Впервые системным методом представлены дипломатические и разведывательные миссии последней четверти XVIII - 60-е г. XIX вв. как инструмент имперского присутствия в регионе, позволяющий иметь самостоятельные механизмы производства знания о регионе, а не как дипломатические события или военная предыстория завоевания.

Методом сравнительного анализа выявлен трансимперский механизм формирования русских и британских практик в Центральной Азии, синхронные эпизоды непосредственного столкновения двух систем, как противостояние в Кабуле (1837-1838), параллельные действия в хивинском вопросе (1839-1840).

Впервые введены в научный оборот отечественной науки архивные документы архива Индийского ведомства Британской библиотеки (British Library, India Office Records).

Принципиально важной новацией является введение в оборот показаний освобожденных российских пленных из среднеазиатских ханств как самостоятельной категории разведывательных источников.

Впервые проведен анализ феномена двойной циркуляции знания, параллельного производства секретного и публичного потоков, как системообразующую практику обеих имперских систем.

Выявлено принципиальное различие институциональных логик двух систем: российской (Оребургская Пограничная комиссия) и британской (Политический и Секретный департамент Ост-Индской компании) и раскрыт трансимперский механизм взаимного формирования практик.

Установлено фундаментальное различие двух типов посредничества и подготовки кадров Российской и Британской империй.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Дипломатические и разведывательные миссии Российской и Британской империй в Центральной Азии первой половины XIX века не являлись двумя разными историческими феноменами, а были двумя функциональными аспектами одного явления - гибридного механизма имперского производства знания о регионе. Разграничение «дипломатической» и «разведывательной» миссии в применении к данному периоду является ретроспективной историографической конструкцией: все официальные миссии структурно совмещали переговорные, разведывательные, картографические и агентурные функции одновременно.

2. Российская и британская системы разведывательных миссий решали одну и ту же структурную задачу: производство знания о Центральной Азии как условие политического контроля, применяя функционально аналогичные инструменты при принципиально различных институциональных логиках. Российская система (ОПК) опиралась на трехуровневую централизованную вертикаль с постепенным административным освоением пространства. Британская (Политический и Секретный департамент Ост-Индской компании) на четырехуровневую децентрализованную систему с управлением буферной зоной за пределами прямого суверенитета.

3. Обе системы выстраивали производство знания через «знающих людей», то есть местных посредников с компетентностью, необходимой для работы в регионе. Принципиальное различие состоит в природе этой компетентности. Российские «знающие люди» (казахские аристократы, татарские муллы и переводчики) обладали органической двойной

идентичностью, они принадлежали одновременно и имперской, и местной системам. Британские (офицеры-ориенталисты Ост-Индской компании) обладали преимущественно приобретенной компетентностью. Это различие определяло принципиально разные пределы информационного проникновения каждой системы.

4. Неплюевский кадетский корпус в Оренбурге являлся сознательно спроектированным институтом производства «знающих людей» с двойной компетентностью, функционально аналогичным Форт-Уильям колледжу в Калькутте на британской стороне. Сравнение двух институтов выявляет фундаментальное различие: корпус производил двуязычных посредников с органической двойной идентичностью, колледж же ориенталистов с приобретенным знанием чужого культурного пространства.

5. Обе системы параллельно производили секретное знание (архивные депеши, разведывательные донесения) и публичное знание (мемуары, академические публикации, парламентские отчеты). Механизм преобразования секретного в публичное, это пометки «omitted» на депешах Бернса, гриф «секретно» на записках Осмоловского является структурным выражением единого явления двойной циркуляции знания, выполнявшей самостоятельные политические функции: легитимацию имперского присутствия перед внутренней и международной аудиторией.

6. «Большая игра» как историческое явление была прежде всего информационной войной, системой взаимного производства, перехвата и дискредитации знания о регионе, а не только геополитическим, военно-политическим и дипломатическим соперничеством. Синхронные эпизоды противостояние Бернса и Виткевича в Кабуле (1837-1838), хивинская экспедиция Перовского и миссии Абботта/Шекспира (1839-1840) документально подтверждают, что практики каждой державы формировались через реакцию на практики другой: это было не параллельное, но взаимно обусловленное движение двух систем в едином транснациональном пространстве.

7. Казахские, афганские и бухарские акторы были не пассивными объектами российских и британских манипуляций, а активными субъектами, последовательно использовавшими имперское соперничество в собственных интересах. Казахские ханы, афганские правители, посредники и купцы, применяли идентичную стратегию балансирования между конкурирующими державами, извлекая ресурсы и статус из своего промежуточного положения. Именно эта субъектность локальных акторов определяла реальные пределы информационного контроля обеих имперских систем над регионом.

8. Система производства знания о Центральной Азии была структурно зависима от «знающих людей» и одновременно систематически недооценивала их субъектность - феномен, описанный К. А. Бейли как «когнитивная предвзятость» имперских администраторов. Два крупнейших военных провала рассматриваемого периода: катастрофа хивинского похода Перовского (1839) и катастрофа Первой англо-афганской войны (1842)

являются историческими подтверждениями этого структурного противоречия, в обоих случаях предупреждения «знающих людей» были проигнорированы, что привело к катастрофическим последствиям.

9. Торговые сети, связывавшие Оренбург и Калькутту с центральноазиатскими рынками, являлись постоянно действующей разведывательной инфраструктурой, функционировавшей независимо от периодических официальных и тайных миссий. Купцы-информаторы обеих систем, как Гариф Атагалиев и Алимбай Мурзабаев на российской стороне, Сурвар Хан Лохани и бухарские купцы в Кашмире на британской образовывали единое транснациональное торгово-разведывательное пространство, в котором коммерческие и разведывательные функции были структурно неразличимы.

10. Сравнительный анализ двух систем позволяет предложить новую концептуализацию их соотношения: российская и британская системы разведывательных миссий были оптимально приспособлены к принципиально разным стратегическим задачам. Российская система к административному поглощению пространства через постепенное включение в состав империи. Британская к управлению буферной зоной через дипломатию и разведку за пределами прямого суверенитета. Когда каждая система пыталась применять методы другой, российская использовала прямую дипломатию без административного ресурса, британская прямое военное присутствие, обе терпели системный провал. Это структурное наблюдение является принципиальным выводом настоящего сравнительного исследования.

Научная и практическая значимость исследования. Научная значимость диссертации определяется ее вкладом в несколько исследовательских направлений. Для истории Центральной Азии систематической реконструкцией системы «знающих людей» ОПК на основе ранее не введенных в оборот архивных материалов. Для сравнительной имперской истории, первым архивно верифицированным сопоставлением российских и британских разведывательных практик. Для казахстанской историографии восстановлением субъектности казахских посредников как самостоятельных участников имперских информационных процессов. Для методологии истории демонстрацией аналитических возможностей трансимперского подхода при работе с разными архивными корпусами.

Практическая значимость работы состоит в том, что ее результаты и источниковая база могут быть использованы в учебных курсах по истории Центральной Азии, сравнительной истории империй, истории разведки и дипломатии XIX века в высших учебных заведениях Казахстана и других стран региона. Разработанный понятийный аппарат и методологические подходы применимы для изучения других имперских пространств и периодов.

Апробация результатов исследования. Основные положения и результаты диссертационного исследования были апробированы в ходе выступлений на международных и республиканских научно-практических конференциях, а также отражены в научных публикациях автора. По теме

диссертации опубликованы статьи, посвящtнные дипломатическим разведывательным миссиям Российской и Британской империй в Центральной Азии, проблемам имперской информированности, посредничества и колониального знания, в том числе в изданиях, рекомендованных КОКНВО МНВО РК, а также в международных рецензируемых научных журналах.

Структура диссертации. Диссертационная работа состоит из введения, трёх глав, заключения, списка использованных источников и литературы, а также приложений.

1 Теоретико-методологические и историографические основания исследования

1.1. Теоретические подходы и понятийный аппарат

Исследование дипломатических разведывательных миссий Российской и Британской империй в Центральной Азии в последней четверти XVIII в.- 60-годах XIX в. требует предварительного уточнения ключевых понятий, которыми оперирует данная работа. Это уточнение необходимо по нескольким причинам. Во-первых, термины «дипломатическая миссия» и «разведывательная миссия», широко применяемые в исторической литературе, не обладают однозначным и универсальным содержанием применительно к рассматриваемому периоду. Во-вторых, в Центральной Азии XIX века эти функции не были институционально разграничены, большинство экспедиций, направлявшихся из Оренбурга и Калькутты, одновременно выполняли дипломатические, разведывательные, картографические и научные задачи. В-третьих, само понятие «Центральная Азия», используемое для обозначения географического пространства исследования, является историчным концептом, содержание которого менялось на протяжении изучаемого периода. Понятие «стратегия» применительно к имперским практикам нуждается в специальном осмыслении с учетом децентрализованного характера принятия решений в обеих державах. С учетом этого в данном параграфе последовательно рассматриваются рабочие определения ключевых понятий и методологические основания сравнительного анализа.

Важным для всей работы является тезис о том, что дипломатические миссии в Центральную Азию рассматриваемого периода не могут быть поняты только как однократные акты переговоров или только как операции по сбору разведывательной информации. Они представляли собой многофункциональные механизмы имперского производства знания о регионе, пространстве, где обе державы не обладали полной информацией и где именно контроль над знанием являлся ключевым стратегическим ресурсом. Эта концептуальная рамка «производство имперского знания» лежит в основе всего аналитического аппарата диссертации и будет развернута в настоящем параграфе.

Понятие «дипломатическая миссия»

В классических работах по теории дипломатии данная деятельность рассматривается прежде всего как форма официального взаимодействия между политическими субъектами, направленная на ведение переговоров, представительство и поддержание межгосударственных отношений. Гарольд Николсон определял дипломатию как искусство ведения переговоров между государствами, подчеркивая ее институциональный и представительский характер и вместе с тем указывал, что функции дипломатии не ограничиваются исключительно переговорами, но включают наблюдение и передачу информации [67, p. 4-5, 15]. В более широком теоретическом контексте, который развивает Дж. Бэрридж, дипломатические миссии выступают как

ключевые каналы коммуникации, переговоров и сбора информации, управляющие отношениями между государствами [68, p.1-3].

Истоки институтов дипломатической коммуникации прослеживаются задолго до Нового времени. Клинописные архивы Месопотамии фиксируют существование межгосударственных соглашений уже в III тыс. до н. э., амарнские письма XIV в. до н. э. представляют собой корпус дипломатической переписки между правителями Египта, Хеттского царства и других государств региона, демонстрируя наличие сложившейся системы международных контактов, включающей стандартизированные формы обращения и согласование политических решений [69, p. 11-14], [70, p. 13-15]. В греческих полисах формировалась устойчивая традиция отправки послов с определенной степенью неприкосновенности, в средневековый период усиливалась роль посредников, обеспечивавших коммуникацию между различными политическими и культурными пространствами.

Принципиальная трансформация происходит в эпоху Нового времени. Классическая историография дипломатии связывает переход к постоянным посольствам с формированием системы резидентных представительств в итальянских государствах позднего XV века и ее последующим распространением в Европе, процессом, превратившим миссию из разового переговорного инструмента в постоянно действующий канал наблюдения и политической коммуникации [71, p. 55-75]. Институциональное оформление дипломатии в XVII-XVIII веках, развитие внешнеполитических канцелярий, стандартизация рангов, регуляризация курьерской связи сделало миссии интегрированными элементами государственного управления.

Решающий импульс к расширению функций дипломатических миссий в конце XVIII - первой половине XIX века был связан с изменением структуры международных отношений. Наполеоновские войны и венское урегулирование сформировали более плотную и взаимосвязанную систему межгосударственных контактов. А. Уотсон в концепции «международного общества» подчеркивает, что именно на этом этапе усилилась роль дипломатии как инструмента поддержания порядка и координации между государствами [72, p. 182-195]. Одновременно расширение внешнеполитических интересов европейских держав за пределы Европы создало принципиально новую ситуацию, государства сталкивались с территориями, по которым отсутствовала систематическая информация. В этих условиях дипломатическая миссия неизбежно брала на себя функции сбора сведений о географии, маршрутах, ресурсах, военном потенциале и политической структуре исследуемых обществ.

В рамках данного исследования под «дипломатической миссией» понимается форма официального или полуофициального взаимодействия между политическими субъектами, осуществляемая посредством направляемых представителей, наделенных определенными полномочиями для ведения переговоров, установления или поддержания контактов и решения конкретных внешнеполитических задач. Вместе с тем в условиях конца XVIII

- первой половины XIX века и применительно к центральноазиатскому региону дипломатическая миссия не ограничивалась исключительно представительскими функциями, она включала наблюдение за политической ситуацией, оценку расстановки сил, сбор сведений о правителях, административных структурах и внутренней динамике принимающей стороны.

Понятие «разведывательная миссия»

Понятие «разведывательная миссия» в данном контексте также требует специального уточнения. В современной научной литературе разведывательная деятельность рассматривается как организованная система сбора и анализа информации, осуществляемая государственными структурами [72, p.3-15]. Однако применение этого понимания к реалиям рассматриваемого периода является методологически некорректным, в конце XVIII и первой половине XIX века отсутствовали централизованные разведывательные организации в современном смысле, а функции получения и интерпретации информации были распределены между различными акторами, как дипломаты, военные, путешественники и торговые агенты.

Это принципиальное обстоятельство было концептуально осмыслено в историографии сравнительно недавно. К. А. Бейли в « Empire and Information: Intelligence Gathering and Social Communication in India, 1780-1870» показал, что в условиях расширения империй XVIII-XIX веков получение, обработка и передача информации становились ключевым элементом управления, а сами сведения собирались через широкий круг акторов, от официальных представителей до локальных посредников, купцов и путешественников[42, p. 3-7]. В этом контексте разведывательная деятельность выступала не как отдельный институт, а как совокупность практик, встроенных в дипломатические, административные и военные процессы.

Г. Афиногенов в диссертации « The Eye of the Tsar: Intelligence-Gathering and Geopolitics in Eighteenth-Century Eurasia» и монографии « Spies and Scholars: Chinese Secrets and Imperial Russia’s Quest for World Power» концептуализировал это явление применительно к России: «военно-политические агенты, информаторы и ученые» были «участниками единого проекта производства знания и распространения имперского влияния» [73], [74, p. 5-7]. Этот тезис принципиально важен для настоящей диссертации, он означает, что разведывательная деятельность через миссии не может быть отделена от научной, дипломатической или административной, все они являлись элементами одного и того же процесса производства знания о регионе.

В рамках данного исследования разведывательная миссия трактуется как совокупность действий, направленных на получение систематизированных сведений о географических, военных, экономических и политических характеристиках региона. При этом такие миссии могли носить как открытый, так и скрытый характер, а их участники нередко действовали под прикрытием иных целей - дипломатических, научных или торговых. Разведывательную миссию от дипломатической в рассматриваемый период отличает не форма, но

функциональный приоритет, преобладание задачи производства знания над задачей ведения переговоров.

Исходя из вышеизложенного, применительно к Центральной Азии конца XVIII в. - 60-х годов XIX в. разграничение между «дипломатической» и «разведывательной» миссией является принципиально условным. В практической деятельности обеих держав эти функции не только сосуществовали, но были структурно совмещены. Направляемые в регион экспедиции зачастую одновременно выполняли функции дипломатического представительства, военно-географической разведки, сбора политической информации и научного наблюдения.

Это функциональное совмещение нашло прямое отражение в кадровом составе миссий, в них включались военные специалисты, переводчики, картографы, врачи и натуралисты, люди с принципиально различной профессиональной подготовкой, способные собирать и интерпретировать разнообразную информацию. Трехуровневая система инструктирования российских миссий: МИД, Генеральный штаб, оренбургский губернатор задавала для каждого состава одновременно три разных «порядка исследования»: дипломатический, картографический и агентурный. Это означает, что «дипломатическая» миссия уже по самому механизму своей подготовки была одновременно разведывательной.

А. Моррисон в «The Russian Conquest of Central Asia: A Study in Imperial Expansion, 1814–1914» показал, что большинство решений об отправке российских миссий принималось децентрализованно, нередко региональными командирами без официальной санкции Петербурга [46, p.10-18]. Это означает, что «стратегия» в применении к этим миссиям не может быть понята как единый централизованный замысел. Оренбургский губернатор В. А. Перовский направлял тайных агентов в Бухару в начале 1830 годов без ведома МИД. Тайные поездки П. И. Демезона (1833) и И. В. Виткевича (1835-1836) были региональными инициативами. Следовательно, «стратегия» российских миссий представляла собой результат конкурирующих инициатив нескольких центров принятия решений, а не исполнение единого плана.

Для британской стороны аналогичную роль играла децентрализованная система Политического департамента Ост-Индской компании, действовавшая нередко вопреки позиции Лондона. М. Г. Фишер в «Indirect Rule in India: Residents and the Residency System, 1764-1858» показал, что британские «политические агенты» совмещали дипломатические, разведывательные и военные функции, точная функциональная аналогия с российскими офицерами Генерального штаба при посольствах[39, p.23-47]. М. Э. Япп в «Strategies of British India: Britain, Iran, and Afghanistan, 1798-1850» разработал концепцию «стратегических дискуссий», дебатов внутри британской имперской администрации о целях и методах присутствия в регионе, которые нередко вели к прямо противоположным политическим решениям[38, p. 18-20].

В этой связи термин «стратегия» в настоящей диссертации используется в том смысле, который предложили Ж. Бурбанк и Ф. Купер в « Empires in World

History: Power and the Politics of Difference », не как единый централизованный замысел, но как набор гибких управленческих практик, которые каждая держава приспосабливала к конкретным ситуациям[75]. Именно в этом смысле мы говорим о «стратегии» российских и британских миссий в Центральной Азии как о совокупности адаптивных практик, а не как о реализации заранее спланированного единого курса.

Концептуальная рамка, принятая в настоящем исследовании, строится на понятии производства имперского знания, опирающемся на три взаимосвязанных теоретических источника. Первым из них является понятие «знание-власть» (pouvoir-savoir), разработанное М. Фуко. Фуко показал, что знание не просто сопровождает власть, но конституирует ее [76]. Производство систематического знания об объекте: территории, населении, политических структурах является самостоятельной формой власти над ним. Применительно к дипломатическим и разведывательным миссиям это означает, что Российская и Британская империи, направляя посольства с заданием описать политическое устройство, топографию, торговые пути и военный потенциал ханств, тем самым производили эти ханства как известные, управляемые, потенциально подвластные объекты. В этой перспективе каждая миссия была в первую очередь операцией по сбору, систематизации и передаче знания о регионе в имперские структуры принятия решений.

Вторым источником является концепция «информационной империи» К. А. Бейли. Бейли разработал аналитический инструментарий для изучения того, как колониальные государства выстраивали сети сбора информации, опираясь на «знающих людей» (knowledgeable people): местных посредников, чья субъектность систематически недооценивалась имперскими администраторами. Принципиальный вывод Бейли «европейцы никогда не знали ничего про туземное общество и не могли знать, в силу своих концептуальных предубеждений» означает, что зависимость от «знающих людей» была структурным ограничением имперского знания, а не просто техническим недостатком [42, p.7].

Третьим источником является концепция «порядка исследования» (investigative modality), разработанная Б. Коном в «Colonialism and Its Forms of Knowledge». Кон показал, что колониальное производство знания, как топографические съемки, переписи, лингвистические исследования определялось не нейтральным научным интересом, но специфическим «порядком расследования», задаваемым колониальными властями, определенными вопросами, определенными типами данных и определенными форматами представления знания [43, p. 10-13]. В применении к изучаемым миссиям этот тезис означает, что система инструктирования, принятая в российских и британских экспедициях, задавала именно такой «порядок исследования» и тем самым конструировала регион как объект имперского управления.

Совокупность трех концептуальных источников позволяет сформулировать рабочее определение, используемое в настоящей диссертации.

Дипломатическая разведывательная миссия это многофункциональный механизм имперского производства знания о регионе, одновременно выполняющий функции дипломатического контакта, разведки, картографирования и посредничества, институционально встроенный в административную вертикаль обеих держав и реализуемый через систему «знающих людей», обладающих собственной агентностью и интересами. Именно это рабочее определение служит аналитической основой для всех последующих глав диссертации.

Понятие «Центральная Азия»

Определение пространственных рамок исследования требует специального обращения к понятию «Центральная Азия», поскольку в научной литературе оно не имеет единого и неизменного содержания. С. М. Горшенина в монографии «L'Invention de l'Asie centrale: Histoire du concept géographique» показала, что само понятие «Центральная Азия» является продуктом имперского картографирования и классификации конкурирующих российских и западноевропейских номинаций одного и того же пространства [7, p.15-42]. С. Горшенина связывает множественность обозначений не только с политическими и идеологическими факторами, но и с различием национальных научных традиций, устойчивые колебания между «Средней Азией» и «Центральной Азией» в русской традиции, между Inner Asia и Central Asia в английской отражают не терминологическую небрежность, но конкурирующие геополитические и научные конструкты.

Уже Александр фон Гумбольдт указывал, что названия «Центральная Азия» и «Высокая Азия» «применяются неточно и неопределенно», а «выражения "центральные", "неизвестные" и "внутренние области материка" постоянно смешиваются, как будто они были синонимами» [77, с. 2-5]. Это свидетельствует о том, что в момент формирования научного дискурса регион еще не имел четко очерченных границ и осмыслялся как открытое и вариативное пространство. В российской науке единого термина не сложилось, В. В. Бартольд предпочитал «Среднюю Азию» [78], В. А. Обручев «Внутреннюю» [79], и эти понятия постоянно пересекались и накладывались друг на друга.

Особое значение имеет тезис С. Горшениной о том, что представления о границах Центральной Азии в XIX веке формировались в тесной связи с практиками имперского продвижения. Концепции «естественных границ», активно использовавшиеся в российской политико-географической мысли, носили во многом конструированный характер и служили инструментом обоснования экспансии [80, с.102-143]. Это означает, что само производство географического знания о регионе через миссии и экспедиции являлось политическим актом, создавая карты и описания «Центральной Азии», обе державы тем самым конструировали ее как управляемое имперским взглядом пространство. Понятие «Центральная Азия» является, таким образом, не нейтральным географическим обозначением, но результатом деятельности по производству имперского знания, которую исследует настоящая диссертация.

Принципиальный поворот в концептуализации региона был осуществлен советской властью в ходе национально-территориального размежевания 1924-1936 годов. До этого момента пространство, изучаемое в настоящей диссертации, обозначалось в российской научной и административной традиции преимущественно термином «Туркестан» административным понятием, отражавшим логику имперского управления, а не культурно-географическую реальность. В. В. Бартольд использовал термин «Средняя Азия» для обозначения исторически и культурно связанного пространства, охватывавшего как оседлые ханства, так и кочевую степь [78, с.26]. Однако советская административная система наполнила этот термин принципиально иным содержанием, закрепив формулу «Средняя Азия и Казахстан», которая институционально разделила два исторически взаимосвязанных пространства. Согласно Большой советской энциклопедии, именно после национально-государственного размежевания 1924-1925 годов название «Туркестан» стало вытесняться термином «Средняя Азия», закрепленным за четырьмя союзными республиками: Узбекской, Киргизской, Таджикской и Туркменской ССР при административном обособлении Казахстана [81, с.396]. А. Халид в «Islam after Communism: Religion and Politics in Central Asia» показал, что советское нациестроительство в Центральной Азии создало национальные историографии, ориентированные на обоснование границ союзных республик, а не на изучение исторических связей между ними следствием чего стала институциональная разобщенность исследований степи и ханств на протяжении всего советского периода [82, p. 11-36]. Особую аналитическую ценность для настоящего исследования представляет концептуальный анализ, предложенный Г. С. Султангалиевой в статье «The Place of Kazakhstan in the Study of Central Asia». Автор показывает, что терминологическая нестабильность понятия «Центральная Азия» не является лишь научным неудобством, но отражает реальную историческую подвижность региональных границ и идентичностей. Она показывает, что советское разделение, закрепленное формулой «Средняя Азия и Казахстан», имело прямые историографические последствия, история казахских степей и история оседлых ханств изучались в разных институциональных рамках, что затрудняло как сравнительный анализ, так и понимание Казахстана как «пограничной зоны» (borderland) между двумя мирами. Лишь с 1993 года, когда термин «Центральная Азия» был официально принят пятью независимыми государствами региона, советское разделение начало преодолеваться в постсоветском научном дискурсе. Г.С. Султангалиева призывает к сравнительным подходам, интегрирующим историю Казахстана в более широкий евразийский контекст и преодолевающим колониальные стереотипы, унаследованные как от российской имперской, так и от советской историографии [1, p.345-358]. Этот тезис принципиально значим для настоящей диссертации, рассматриваемые в данной работе миссии действовали именно в этом «пограничном» пространстве, где кочевой и

оседлый миры, степь и ханства, российская и британская системы пересекались и взаимно пересекались и определяли характер друг друга.

В данной работе под «Центральной Азией» понимается совокупность территорий, включающих Казахскую степь, Бухарское, Хивинское и Кокандское ханства, а также прилегающие приграничные зоны, в той мере, в какой они входили в сферу деятельности дипломатических и разведывательных миссий Российской и Британской империй в последней четверти XVIII в. - 60 годах XIX в.

Миссии, направлявшиеся в Центральную Азию, функционировали не в «пустоте», а в условиях сложной и многослойной международной среды, где информация становилась ключевым стратегическим ресурсом. Понимание этой среды необходимо для объяснения системной логики миссий, почему именно в этот период обе державы интенсивно инвестировали в производство знания о регионе.

Для России конец XVIII - первая половина XIX века был временем активного переосмысления роли южных и степных рубежей. А. Моррисон показал, что уже в первые десятилетия XIX века российское руководство начинало воспринимать центральноазиатское направление не как периферийную зону, а как потенциально уязвимый фронтир, требующий системного контроля [46, p. 45-70]. В этом контексте интерес к территориям за пределами формальной границы к казахской степи, Бухаре, Хиве, Коканду определялся не столько немедленным стремлением к завоеванию, сколько потребностью в точном знании. Для Британской империи центральным элементом оставалась Индия, любые изменения в прилегающих регионах рассматривались через призму ее безопасности, а северо-западное направление воспринималось как зона потенциальной угрозы, требующей постоянного наблюдения.

Существенную роль в формировании региональной политической ситуации играли и другие государства. Каджарский Иран выстраивал собственную дипломатию в Центральной Азии, прежде всего в связи с вопросами пленных и контроля над Гератом.

Цинская империя после разгрома Джунгарского ханства закрепилась в Синьцзяне, создав дополнительный уровень неопределенности в восточной части региона. Османская империя, хотя и не участвовавшая напрямую в центральноазиатской политике, влияла на систему восточной дипломатии через отношения с Ираном [38, p. 200-250], [83, p.552-571].

Среднеазиатские ханства: Бухара, Хива, Коканд и казахская степь выступали не только объектами внешнего воздействия, но и самостоятельными политическими акторами. Они могли ограничивать доступ иностранных миссий, манипулировать информацией, использовать противоречия между внешними державами в собственных интересах. Ни одна из сторон не обладала полной информацией о регионе, и именно это обстоятельство предопределяло особую роль дипломатических и разведывательных миссий. Они становились инструментом ориентирования в

пространстве, где границы были подвижны, политическая ситуация изменчива, а знание неполным и постоянно уточняемым.

Светлана Горшенина в монографии «L'Invention de l'Asie centrale: Histoire du concept géographique» и в статье «Теория "естественных границ" и завоевание Кульджи» показала, что само понятие «Центральная Азия» является продуктом имперского картографирования и классификации [7], [80]. Горшенина прослеживает конкуренцию российских и западноевропейских названий одного и того же пространства как конкуренцию имперских концептуальных систем. Для изучаемых миссий ее тезис означает маршруты и задания посольств сами по себе создавали «Центральную Азию» как регион, доступный имперскому взгляду и управлению.

Теоретической основой концептуальной рамки настоящего исследования служит понятие «знание-власть» (pouvoir-savoir), разработанное М. Фуко в «Discipline and Punish» и «Power/Knowledge» Фуко показал, что знание не просто сопровождает власть, но формирует и обеспечивает ее [84], [76]. Систематический сбор сведений об управляемом объекте является самостоятельной формой власти над ним. Применительно к дипломатическим и разведывательным миссиям это означает, что Российская и Британская империи, направляя посольства с заданием описать политическое устройство, топографию, торговые пути и военный потенциал ханств, тем самым создавали эти ханства как известные, управляемые, потенциально подвластные объекты. Именно в этом качестве миссии могут быть проанализированы сравнительно как операции по производству имперского знания. Вместе с тем тезис Фуко о конститутивной связи знания и власти применяется в настоящем исследовании критически. Не всякое производство знания сводится к политическому проекту: разведывательные миссии одновременно собирали оперативно необходимую, практически точную информацию о маршрутах, ценах, военных силах ханств, которая не была «дискурсивным конструктом», но прямым условием принятия конкретных решений. Концепция «знание-власть» используется здесь как инструмент анализа институциональных целей миссий, а не как универсальное объяснение природы производимого ими знания.

В «An Anthropologist among the Historians» и «Colonialism and Its Forms of Knowledge» Бернард Кон показал, что производство знания о колонизируемых обществах, топографические съемки, переписи, лингвистические исследования являлось не просто научной деятельностью, но практическим инструментом управления [43], [85]. Ключевое понятие Кона investigative modality («порядок исследования») обозначает специфический способ сбора сведений, задаваемый колониальными властями, определенные вопросы, которые надо задать, определенные типы данных, которые нужно получить. Применительно к изучаемым миссиям это понятие непосредственно применимо к системе инструктирования. Каждый из трех уровней трехуровневой системы задавал свой «порядок исследования»: МИД требовал политических сведений, Генеральный штаб - военно-географических,

губернатор - агентурных. Концепция Кона была разработана на материале британской Индии, ее применение к российскому и сравнительному материалу является одной из задач настоящей диссертации.

С. Дж. Бэйли «Empire and Information: Intelligence Gathering and Social Communication in India, 1780-1870» один из ключевых теоретических источников для данного исследования [42]. Бэйли разработал концепцию «информационной империи», показав, что контроль над информационными потоками являлся ключевым ресурсом имперской власти. Он выявил функциональные типы информационных агентов «знающих людей» (knowledgeable people): переводчики, курьеры, торговые посредники, местные чиновники образовывавших сети, в которых колониальные цели и личные интересы агентов постоянно переплетались. Принципиально важен тезис Бэйли: «европейцы никогда не знали ничего про туземное общество и не могли знать, в силу своих концептуальных предубеждений», - следствием чего была полная зависимость от местных информаторов при одновременном недоверии к ним. Эта структурная зависимость прямо проявилась в истории российских миссий, катастрофа хивинского похода Перовского 1839 года была во многом обусловлена именно тем, что командование проигнорировало предупреждения казахских проводников об условиях зимнего перехода через степь.

Концепции Кона и Бэйли находятся в методологическом напряжении: Кон акцентирует конститутивную силу колониального знания, формировавшего саму реальность, которую описывало, тогда как Бэйли настаивает на том, что колониальным государствам требовалась точная практическая информация, а не ориентализм воображения. Применительно к материалу настоящего исследования это противоречие снимается эмпирически: российские и британские миссии одновременно производили «конститутивное» знание карты, этнографические описания, политические обзоры, задававшие образ региона для имперских центров, и собирали оперативные разведывательные данные, необходимые для конкретных военных и дипломатических решений. Именно это совмещение двух функций и составляет аналитическую проблему диссертации.

Настоящая диссертация реализует сравнительно-историческое исследование российских и британских миссий в Центральную Азию. Выбор сравнительного метода требует специального обоснования: в чем состоит основание сопоставимости двух систем и как избежать механического уравнивания принципиально разных институциональных логик.

Основание сравнимости российских и британских миссий не их формальное сходство, они принципиально различались по организационным формам, маршрутам и кадровому составу, но функциональная аналогия: обе системы решали одну и ту же структурную задачу в виде производство знания о Центральной Азии как условие политического контроля над регионом. Именно эта функциональная аналогия, а не формальное сходство, служит основанием для сравнительного анализа по следующим параметрам: механизмы инструктирования, принципы комплектования состава, логика

маршрутов, системы «знающих людей» и каналы переработки полевых данных в политические решения.

Первым методологическим основанием служит новая имперская история и ее принципы: отказ от телеологии, то есть от представления о том, что нация является заранее заданным итогом имперских процессов, внимание к агентности управляемых народов, анализ конкурирующих идентичностей и признание гибридности имперских практик [86, с.387-420]. Применительно к данной диссертации это означает, что российские и британские миссии рассматриваются не как элементы предопределенного завоевания, но как практики, исход которых определялся в том числе стратегиями локальных посредников, как казахские проводники, татарские переводчики, бухарские купцы-информаторы, ханские чиновники.

Вторым основанием служит концепция агентности локальных акторов применительно к посредникам. Я. Кэмпбелл в «Knowledge and the Ends of Empire» показал, что казахские посредники, получившие образование в российских военных учреждениях, обладали «двойной идентичностью»: они были одновременно имперскими служащими и представителями собственных общин [44]. М. Ходарковский и Т. Уяма в статье «"Include and Rule": The Non-Titular Ethnic Elites in Eurasian Empires, 1500-1850s» разработали концепцию включения нетитульных элит в имперские структуры как стратегии контроля [87], объясняющую логику рекрутирования казахских аристократов в разведывательную инфраструктуру ОПК. Обе концепции принципиальны для понимания того, что «знающие люди» при российских и британских миссиях не были пассивными инструментами, но активными участниками производства знания.

Третьим методологическим основанием служит подход «новой дипломатической истории», разработанный в работах Я. Хеннингса и Т. Отте [242] [243]. В отличие от традиционной дипломатической историографии, рассматривавшей государства и институты как абстрактных субъектов политики, «новая дипломатическая история» смещает аналитический фокус на конкретных людей, реализовывавших дипломатические и разведывательные функции: их социальное происхождение, образование, личные связи и мировоззрение. Настоящее исследование реализует именно эту установку: просопографический анализ кадрового состава миссий Виткевича, Осмоловского, Бернса, Конолли, Мир Иззатуллы, Мохан Лала составляет один из ключевых аналитических уровней сравнительного исследования.

Четвертым основанием служит трансимперский подход, разработанный Ю. Остерхаммелем в « The Transformation of the World: A Global History of the Nineteenth Century» [2] и примененный к центральноазиатскому материалу Н. Пианчолой и П. Сартори в « Islam, Society and States across the Qazaq Steppe (18th–Early 20th Centuries)» [3]. Трансимперский подход означает, что российские и британские миссии не просто конкурировали в одном пространстве, но взаимно формировали практики друг друга: агенты одной стороны отслеживали агентов другой, местные акторы использовали

присутствие обеих держав в собственных интересах. Это «зеркальное» измерение соперничества, один из аналитических фокусов настоящего исследования.

Пятым основанием служит метод критического чтения источников, разработанный применительно к колониальным архивам. П. Сартори в « A Sound of Silence in the Archives: On Eighteenth-Century Russian Diplomacy and the Historical Episteme of Central Asian Hostility» [83] показал, что российские дипломатические архивы не просто фиксируют реальность, но активно ее конструируют, «дискурс враждебности» центральноазиатских правителей, культивировавшийся в пограничной администрации, систематически деформировал интерпретацию информации, получаемой от местных информаторов. Этот методологический принцип, читать архивные источники не только как свидетельства фактов, но как акты производства определенной версии реальности применяется в диссертации при работе с донесениями ОПК, инструкциями МИД и отчетами участников миссий.

Проведенный анализ позволяет сформулировать рабочий понятийный аппарат настоящей диссертации и обозначить ее методологические основания.

Дипломатическая и разведывательная миссия в Центральной Азии конца XVIII - 60-х годов XIX века не разные типы, но две стороны одного явления в виде гибридного механизма имперского производства знания, в котором переговорные, разведывательные, картографические и посреднические функции были неразделимы. «Стратегия» обеих держав применительно к этим миссиям представляла собой не единый централизованный замысел, но совокупность адаптивных практик децентрализованного принятия решений, реализовывавшихся на нескольких уровнях от петербургского МИД и лондонской Ост-Индской компании до оренбургского губернатора и калькуттского Политического департамента.

«Центральная Азия» в данной диссертации не нейтральное географическое обозначение, но исторически изменчивый концепт, конструировавшийся в том числе через сами практики миссий и экспедиций. Понятийная рамка «производства имперского знания» опирающаяся на Фуко, Бейли и Кона позволяет рассматривать эти миссии симметрично и сравнительно, как две разные, но типологически сопоставимые системы решения одной структурной задачи, превращения «неизвестного» региона в управляемый объект имперской политики.

1.2. Историография проблемы

Историография дипломатических и разведывательных миссий Российской и Британской империй в Центральной Азии в последней четверти XVIII - 60-х годах XIX века отличается значительной неравномерностью, при богатстве описательных исследований по отдельным миссиям и отдельным державам, сравнительный анализ механизмов их подготовки, опирающийся на архивные источники обеих сторон и применяющий современный теоретический инструментарий, до сих пор не стал предметом специального

исследования. Историографический обзор построен по проблемному принципу. Цель не перечислить работы в хронологическом порядке, а показать, как менялись вопросы, которые историки задавали теме, и где в этой традиции образовались устойчивые исследовательские пробелы. Эта методология позволяет точно определить тот исследовательский пробел, восполнение которого является научной задачей настоящей диссертации.

Для понимания логики настоящего историографического обзора важно сначала обозначить проблемные вопросы исследования.

Историографический анализ понятия «Большая игра»

Понятие «Большая игра», ставшее устойчивым обозначением российско-британского соперничества в Центральной Азии, в данной работе не используется как аналитическая рамка. Причина не в том, что соперничество двух держав не было реальным, а в том, что этот концепт несет ряд серьезных аналитических ограничений.

Термин «Большая игра» (The Great Game) имеет не академическое, а литературно-публицистическое происхождение. Он связывается с именем британского офицера Артура Конолли, употреблявшего это выражение в личной переписке в 1830 годы, и приобрел широкое распространение благодаря роману Редьярда Киплинга «Ким» (1901), а затем одноименной монографии П. Хопкирка «The Great Game: The Struggle for Empire in Central Asia» [40]. Именно его происхождение объясняет слабые стороны этой концепции. Во-первых, понятие «игры» предполагает ложное равенство двух сторон с единой осознанной стратегией, тогда как в действительности Россия действовала с континентальных позиций через сухопутные административные сети, а Британия через морские базы и разведывательную систему Британской Индии, это принципиально разные институциональные логики. Во-вторых, нарратив приключений, характерный для «Большой игры», превращает системную бюрократическую политику в совокупность индивидуальных поступков, скрывая механизмы принятия решений и повседневную рутину сбора информации. В-третьих, этот термин был британским по происхождению и описывал ситуацию с британской точки зрения, применение его к российским практикам воспроизводит такой угол зрения, при котором российская сторона всегда выступает лишь как ответ на британскую инициативу, а не как самостоятельный актор. В четвертых, «игра двух великих держав» стирает из картины агентность ханских дворов, казахских элит, среднеазиатских купцов, участников, чьи собственные стратегии во многом определяли условия и итоги большинства изучаемых миссий.

А. Моррисон в монографии « The Russian Conquest of Central Asia: A Study in Imperial Expansion, 1814-1914» критикует концепцию «Большой игры» как аналитически непригодную [46]. На основе обширной архивной работы исследователь показывает, что большинство решений об отправке российских миссий принималось децентрализованно, нередко региональными командирами без официальной санкции Петербурга. Тайные поездки П.И. Демезона (1833) и И. В. Виткевича (1835-1836) были личными инициативами

губернатора Перовского, предпринятыми без уведомления МИД. Тезис Моррисона о децентрализованном характере российского принятия решений принципиально важен и он означает, что «Большая игра» как координированная стратегия была в значительной мере позднейшей конструкцией историков, а не реальностью эпохи.

Не менее важен для переосмысления концепта вклад Е. Ю. Сергеева. В монографии «Большая игра, 1856-1907: Мифы и реалии российско-британского соперничества в Центральной и Восточной Азии», наиболее полном российском академическом исследовании этой темы. Ученый разбирает основные мифы концепта, как миф о единой стратегии обеих держав, миф о симметрии их ресурсов, миф о «финале» соперничества в 1907 году [88]. Е. Ю. Сергеев показывает, что российское и британское продвижение в Центральную Азию определялось принципиально разными институциональными логиками. Россия действовала в логике пограничного давления и региональной инициативы, Британия в логике защиты индийских коммуникаций от угрозы вторжения. Эта разная институциональная логика требует разного аналитического инструментария, а не единой концептуальной рамки «игры».

Еще одно важное аналитическое измерение добавляет П. Сартори. В статье « A Sound of Silence in the Archives: On Eighteenth-Century Russian Diplomacy and the Historical Episteme of Central Asian Hostility» исследователь показывает, что российские дипломатические практики в Центральной Азии складывались в условиях устойчивого «дискурса враждебности» набора готовых представлений о непримиримой агрессивности местных правителей, который систематически искажал интерпретацию информации, поступавшей от местных информаторов [83]. Этот «дискурс враждебности» являлся структурным фактором, определявшим характер инструктирования миссий и то, какое знание о регионе в итоге производилось.

Принципиально важен и еще один текст Моррисона, ставший поворотным для всей историографии темы. В статье «Twin Imperial Disasters: The Invasions of Khiva and Afghanistan in the Russian and British Official Mind, 1839-1842» он осуществил первое в историографии систематическое сравнение процессов принятия решений обеими державами на протяжении одного и того же исторического эпизода [89]. Статья показывает, что британское вторжение в Афганистан и российская зимняя экспедиция в Хиву 1839 года были связаны не только хронологически, но через взаимные реакции на разведывательные сведения, поступавшие в Оренбург, Петербург, Калькутту, Лондон и Тегеран. Российские и британские чиновники разделяли схожие предубеждения и высокомерие в отношении центральноазиатских правителей и информаторов и обе державы в итоге потерпели катастрофическое поражение, которое во многом было обусловлено именно этим высокомерным отношением к местному знанию. В статье «Beyond the "Great Game": The Russian Origins of the Second Anglo-Afghan War» А. Моррисон продолжил сравнительный анализ, показав, что британское решение начать Вторую

афганскую войну было непосредственно спровоцировано российской дипломатической активностью, еще раз демонстрируя, как практики одной державы формировали практики другой [90].

Настоящее исследование принимает критику концепта «Большой игры», предложенную Моррисоном, Сергеевым и Сартори, как методологическую основу и предлагает взамен рамку производства имперского знания: систематическое изучение того, как обе державы создавали, накапливали и применяли знание о Центральной Азии через дипломатические и разведывательные миссии и как эти практики соотносились между собой.

Проблема оправдательного нарратива.

Первые российские исследователи изучали дипломатические миссии в Центральную Азию не как самостоятельный объект анализа, но как часть нарратива об «освоении» Востока Россией. Оправдательная функция этого нарратива предопределяла его структурные слабости, цели миссий неизменно представлялись как вынужденные и оборонительные, а их разведывательная составляющая оставалась за пределами рассмотрения.

А. И. Попов в «Сношениях России с Хивою и Бухарою при Петре Великом» заложил основы торгово-коммерческого понимания российских миссий [17]. Используя материалы Посольского приказа, исследователь создал первую связную хронологию контактов с ханствами от петровского времени, рамочно представив их как инструменты торговой политики. Эта концептуальная установка надолго определила характер изучения темы и одновременно закрыла от исследователей разведывательную и агентурную составляющую миссий, которая просто не умещалась в торгово-коммерческую логику.

С. В. Жуковский в «Сношениях России с Бухарой и Хивой за последнее трёхсотлетие» внес в историографию важное дополнение: рассмотрение встречных ханских посольств в Россию как полноправного элемента дипломатической истории [91]. Такой двусторонний взгляд посольства как взаимный, а не односторонний дипломатический процесс открывал возможность для анализа стратегий принимающей стороны. Эти возможности Жуковский, однако, реализовал лишь описательно, не выйдя на уровень систематического анализа интересов и расчетов ханских дворов.

М. А. Терентьев в трехтомной «Истории завоевания Средней Азии» впервые систематически поставил вопрос о разведывательной составляющей российских миссий, рассматривая каждое посольство как подготовку к последующим военным действиям [92]. Как кадровый офицер-участник среднеазиатских кампаний, исследователь понимал эту связь изнутри и именно поэтому его труд стал первым в российской историографии, где миссии рассматривались в функциональной связи с военным планированием. Ограничением работы Терентьева служила та же оправдательная оптика, завоевание представлялось неизбежным и полезным, действия ханств вероломными, а разведывательная деятельность России законной реакцией на их угрозы. Более ранняя его работа «Россия и Англия в Средней Азии» ввела

тему соперничества двух держав применительно к деятельности миссий, положив начало традиции их геополитической интерпретации [18].

Н. И. Веселовский в «Очерке историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего» собрал обширный архивный материал о российских посольствах в Хиву с конца XVII по начало XIX века [14]. В. В. Бартольд в «Истории изучения Востока в Европе и России» предложил принципиально иной угол зрения, миссии как научные экспедиции, выражающие уровень востоковедческих знаний своего времени [93]. Мемуарный корпус участников миссий: Н. Н. Муравьев [11], Е. К. Мейендорф [8], Н. А. Иванин [94], Н. Г. Залесов [95], Н. П. Игнатьев [13], Бланкеннагель [12] (с примечаниями В. В. Григорьева) составил первичную историографию темы, написанные участниками, эти тексты задавали нарративные рамки для всех последующих исследователей.

Главная слабость дореволюционной историографии, что оправдательный нарратив скрывал реальные цели миссий, британская сторона рассматривалась лишь как угроза, но не как объект сравнительного анализа, роль и интересы принимающей стороны ханских дворов и казахских посредников оставались за кадром.

Советская историография кардинально изменила идеологический знак, от оправдания завоевания к его критике как колониальной политики. Однако сохранилась та же однополярность взгляда, события описывались исключительно через призму российской имперской политики.

Н. А. Халфин в монографиях «Политика России в Средней Азии (1857–1868)» [19] и «Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX в.)» провел первый систематический анализ целей и результатов всего комплекса российских миссий в хронологическом разрезе [96]. Ученый первым показал, что миссии являлись не отдельными дипломатическими актами, но звеньями единой политики, шаг за шагом готовившей военное завоевание. Этот переход от описательного к аналитическому подходу стал важным вкладом в историографию темы. Советская методология, удерживала Халфина от прямого анализа разведывательной и агентурной составляющей миссий, признание систематической разведывательной деятельности не вписывалось в картину «вынужденного» ответа на агрессию ханств. Единственным исключением стало предисловие к изданию «Записок о Бухарском ханстве» Демезона и Виткевича, где впервые была детально описана система конспиративных мер при подготовке тайных миссий 1830 годов [97].

Н. С. Киняпина, М. М. Блиев и В. В. Дегоев в «Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России» поместили миссии в более широкий контекст, рассмотрев центральноазиатское и кавказское направления российской политики как параллельные имперские стратегии [98]. Это стало шагом вперед по сравнению с однолинейным подходом Халфина. Среднеазиатская советская историография Б. Г. Гафуров «История таджикского народа»[99], Б. И. Искандаров «Восточная Бухара и Памир»[100], Т. Г. Тухтаметов «Россия и Хива»[101] создала корпус работ, рассматривавших внутренние процессы в

ханствах. Ценным вкладом этих исследований стало введение «взгляда изнутри», ограничение же, то что ханские дворы изображались либо жертвами колонизации, либо коллаборационистами, но не самостоятельными дипломатическими акторами со своими расчетами и стратегиями. О. В. Маслова в «Обзоре русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию» создала наиболее полный свод данных обо всех российских экспедициях рассматриваемого периода, это незаменимый справочный инструмент [21].

Д. Ю. Арапов в «Бухарское ханство в русской востоковедческой историографии» провел специализированный анализ того, как знания о Бухаре накапливались через миссии и экспедиции [20]. Этот труд один из немногих в российской историографии, где миссии рассматривались как механизм производства ориенталистского знания, хотя и без обращения к соответствующей теоретической традиции. Исследователи военной разведки М. Алексеев «Военная разведка в Российской империи от Александра I до Александра II» [102] и К. К. Звонарев «Агентурная разведка» [103], рассмотрели разведывательные практики в институциональном ключе, предоставив важный контекст, хотя специально центральноазиатским направлением не занимались.

Главная слабость советской историографии, это разведывательная и агентурная составляющая миссий по-прежнему замалчивалась, британские миссии не рассматривались как сопоставимый объект анализа, роль казахских и других местных посредников оставалась вне поля зрения.

Для понимания структурного контекста, в котором действовали обе державы, принципиально важны классические труды по международным отношениям. А. Дж. П. Тейлор в «The Struggle for Mastery in Europe, 1848-1918» разработал концепцию европейского баланса сил, одним из измерений которого и являлось центральноазиатское соперничество [104]. П. Кеннеди в «The Rise and Fall of the Great Powers» рассматривал это соперничество в долгосрочной перспективе: оба государства в тот период испытывали характерное для великих держав несоответствие между растущими стратегическими амбициями и реальными возможностями [105]. Э. Хобсбаум в «The Age of Empire, 1875-1914» предложил широкий взгляд на механизмы имперской экспансии как явления промышленного капитализма [106]. Все три труда дают необходимый макроструктурный фон, но не изучают механизмы конкретных миссий.

Д. Гиллард в «The Struggle for Asia, 1828-1914» показал, что каждая миссия была ходом в геополитическом противостоянии, имевшем свою реактивную логику [107]. В частности, исследователь показал, что отправка российских посольств в Бухару и Хиву в 1857-1858 годах была прямым ответом на британское вмешательство в Афганистане, важное наблюдение о том, как действия одной стороны формировали практику другой. М. Э. Япп создал аналитически строгое исследование британской стратегии в регионе, разработав подход к изучению дебатов внутри имперской администрации о целях и методах присутствия [38]. Этот методологический подход изучение не

только самой политики, но и ее внутреннего институционального производства может быть симметрично применен к российской стороне, что и является одним из ключевых приемов настоящей диссертации.

К. Эндрю в «Secret Service: The Making of the British Intelligence Community» рассмотрел британские разведывательные миссии как элементы формирующейся институциональной системы, а не как индивидуальные авантюры [108]. Следующий исследователь, М. Г. Фишер, в «Indirect Rule in India: Residents and the Residency System, 1764-1858» показал, как британские «политические агенты» при Британской Ост-Индской компании (EIC) совмещали дипломатические, разведывательные и военные функции, точная функциональная параллель с российскими офицерами Генерального штаба (ГШ) при посольствах, которая, однако, никогда не становилась предметом систематического сравнения [39].

Дж. Ле Донн в «The Russian Empire and the World, 1700-1917» предложил системный геополитический взгляд на российскую экспансию [109]. Р. Крюс в «For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia» показал, что отношения между Российской империей и ее мусульманскими подданными были значительно более сложными, чем предполагает нарратив о покорении, факт, принципиально важный для понимания того, как работали агентурные сети через мусульманских посредников [110]. Наконец, А. Моррисон в сравнительной статье «Russian Rule in Turkestan and the Example of British India, c. 1860-1917» впервые систематически сопоставил административные практики двух держав, открыв путь для сравнительного изучения миссий, которое настоящая диссертация реализует применительно к более раннему периоду [111].

Итоговая слабость западной историографии в рамках концепта «Большой игры»: геополитическое соперничество описано хорошо, но механизмы конкретных миссий слабо. Британская сторона изучена несравнимо лучше российской. Систематического сравнительного анализа практик двух держав нет.

После распада СССР в историографии темы произошли два взаимосвязанных процесса: открытие архивов, давшее доступ к ранее засекреченным материалам, и формирование новых национальных историографий в независимых государствах. Оба процесса обогатили изучение темы, хотя нередко советские нарративы просто сменялись национально-освободительными, воспроизводя те же структурные слабости с иным идеологическим знаком.

Х. Пирумшоев в «Российско-среднеазиатские отношения XVI - середины XIX веков в русской историографии» провел первый систематический разбор дореволюционной и советской традиций, показав, что российская историография систематически игнорировала позицию принимающей стороны [33]. М. Ниязматов в «Поиск консенсуса. Российско-хивинские геополитические отношения в XVI - начале XX в.» предложил важное аналитическое смещение, вместо традиционного нарратива об

одностороннем давлении ввел понятие «консенсуса» как поиска взаимоприемлемых форм сосуществования [34]. Этот подход открывал возможность рассматривать ханские дворы не как жертв, но как дипломатических акторов, искавших собственные выгоды во взаимодействии с российскими миссиями.

Х. Г. Гуломов в монографии «Дипломатические отношения государств Средней Азии с Россией XVIII - первая половина XIX века» предложил принципиально иной угол зрения на изучаемые миссии, со стороны принимающих государств. Опираясь на архивные материалы РГАДА, АВПРИ и ГАОО, исследователь рассматривает посольские миссии Бухары, Хивы и Коканда в Россию как самостоятельные дипломатические акции, отражавшие собственные геополитические интересы ханств, а не только ответные реакции на российское давление. Гуломов прослеживает историческую глубину этого взаимодействия начиная с эпохи Ивана IV и Петра I, тем самым помещая рассматриваемый период в долгосрочную перспективу [32]. Ценность работы для настоящей диссертации определяется тем, что она восстанавливает агентность принимающей стороны, аспект, систематически отсутствовавший как в дореволюционной российской, так и в советской историографии. Вместе с тем фокус на двусторонних дипломатических контактах оставляет за пределами анализа разведывательную составляющую миссий и их сравнение с британскими практиками, задачи, которые ставит настоящее исследование.

А. В. Постников в «Становление рубежей России в Центральной и Средней Азии» и «Схватка на "Крыше мира"» систематически рассмотрел картографическую составляющую российских миссий как форму производства имперского знания о пространстве [35]. В статье «Об итогах пребывания российской миссии в 1841-1842 гг. в Бухаре» он впервые детально реконструировал переплетение дипломатической и разведывательной деятельности в ходе конкретной миссии, показав, что российские и британские агенты в Бухаре отслеживали действия друг друга через одни и те же местные сети [37].

Р. Ю. Почекаев в работах по правовым аспектам российско-среднеазиатских отношений ввел юридический угол зрения на практику миссий, вопросы дипломатического статуса и протокольных норм [112]. К. Хафизова в «Степные властители и их дипломатия в XVIII-XIX веках» вернула агентность ханским правителям, показав, как они целенаправленно использовали российские и британские миссии в балансировании между двумя державами [22].

Определенный вклад в казахстанскую историографию внесли работы З. Е. Кабулдинова, С. К. Удербаевой и Г. А. Шотановой. Их статья «Diplomatic Mission A. F. Negri in Bukhara 1820: Goals and Results» впервые рассмотрела подготовку и результаты бухарского посольства Негри с казахстанской исследовательской перспективой на материале российских и казахстанских архивов [113].

Серия статей Е. В. Крыжко и соавторов в журнале «Былые годы» об истоках «Большой игры», ее развитии, этнокультурных аспектах соперничества и британской «русофобии» как идеологическом явлении представляет развернутое осмысление обеих сторон регионального противостояния в казахстанской академической среде [114], [115], [116], [117]. Г. Б. Избасарова в диссертации «Казахская степь Оренбургского ведомства как объект реформ» [118] и статье «Кочевая ментальная карта пространства: трансформация понятия границы в представлениях казахов в XIX в.» [119] ввела ключевое понятие «кочевой ментальной карты пространства». Это специфическое пространственное знание кочевников о водных источниках, сезонных маршрутах, родовых территориях было незаменимым для проведения любой миссии через казахскую степь, без казахских проводников, ориентировавшихся по этой карте, ни одна экспедиция не могла безопасно преодолеть степные расстояния.

Общая слабость постсоветской историографии: несмотря на расширение архивной базы, систематического сравнительного анализа механизмов подготовки российских и британских миссий в едином аналитическом ключе по-прежнему нет.

Информанты и посредники

Г. С. Султангалиева создала обширный корпус работ о механизмах вовлечения казахских элит в российские имперские структуры и об их роли в производстве знания о степи. В главе «The Russian Empire and the Intermediary Role of Tatars in Kazakhstan» [25] она детально реконструировала роль татарских переводчиков и толмачей в канцелярии Оренбургского губернаторства, показав, как Россия решала проблему острой нехватки знаний о казахской степи через привлечение посредников-мусульман. В статье «Tatar Officials in the Orenburg Governorate's Chancellery» [26] прослеживается биография конкретного агента М.-Ш. Айтова, с 1820 по 1856 год служившего переводчиком ОПК, как образец посреднической карьеры, в которой татарское происхождение, знание языков и связи в степи создавали уникальные возможности.

В ее монографиях «Казахское дворянство в XIX-начале XX вв.» [29] и «Казахские чиновники на службе Российской империи» [27] введен в оборот обширный документальный материал о казахских чиновниках, офицерах и переводчиках на имперской службе. Эти документальные своды принципиально важны для настоящего исследования, так как они раскрывают социальную среду, из которой рекрутировались казахские посредники и агенты разведывательных миссий. В статье «Казахские чиновники Российской империи XIX в. Особенности восприятия власти» [31] анализируется, как казахские чиновники воспринимали и интерпретировали имперскую власть, вопрос напрямую связанный с пониманием того, как посредники использовали свою роль «знающих людей». В статье «Rethinking the Colonial Past» [120] автор обращается к более широкому переосмыслению колониального прошлого в казахстанской и российской историографии, критически оценивая

существующие подходы к изучению казахско-российских отношений. В статье «Kazakh translators of the Semirechensk oblast» [121] на конкретном региональном материале показана роль казахских переводчиков как профессиональных посредников имперского управления.

В статье «Роль военных топографов в колонизации "Русского Туркестана"» К. Иванов применил концепцию Кона к деятельности офицеров Генерального штаба в российских экспедициях[122]. Иванов показал, что топографическая съемка была не просто технической процедурой, но актом практического освоения пространства, создание карты превращало территорию из неизвестной в известную, из неуправляемой в потенциально подвластную. Следовательно, офицеры Генерального Штаба, включенные в состав каждого официального посольства, выполняли функцию важнейших участников производства имперского знания о регионе.

А. Каппелер в «The Russian Empire: A Multiethnic History» [123] и «The Russian Empire and Its Nationalities in Post-Soviet Historiographies» [124] исследователь разработал концепцию «посредников» элит нерусских народов, обеспечивавших связь между имперской администрацией и местными обществами. Каппелер показал, что Россия управляла нерусскими народами не через прямое принуждение, но через систему дифференцированных институтов, для казахской степи это были учебные заведения, институт переводчиков при ОПК, система казахских султанов-правителей. Именно из этой среды рекрутировались казахские переводчики и проводники при российских миссиях, люди с двойной компетентностью: российской военной подготовкой и знанием степных реалий.

В совместной статье «"Include and Rule": The Non-Titular Ethnic Elites in Eurasian Empires, 1500-1850s» [87] М. Ходарковский и Т. Уяма разрабатывают понятие «включи и правь» стратегии вовлечения нетитульных элит в имперские структуры как способа установления контроля без прямого принуждения. Нетитульные элиты включались в армию, чиновничество, систему образования, получая доступ к имперским ресурсам в обмен на лояльность и посредническую службу. Именно эта стратегия объясняет логику рекрутирования казахских аристократов в разведывательную инфраструктуру российских миссий, выпускники учебных заведении были одновременно российскими офицерами и казахскими аристократами, и именно эта двойная принадлежность делала их незаменимыми. М. Ходарковский в « Russia’s Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500-1800» [125] показал, что дипломатические и разведывательные практики были неотделимы от механизмов вовлечения степных элит в имперские структуры.

Т. Уяма в « The Geography of Civilizations: A Spatial Analysis of the Kazakh Intelligentsia’s Activities, from the Mid-Nineteenth to the Early Twentieth Century» [126] прослеживает, как географические и образовательные маршруты казахских интеллектуалов формировали их культурные и политические идентичности. Движение через несколько цивилизационных зон, как аул, Омск или Оренбург, Петербург создавало ту культурную полилингвальность,

которая делала выпускников учебных заведении лучшими посредниками для разведывательных миссий. Т. Уяма в сборнике Asiatic Russia формулирует ключевой тезис «каждая империя играет в игру с неполной информацией» и поэтому структурно зависит от местных знатоков. Именно понятие «двойной принадлежности» нетитульных элит, введенное в работах Ходарковского и Уямы, является исходным теоретическим инструментом для анализа казахских посредников в настоящей диссертации.

Я. Кэмпбелл в «Knowledge and the Ends of Empire: Kazak Intermediaries and Russian Rule on the Steppe, 1731-1917» [5] применил концепцию двойной принадлежности конкретно к казахским посредникам. Кэмпбелл показывает, что казахские элиты, получившие образование в российских учебных заведениях, не имели одной «истинной» и одной «ложной» идентичности, обе принадлежности были подлинными одновременно, и именно это делало их незаменимыми. Наиболее выразительный пример Ч. Ч. Валиханов, проникший в Кашгар под именем купца «Алимбая». Он не притворялся казахским торговцем, но являлся им в той же мере, что и российским офицером.

П. Сартори и П. Шаблей в монографии «Эксперименты империи: адат, шариат и производство знаний в Казахской степи» [45] предложили детальный анализ механизмов производства колониального знания в Казахской степи на конкретном правовом материале. Центральный вопрос монографии почему Российская империя так и не смогла реализовать ни один из проектов кодификации обычного права в Казахской степи, несмотря на масштабные усилия чиновников и ученых, решается авторами через анализ «непоследовательности ориентализма как властного дискурса»: колониальная администрация одновременно нуждалась в местных «знающих людях» и систематически сопротивлялась результатам их деятельности. Принципиально важен сквозной тезис авторов о том, что «исследователи не всегда учитывают особенности мышления, которыми могли руководствоваться местные информаторы» то есть субъектность казахских и татарских посредников, поставлявших имперской администрации сведения о праве, обычаях и политической жизни степи, систематически игнорировалась как историографией, так и самой колониальной бюрократией. Среди конкретных исторических фигур монографии центральное место занимают И. Я. Осмоловский и В. В. Григорьев: авторы прослеживают, как их деятельность по сбору правовых материалов встраивалась в более широкую систему производства административного знания о регионе и как она наталкивалась на структурные ограничения имперской бюрократии. Для настоящей диссертации монография ценна в двух отношениях. Во-первых, она предлагает образцовый пример применения концепции производства колониального знания к российскому казахстанскому материалу демонстрируя, что investigative modality работала в правовой сфере по тем же механизмам, что и в дипломатической и разведывательной. Во-вторых, детальный разбор карьеры Осмоловского у Сартори и Шаблея как агента правового знания в 1849-1851 годах создает необходимый контекст для понимания его последующей роли

как управителя разведывательной сети на Сырдарьинской линии в 1853-1862 годах, которая рассматривается в параграфе 2.3 настоящего исследования.

Ж. Бурбанк и Ф. Купер в «Empires in World History: Power and the Politics of Difference» [75] предложили понятие «управленческих репертуаров», наборов гибких стратегий, которые каждая империя приспосабливала к конкретным ситуациям. Этот подход позволяет рассматривать российскую систему казахских посредников и британскую систему политических агентов Британской Ост-Индской компании как разные институциональные ответы на одну задачу - производство знания о труднодоступном регионе в условиях хронической нехватки собственных информационных ресурсов.

А. Халид в «The Politics of Muslim Cultural Reform: Jadidism in Central Asia» [127] показал, что мусульманские интеллектуалы Центральной Азии не были только объектами имперского знания, они сами производили знание о России и формировали собственные проекты модернизации. В «Islam after Communism» исследователь анализировал долгосрочные последствия колониального знания, накопленного в период завоевания. В методологической дискуссии «Russian History and the Debate over Orientalism» [128] Халид настаивал на специфике российского «ориентализма», Россия занимала «пограничное» положение между Западом и Востоком, что порождало иной тип отношения к «своему Востоку», нежели западноевропейский «ориентализм» в смысле Э. Саида. В «Making Uzbekistan» прослежено, как колониальные знания рассматриваемого периода были впоследствии трансформированы советской властью в национальные категории, что помещает изучаемые миссии в долгосрочную историю производства и использования имперского знания о регионе.

Г. Афиногенов в диссертации [73] и монографии [74] создал первое специализированное изучение разведывательных практик Российской империи как институциональной истории. Центральный тезис Афиногенова «военно-политические агенты, информаторы и ученые» были «участниками единого проекта производства знания и распространения имперского влияния» является одним из теоретических стержней настоящей диссертации.

Дж. Иден в «Slavery and Empire in Central Asia» [130] показал, что «дискурс освобождения невольников» являлся политическим инструментом легитимизации завоевания, а не его реальным мотивом. Для настоящей диссертации принципиальна следующая связь, выявленная Иденом, освобожденные пленные являлись ценнейшими информаторами-носителями оперативного знания о внутреннем устройстве ханств, систематический опрос которых ОПК составлял один из главных каналов разведывательного знания о регионе.

Сравнительные исследования в историографии

Помимо монографии и статей о «Большой игре», ключевыми для настоящего исследования являются сравнительные работы Моррисона. В «Russian Rule in Samarkand 1868-1910. A Comparison with British India» он впервые провел систематическое сравнение российского и британского

колониального управления на конкретном материале, открыв путь для аналогичного сравнения применительно к более раннему периоду[131]. В статье «Sufism, Pan-Islamism and Information Panic: Nil Sergeevich Lykoshin and the Transcription of Local Knowledge into Colonial Knowledge» Моррисон исследовал механизм «перевода» местного знания в колониальное[132], процесс, типологически совпадающий с тем, что происходило в разведывательных отчетах российских миссий. В статье «Metropole, Colony, and Imperial Citizenship in the Russian Empire» рассматриваются различия в правовом статусе жителей империи[133], контекст, необходимый для понимания положения казахских посредников в системе российского имперского управления.

А. В. Постников в « Становление рубежей России в Центральной и Средней Азии (XVIII–XIX вв.)» показал, как карты, составлявшиеся в ходе каждой миссии, встраивались в нарастающую систему военно-географических знаний о регионе[35]. И. В. Ерофеева в «Географические карты XVIII века как источник по истории, этнографии и исторической топонимике» показала, как создание карт казахской степи превращало кочевое пространство в объект российского административного осмысления[134].

К. А. Абдрахманов в «Специфика профессиональной деятельности российского купечества в Средней Азии позднеимперского периода» (по воспоминаниям Н. А. Варенцова) показал специфику поведенческих стратегий купцов, торговавших с ханствами, людей, стихийно накапливавших и передававших разведывательную информацию[135]. В. З. Галиев в «Караванные тропы» реконструировал структуру торговых путей как каналов передвижения как товаров, так и разведывательных сведений[136]. С. Леви в «The Indian Diaspora in Central Asia and Its Trade» исследовал торговые диаспоры как транснациональных участников, одновременно действовавших в российском и среднеазиатском пространствах[137].

Н. Е. Масанов в «Кочевая цивилизация казахов» реконструировал пространственные практики кочевников: как базу того специфического знания о степи, которое делало казахских проводников незаменимыми для каждой миссии[138]. В. В. Трепавлов в «Казахская правящая элита в Российской империи» прослеживает механизмы вовлечения казахской аристократии в имперские административные структуры непосредственный контекст для понимания среды, из которой рекрутировались агенты разведывательных миссий[139].

Проведенный анализ историографии проблемы позволяет сформулировать ряд содержательных наблюдений о состоянии изученности темы и обозначить тот исследовательский пробел, восполнение которого составляет цель настоящей диссертации.

Первый вывод касается эволюции концептуальных рамок. Историография темы прошла путь от торгово-коммерческих объяснений дореволюционного периода через нарратив «колониальной политики» советской эпохи к концепции «Большой игры» в западной традиции и к

постсоветским национальным нарративам. Каждая из этих рамок открывала одни стороны темы и скрывала другие. Концепция «Большой игры» стала наиболее широко принятой, но вместе с тем и наиболее аналитически ограниченной. Она описывала геополитическое соперничество, но систематически не раскрывала его институциональные механизмы. Переход к рамке производства имперского знания, предлагаемый настоящей диссертацией, не отменяет предыдущих подходов, но создает более широкую аналитическую основу, позволяющую включить в исследование как политическую, так и институциональную, и агентную составляющие.

Второй вывод связан со структурной диспропорцией в изученности двух сторон. Британская сторона в историографии описана подробнее российской, более ранний доступ к архивам, богатый мемуарный корпус на английском языке, академическая традиция изучения Британской Ост-Индской компании и Политического департамента создали значительно более детальную картину британских практик. Российская сторона, напротив, долгое время изучалась либо в рамках советского нарратива о «прогрессивном присоединении», либо как нечетко очерченный «противник» в нарративе «Большой игры». Это означает, что для достижения реальной сравнимости двух сторон российские практики нуждаются в более детальной архивной реконструкции, задача, которую настоящее исследование выдвигает на первый план.

Третий вывод касается теоретического потенциала, пока не реализованного в изучении темы. Концептуальный инструментарий «новой имперской истории» производство знания (Бэйли, Кон), новой истории дипломатии (Я. Хеннингса и Т. Отте), формы колониального знания как власти, включение нетитульных элит (Ходарковский/Уяма, Каппелер, Султангалиева), трансимперские пространства (Пианчола/Сартори, Остерхаммель) был разработан применительно к другим имперским контекстам или к другим историческим периодам. Его применение к российским и британским разведывательным миссиям в Центральной Азии в рассматриваемый период в сравнительном ключе представляет собой принципиально новую историографическую задачу. При этом ключевые работы, прямо указывающие на необходимость такого применения Иванов о военных топографах как агентах производства колониального знания, Моррисон о сравнительном изучении двух систем управления, только недавно появились в историографии и еще не стали основой для систематического сравнительного исследования миссий.

Четвертый вывод касается историографии агентности локальных посредников. Казахские переводчики, татарские толмачи, бухарские и хивинские купцы-информаторы, казахские проводники все эти участники разведывательных миссий крайне редко становились самостоятельными субъектами историографического анализа. Историография преимущественно изучала «великих игроков»: Перовского, Бернса, Игнатьева, оставляя в тени тех, без кого ни одна миссия не могла функционировать. Работы Султангалиевой, Кэмпбелла, Уямы и Ходарковского/Уямы открывают

аналитические возможности для исправления этой диспропорции, однако применительно к конкретным разведывательным практикам рассматриваемого периода эти возможности еще не были реализованы.

Пятый вывод состоит в том, что имеющаяся историография обнаруживает принципиальную нереализованность потенциала сравнительного анализа. Российские и британские миссии изучались параллельно, но не совместно, практически нет работ, систематически рассматривающих их как типологически сопоставимые объекты с едиными аналитическими критериями, механизмами инструктирования, принципами формирования состава, логикой маршрутов, устройством агентурных сетей. Статья Моррисона «Twin Imperial Disasters: The Invasions of Khiva and Afghanistan in the Russian and British Official Mind, 1839–1842» [89] является наиболее близким к такому сравнительному подходу текстом, однако она рассматривает лишь один исторический эпизод (1839 год) и не ставит задачи системного институционального сравнения двух разведывательных систем.

На основе приведенных выводов исследовательский пробел настоящей диссертации формулируется следующим образом: в историографии отсутствует сравнительное исследование дипломатических разведывательных миссий Российской и Британской империй в Центральную Азию в последней четверти XVIII-60-х годах XIX века, которое рассматривало бы их в рамке:

- производства имперского знания, принципиально отличающейся от концепции «Большой игры»;
- систематически сопоставляло бы механизмы подготовки обеих систем инструктирование, состав, маршруты, агентурные сети с едиными аналитическими критериями;
- учитывало бы активную роль казахских, татарских и других местных посредников с применением инструментария «новой имперской истории», трансимперского подхода и концепции включения нетитульных элит;
- опиралось бы на систематическую архивную работу с источниками обеих сторон. Восполнение этого пробела составляет научную задачу настоящей диссертации.

1.3. Источниковедческий анализ

Компаративное изучение дипломатических разведывательных миссий Российской и Британской империй в Центральной Азии предполагает привлечение принципиально различных по характеру, языку, происхождению и степени сохранности источников - казахстанских и российских архивных фондов с одной стороны, британских архивных коллекций и парламентских документов с другой, а также обширного корпуса нарративных источников, в виде путевых записок, мемуаров и опубликованных отчетов участников миссий обеих держав.

Источниковую базу диссертации можно разделить на пять основных групп: казахстанские архивные источники, российские архивные источники, британские архивные источники, опубликованные сборники документов и нарративные источники. Настоящий параграф последовательно рассматривает каждую из этих групп с точки зрения их происхождения, состава, информационного потенциала и ограничений.

Казахстанские архивные источники. Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК) содержит комплекс источников по теме. В ходе работы над исследованием были обработаны материалы двух основных фондов. Фонд 4 (Оренбургская пограничная комиссия, ОПК) является центральным для всего исследования. ОПК- орган, учрежденный в 1799 году для управления казахской степью и координации дипломатических контактов с центральноазиатскими ханствами, накапливала в своих делах переписку с агентами, инструкции для посольств, донесения купцов-информаторов, дела о пленных и биографические данные переводчиков и посредников. В диссертации использованы дела о миссиях и посольствах в Бухару, Хиву и Коканд, дела о казахских информаторах и лазутчиках. В ходе работы были систематически проработаны следующие группы дел: Дела о лазутчиках и агентурных поездках; Дела о пленных: ЦГА РК содержит дела, связанные с системой выкупа российских пленных из среднеазиатских ханств механизмом, являвшимся одновременно гуманитарным и разведывательным. Дела о деятельности Неплюевского кадетского корпуса.

Российские архивные источники. Государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Оренбургский архив является основным российским источником по истории дипломатических и разведывательных миссий первой половины XIX века, поскольку Оренбург был главным административным центром, координировавшим политику в Центральной Азии. В диссертации использованы следующие фонды: Ф.5-Оренбургская экспедиция пограничных дел, г.Оренбург Оренбургской губернии 1782-1799 гг., где содержатся дела о посланниках из центральноазиатских ханствах. Фонд 6 - Канцелярия оренбургского генерал-губернатора содержит переписку губернаторов с Петербургом (МИД и Военным министерством), предписания и инструкции для конкретных миссий, а также дела о деятельности агентов. Принципиальная ценность этого фонда состоит в том, что он позволяет реконструировать систему инструктирования: от общей политической директивы губернатора до конкретного оперативного задания агенту. Фонд 167 -Чернов Иван Васильевич - генерал-майор, член Оренбургской ученой архивной комиссии г. Оренбург содержит послужные списки, прошения и личную переписку агентов-посредников.

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Документы РГВИА вводятся в научный оборот настоящей диссертацией применительно к истории разведывательных миссий впервые. Четыре фонда содержат материалы, принципиально важные для реконструкции военно-разведывательного измерения центральноазиатских миссий. Фонд 67 (Данзас

А. Л., командующий Сырдарьинской линией) содержит донесения Осмоловского, направлявшиеся через Данзаса генерал-губернатору, предписания военного министра командующему о порядке пропуска ханских посольств, а также сведения о торговле России со Средней Азией и материалы о секретной работе лазутчиков. Фонд позволяет реконструировать третий уровень административной цепочки между полевым агентом и генерал-губернатором, который оставался невидимым при работе только с фондами ОПК. Фонд 231 (Сухтелен П. К., оренбургский военный губернатор) содержит дела о военно-дипломатических миссиях и военно-географических описаниях региона, включая заметки Сухтелена о Хиве. Фонд 289 (Бларамберг И. Ф.) систематические военно-географические описания Средней Азии, составлявшиеся офицером Генерального штаба в ходе нескольких экспедиций; этот фонд является основным источником по картографическому и военно-топографическому измерению российских миссий.

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Фонд «Сношения России с Бухарой» содержит официальную дипломатическую переписку с Бухарским эмиратом на протяжении всего рассматриваемого периода: верительные грамоты, инструкции посольствам, записи переговоров. В сочетании с оперативными материалами ОПК (ОГАОО) этот фонд позволяет реконструировать оба уровня российской дипломатии официальный (МИД) и региональный (ОПК) и сопоставить их нередко расходившиеся позиции. Особую ценность представляют материалы 1820-1840 годов, относящиеся к периоду наибольшей активности российских миссий на бухарском направлении. Существенным дополнением к фондам служат материалы фонда 161/4 -Секретно 2: дела Азиатского департамента МИД, не вошедшие в список Главного архива, 1782-1917. Опись 729 содержит документы, отражающие секретное делопроизводство Азиатского департамента по центральноазиатскому направлению переписку, не включенную в официальные архивные реестры и потому принципиально дополняющую картину дипломатических контактов с ханствами. Закрытый характер этого делопроизводства делает данный фонд особенно ценным для реконструкции тех аспектов российской политики в регионе, которые намеренно выводились за рамки официального документооборота.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Фонд 853 (ФЛП ГРИГОРЬЕВ ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ (1816-1881)) является исключительно важным источником по истории формирования системы разведывательных сетей ОПК в середине XIX века. Григорьев, возглавлявший ОПК в 1854-1859 годах и одновременно систематизировавший данные центральноазиатских экспедиций для ИРГО, воплощал в одном лице оба потока производства знания , разведывательный и академический. Его личный архив содержит: обработку среднеазиатских экспедиций для ИРГО, на основании которой можно реконструировать механизм принятия кадровых решений в системе ОПК. Также Записи В.В.Григорьева содержат рукопись Ханыкова Я. В. «Программа к карте Аральского моря», которое представляет

собой уникальный источник по географо-разведывательному измерению российских миссий. Ханыков называет конкретных поставщиков информации, купцов Петропавловского и Косарева, тем самым документируя практику опроса купцов как систематического разведывательного инструмента. Эти материалы принципиально важны для понимания механизма двойной циркуляции знания: из секретных агентурных сведений создавались публичные академические публикации, легитимировавшие имперское присутствие в регионе.

Документы казахстанских и российских архивов, несмотря на различие фондов и хранилищ, образуют единый делопроизводственный корпус Российской империи и распределяются по устойчивым видовым типам:

- *Инструктивные документы:* предписания, инструкции и наказы губернатора и ОПК агентам фиксируют систему предписанного знания и позволяют реконструировать официальные задания миссий.

- *Отчетная документация*: рапорты, донесения и записки агентов дает первичный полевой материал, нередко расходящийся с инструкциями и отражающий реальные условия работы.

- *Административная переписка* между ОПК, губернатором, МИД и Военным министерством раскрывает институциональную вертикаль передачи разведывательных данных и механизмы их верификации на каждом уровне иерархии.

- *Биографическая документация*: личные дела переводчиков, ходатайства о вознаграждении, характеристики посредников служит основой для просопографического анализа системы «знающих людей».

- *Финансовые документы*: ведомости вознаграждений, сметы расходов показывают, что финансирование агентурных сетей было официально встроено в государственный бюджет.

Общей проблемой критики всей этой документации является ее делопроизводственная природа: документы создавались в административных целях и несут следы имперской оценочной рамки характеристики агентов и посредников отражают их статус в системе имперских приоритетов, а не объективные качества.

Британские архивные источники.

Британская архивная база диссертации сосредоточена преимущественно в Британской библиотеке (British Library, London) в фондах отдела архива индийского ведомства (India Office Records (IOR). Использованы архивных фонды, каждый из которых принципиально важен для разных аналитических задач исследования.

Фонд L/PS/5/129 (Secret Despatches from the Governor General to the India Office). Настоящий фонд является основным архивным источником по британским дипломатическим и разведывательным практикам для раздела о кабульской миссии Бернса (1837 г.). Том охватывает период сентябрь–ноябрь 1837 года и включает ключевые документы: различные депеши Бернса, письма,

отчеты, переводы писем амира кандагарским братьям и две административные сводки.

Источниковедческая ценность этого фонда определяется несколькими факторами. Во-первых, он содержит полные, нецензурированные тексты депеш с рукописными пометками «omitted» на полях свидетельствами систематической цензуры перед возможной публикацией в парламентских «Синих книгах». Это делает его уникальным источником для изучения механизма двойной циркуляции знания. Во-вторых, он охватывает период непосредственного противостояния Бернса и Виткевича, наиболее документированный эпизод «зеркального» соперничества двух разведывательных систем. В-третьих, отчет Лича о Хайберском проходе является образцовым документом военно-топографической разведки, позволяющим сравнивать британские и российские картографические практики.

Фонд L/PS/5/131 (Political and Secret Department, 1838). Фонд содержит документы Политического и Секретного департамента за 1838 год, период, когда британская политика в Центральной Азии переживала острый кризис. Центральным документом является Депеша № 18 от 13 августа 1838 года (Симла), включающая 47 пронумерованных документов на листах 360-580, где ключевым документом является документ о британской реакции на экспедицию Перовского против Хивы.

Фонд MSS EUR C 599 (European Manuscripts, частная переписка полковника Бойла). Этот фонд содержит частную переписку офицеров британской армии в Индии, прежде всего серию писем В. Вуда к полковнику Ч. Дж. Дойлу. В отличие от официальных депеш, частная переписка раскрывает «внутренний голос» колониальной администрации: критику кадровой системы, оценки профессионализма отдельных чиновников, бытовые детали службы в Индии. Описание «интеллектуальных дуэлей» Ранджит Сингха с британскими дипломатами в Лахоре (его расспросы об арабском языке и санскрите, интерес к военным технологиям) сохранилось именно в материалах этого фонда. Принципиальная ценность для диссертации, частная переписка позволяет сопоставить официальный нарратив (депеши Политического департамента) с неофициальным и тем самым выявить те аспекты информационных практик, которые систематически замалчивались в официальных документах.

Фонд MSS Eur A 21 (рукопись Муркрофта). Рукописные материалы Уильяма Муркрофта об Афганистане и прилегающих территориях, хранящиеся в Британской библиотеке, являются важнейшим источником по самому раннему этапу британского разведывательного проникновения в Центральную Азию. Рукописи написаны от руки и читаются с трудом, тем не менее они являются единственным непосредственным документом первопроходческой миссии Муркрофта 1819-1825 годов. В сочетании с позднейшими упоминаниями его материалов в документах L/PS/5/131 (розыск его книг и бумаг в 1838 году) этот фонд позволяет реконструировать принцип

институциональной преемственности знания: материалы Муркрофта использовались британской разведкой еще 15 лет после его гибели.

Наряду с перечисленными фондами India Office Records, для диссертации существенное значение имеет еще одна категория британских документов отчет Муркрофта о торговле Кашмира (MSS EUR, Vol. U.P. 203. Pt. III. Ch. III, 1823 г.), адресованный Почтенному суду директоров Ост-Индской компании. Этот отчет является образцовым «торгово-разведывательным» документом: систематический анализ производства шалей, торговых сетей бухарских купцов как посредников между Кашмиром и Россией, влияния смены сикхской власти на торговлю, все это одновременно экономический отчет и стратегическая аналитика о региональных торговых потоках.

Британские парламентские документы (Parliamentary Papers)

Важной и специфической группой источников британского происхождения являются парламентские документы («Синие книги», Blue Books) публичные версии правительственных материалов, представлявшиеся Парламенту по запросу Палаты общин. Для изучения темы принципиальное значение имеют два вида парламентских документов.

Первый вид - переписка, представленная парламенту по специальным запросам. Наиболее значимым является «Correspondence of Sir Alexander Burnes with the Governor General of India, during his Mission to Cabul in the Years 1837 and 1838». Этот документ представляет собой официально отобранную и отцензурированную подборку депеш Бернса, именно, что прямо указывает на наличие засекреченных частей. Сравнение этого парламентского документа с полными текстами депеш в фонде L/PS/5/129 - один из наиболее показательных источниковедческих экспериментов настоящего исследования: пометки «omitted» на листах L/PS/5/129 соответствуют пробелам в парламентской публикации, что документирует механизм систематической цензуры.

Второй вид - Command Papers (командные бумаги) документы, представленные парламенту «по команде» монарха, то есть по инициативе правительства. Применительно к центральноазиатской теме важны «Papers Relating to the Affairs of India: Afghanistan» и последующие серии документов о Первой англо-афганской войне. Эти материалы важны как образцы официального публичного нарратива о британской политике в регионе: они дают «внешнюю» картину событий, существенно отличающуюся от «внутренней», реконструируемой по секретным депешам.

Принципиальная источниковедческая ценность парламентских документов состоит в следующем. Они систематически отражали определенную версию событий, предназначенную для публичного потребления. Но именно это делает их незаменимыми для изучения механизмов двойной циркуляции знания: сравнение парламентских документов с архивными делами позволяет реконструировать и выявить структуру имперского информационного контроля.

Опубликованные сборники документов

Систематическое издание архивных документов по центральноазиатской истории составляет важный пласт источниковой базы диссертации. Сборники документов решают проблему доступности архивных материалов, находящихся в разных государственных архивах, и одновременно несут собственную источниковедческую специфику: принципы отбора, комментирование и перевод отражают историографические позиции составителей.

Сборник документов «О слухах и событиях в Средней Азии» [140] занимает исключительно важное место в источниковой базе диссертации как первая систематическая публикация корпуса донесений заведующего присырдарьинскими казахами И. Я. Осмоловского. Сборник включает 373 документа из фондов ЦГА РК, РГВИА и ОГАОО за 1853-1862 годы: рапорты Осмоловского, донесения попечителей, показания информаторов, предписания Данзаса. Принципиальная ценность: впервые в научный оборот введен корпус оперативной разведывательной документации Сырдарьинской линии в период наиболее интенсивного продвижения России к Сырдарье.

Казахско-русские отношения в XVI-XVIII веках Сборник документов и материалов. Этот сборник, охватывающий ранний период российско-казахских отношений, содержит документы о первых посольских контактах, указы о направлении толмачей в Степь и ранние инструкции для информаторов материалы, позволяющие реконструировать институциональные истоки системы, складывавшейся на протяжении XVIII - первой половины XIX века[47].

Казахско-русские отношения в XVIII-XIX веках: Сборник документов и материалов. Алма-Ата, 1964. Продолжение предыдущего сборника охватывает непосредственно рассматриваемый период: документы о посольствах, о системе управления, о деятельности ОПК[48].

Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР / Под ред. А. Н. Самойловича и др. Этот сборник советского периода включает документы из российских архивов о торговых и дипломатических сношениях с Бухарой и Хивой, в том числе ряд инструкций для посольств и донесений агентов. При работе с ним необходимо учитывать, что советская историографическая традиция акцентировала колониальный характер этих документов, тогда как их разведывательное измерение оставалось за пределами анализа[141].

Демезон П. И., Виткевич И. В. Записки о Бухарском ханстве. Отчеты П. И. Демезона (1833) и И. В. Виткевича (1836) под редакцией Н. А. Халфина[54]. Публикация отчетов двух участников российских тайных миссий в Бухару представляет исключительную ценность для диссертации: это первичные отчеты тайных агентов, написанные непосредственно по возвращении из ханства. Отчет Виткевича, совершившего поездку под именем «татарина», является российским функциональным эквивалентом «Путешествий в Бухару» Бернса с той разницей, что Виткевич не имел официального

дипломатического статуса и действовал в значительно более конспиративном режиме.

История Казахстана в русских источниках XVI-XX веков. Т. 6: Путевые дневники и служебные записки о поездках по южным степям / Сост. И. Ерофеева, Б. Жанаев. Этот сборник включает дневники и записки чиновников ОПК о поездках по степи, первичные полевые документы, позволяющие реконструировать практическую сторону сбора разведывательных данных в условиях степного пространства[142].

Нарративные источники: опубликованные записки участников миссий

Нарративные источники - опубликованные путевые записки, мемуары и официальные отчеты участников дипломатических и разведывательных миссий составляют отдельную группу, требующую специального источниковедческого подхода. Принципиальная особенность этой группы: нарративные источники принадлежат к «публичному» потоку знания (в противоположность «секретному» архивному потоку) и несут следы систематической авторской редактуры, направленной на создание определенного публичного образа. Это ограничение одновременно является их главным источниковедческим достоинством: сравнение нарративных источников с соответствующими архивными делами позволяет реконструировать механизм двойной циркуляции, что именно и зачем скрывалось или трансформировалось при подготовке публикации.

Российские нарративные источники. Центральное место среди них занимает труд Е. К. Мейендорфа «Путешествие из Оренбурга в Бухару»[8], отчет участника российской миссии А. Ф. Негри в Бухару (1820-1821). Мейендорф дает детальные описания бухарского общества и государственного устройства, торговых путей и политических нравов. Ценность источника: написан на основе непосредственного наблюдения официального участника посольства, содержит систематические сведения, недоступные из архивных документов (описания городской жизни, рынков, быта).

Н. Н. Муравьев. «Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819-1820 годах». Отчет тайной миссии в Хиву, предпринятой по инициативе Ермолова. Муравьев путешествовал в относительно конспиративных условиях, его текст содержит одно из первых развернутых описаний хивинского двора и хивинской политики. Муравьев первым сформулировал идею стратегической ценности контроля над Хивой для российской торговли и политики , тезис, реализованный только в 1873 году[11].

Г. И. Данилевский. «Описание Хивинского ханства». Систематическое описание Хивинского ханства, составленное на основе материалов нескольких российских миссий, включая миссию Данилевского (1842). Один из наиболее детальных российских источников XIX века по внутреннему устройству Хивы[143].

Н. В. Ханыков. «Описание Бухарского ханства». Фундаментальное географическое и историко-политическое описание Бухарского эмирата, созданное на основе участия в миссии Бутенева (1841-1842). Этот труд являлся

для российской разведки и администрации стандартным справочником по Бухаре на несколько десятилетий[9].

Ч. Ч. Валиханов «Собрание сочинений в пяти томах». Материалы казахского ученого, офицера российской армии и разведчика, осуществившего поездку в Кашгар под видом купца (1858-1859)[144]. Труды Валиханова являются уникальным источником по внутренней политической жизни Центральной Азии, написанным «знающим человеком».

Филипп Ефремов «Странствование Филиппа Ефремова в Киргизской степи, Бухарии, Хиве, Персии, Тибете и Индии». Один из ранних российских нарративных источников о Центральной Азии, написанный бывшим военнопленным после многолетнего пребывания в ханствах. Ефремов образцовый «бессознательный информатор» четвертой категории, чье знание было приобретено не через целенаправленную разведывательную деятельность, но через вынужденное пребывание внутри закрытого общества[145].

Британские нарративные источники. Уильям Муркрофт (William Moorcroft) и Джордж Требек (George Trebeck) «Travels in the Himalayan Provinces of Hindustan and the Panjab; in Ladakh and Kashmir; in Peshawar, Kabul, Kunduz, and Bokhara». Посмертная публикация материалов поездки Муркрофта 1819-1825 годов, подготовленная на основе его рукописей. Является единственной развернутой публикацией о первой британской поездке в Бухару. Текст подвергся редакторской обработке Х. Х. Вилсона уже после гибели Муркрофта[58].

Александр Бернс (Alexander Burnes) «Travels into Bokhara: Being the Account of a Journey from India to Cabool, Tartary, and Persia». Один из наиболее значимых нарративных источников той эпохи: описание поездки Бернса в Бухару (1832) под видом индийского купца, мгновенно ставшее бестселлером. Систематические описания политической жизни Бухары, Кабула и Пешавара от первого лица[59].

Александр Бернс. «Cabool: Being a Personal Narrative of a Journey to, and Residence in that City, in the Years 1836, 7, and 8». Посмертная публикация материалов кабульской миссии[60].

Артур Конолли (Arthur Conolly) «Journey to the North of India, Overland from England, Through Russia, Persia, and Affghaunistaun». Описание поездки Конолли через Россию, Персию и Афганистан в 1829-1831 годах. Один из первых британских нарративов о попытке доступа в Центральную Азию через северный маршрут. Содержит наблюдения о российском присутствии и о возможных маршрутах проникновения в регион[61].

Джеймс Абботт (James Abbott) «Narrative of a Journey from Heraut to Khiva, Moscow, and St. Petersburgh». Описание миссии Абботта в Хиву (1839-1840) и его последующего путешествия через Россию. Единственный развернутый нарративный источник о британской дипломатической миссии в Хиву. Содержит детальное описание переговоров с ханом и оценку военной ситуации[63].

Ричмонд Шекспир (Richmond Shakespear) «A Personal Narrative of a Journey from Heraut to Ourenbourg, on the Caspian, in 1840» Краткий нарративный отчет о миссии Шекспира в Хиву и его путешествии через Россию с освобожденными пленниками. Важен в паре с нарративом Абботта для полноты картины британского хивинского направления[64].

Джозеф Вольф (Joseph Wolff) «Narrative of a Mission to Bokhara, in the Years 1843-1845». Описание поездки английского священника в Бухару с целью выяснить судьбу казненых Стоддарта и Конолли. Нарратив стал значительным событием в британской публичной дискуссии о Центральной Азии и способствовал формированию негативного образа Бухарского эмирата в английском общественном мнении[62].

Монтстюарт Элфинстон (Mountstuart Elphinstone) «An Account of the Kingdom of Caubul and its Dependencies in Persia, Tartary, and India». Классический источник по Афганистану, написанный на основе британской дипломатической миссии к Шаху Шудже (1808). Несмотря на хронологическое предшествование основному периоду, этот труд служил стандартным справочником по Афганистану для всех последующих британских агентов[146].

Чарльз Массон (Charles Masson) «Narrative of Various Journeys in Balochistan, Afghanistan, and the Panjab». Публикация наблюдений неофициального британского разведчика, проведшего несколько лет в Кабуле под именем «Джеймса Льюиса»[147].

Джон Вуд (John Wood) «A Personal Narrative of a Journey to the Source of the River Oxus by the Route of the Indus, Kabul, and Badakhshan». Описание экспедиции к истокам Амударьи (Оксуса). Содержит важные данные о транзитных маршрутах между Афганистаном и Центральной Азией[148].

Критическое осмысление источниковой базы требует специального внимания к трем взаимосвязанным проблемам: достоверности, цензуры и субъектности авторов.

Проблема достоверности. Архивные источники обеих систем систематически отражали структурную «когнитивную предвзятость», описанную Бейли: «европейцы никогда не знали ничего про туземное общество и не могли знать, в силу своих концептуальных предубеждений». Российские донесения о лазутчиках фиксировали, что сведения нередко «слишком преувеличены и не совсем правдоподобны» и «требуют еще подтверждения». Британские административные сводки систематически верифицировали данные полевых агентов через параллельные источники. Эта внутренняя критика достоверности, зафиксированная в самих источниках, является важным свидетельством того, что производители разведывательного знания осознавали его ограниченность.

Проблема цензуры. Обе системы производили «публичные» и «секретные» версии одного и того же знания. На британской стороне это документируется пометками «omitted», систематически изымавшими разведывательно чувствительные отрывки перед возможной публикацией в

парламентских «Синих книгах». На российской стороне аналогичную функцию выполнял гриф «секретно», разграничивавший служебные донесения и публичные академические публикации. Применительно к нарративным источникам цензура проявлялась в систематическом отборе публикуемого: «Cabool» Бернса воспроизводил легенду о «коммерческой миссии», тогда как архивные депеши фиксировали разведывательную реальность. Публикации в «Записках РГО» воспроизводили академический нарратив о «географических исследованиях», тогда как донесения ОПК фиксировали агентурную разведку.

Проблема субъектности. Принципиально важной особенностью источниковой базы диссертации является то, что значительная часть источников создана «знающими людьми» посредниками с двойной идентичностью, преследовавшими собственные интересы.

Источниковая база настоящего диссертационного исследования формировалась в условиях объективных ограничений полевой архивной работы и отражает как реальные возможности доступа к материалам, так и принципиальные пробелы, восполнение которых составляет перспективу дальнейших исследований. Совокупность привлеченных источников: казахстанских, российских и британских архивных фондов, опубликованных сборников документов и нарративных текстов участников миссий достаточна для решения поставленных исследовательских задач и обеспечивает верифицируемость основных выводов диссертации. Принципиальным методологическим ресурсом источниковой базы является возможность сопоставления архивных и нарративных источников: сравнение секретных депеш с публичными мемуарами на британской стороне и закрытых донесений ОПК с академическими публикациями на российской позволяет реконструировать механизм двойной циркуляции знания, явление, недоступное при работе с каждой группой источников в отдельности.

2 Дипломатические разведывательные миссии Российской империи в Центральной Азии (последняя четверть XVIII - 60-е годы XIX века)

2.1. Институциональная структура и система управления миссиями

Институциональная система управления восточным направлением Российской империи в первой половине XIX в. носила децентрализованный и гибридный характер: при формальном доминировании центральных органов, прежде всего министерства иностранных дел и Азиатского департамента, ключевые функции реализации политики и сбора информации были сосредоточены на уровне региональной администрации. Такая модель была обусловлена спецификой Центральной Азии как пространства, находившегося на границе между внешней и внутренней сферой имперского управления, что исключало возможность применения исключительно классических дипломатических механизмов.

Формирование данной системы относится к XVIII веку и связано с постепенным переходом от эпизодических контактов к институционализированному управлению регионом. На раннем этапе управление осуществлялось через общие органы империи, прежде всего Коллегию иностранных дел и пограничные администрации. Однако уже в этот период проявляется специфика азиатского направления: в условиях ограниченной информации, нестабильности коммуникаций и отсутствия постоянных дипломатических представительств управление Центральной Азией не могло строиться по европейской модели. Это предопределило включение в дипломатическую систему дополнительных механизмов, прежде всего пограничных, торговых и административных структур, что с самого начала придало ей гибридный характер.

Дальнейшее продвижение Российской империи в Центральную Азию в первой трети XVIII в. осуществлялось через серию экспедиционных попыток, направленных на установление торговых и политических связей с восточными регионами. Однако опыт экспедиций А. Бековича-Черкасского и И. Д. Бухгольца показал ограниченность подобных инициатив. Как отмечал А. И. Левшин, отсутствие устойчивой опоры на приграничные территории и слабое знание местных условий существенно осложняли продвижение России в степные и центральноазиатские регионы[149, с.12]. В этих условиях имперская политика трансформируется от разовых военных акций к стратегии последовательного территориального и административного освоения. Ключевым этапом в этом процессе стала Оренбургская экспедиция 1734-1743 гг., в рамках которой было основано укрепленное поселение Оренбург и сформирована система пограничных линий. Создание Оренбургской губернии закрепило за регионом статус опорного административного центра, обеспечивавшего контроль над степным пространством и служившего базой для дальнейшего продвижения и интеграции Центральной Азии в орбиту имперского влияния[123, p.138-140]. Показательным является наблюдение А.Моррисона о том, что руководитель Оренбургской экспедиции И. К. Кириллов обозначал освоенные экспедицией степные пространства как

«Новую Россию», что отражает раннюю стадию символического и административного присвоения территории[150, p.408]. Основание Оренбурга и создание укрепленной линии выступили исходным пунктом институционализированного продвижения Российской империи в Среднюю Азию.

С момента своего основания Оренбург выполнял функции не периферийного, а центрального звена управления восточным направлением. Через него осуществлялось регулирование дипломатических контактов, торговых связей и административного взаимодействия с казахской степью и среднеазиатскими ханствами. Уже в XVIII в. в работах П. И. Рычкова[151, с.45-48] и А. И. Левшина[149, с.112-118] подчеркивалась его роль как основного канала связи с Бухарой и Хивой, а также как инструмента воздействия на степное пространство. В этом смысле Оренбург выступал не только административным центром, но и узлом концентрации политической, экономической и информационной активности.

Одной из важнейших функций Оренбурга являлось обеспечение торгово-коммуникационных связей. Город задумывался как центр меновой торговли и транзитный пункт на путях в Бухару, Хиву и Ташкент. Через него проходили караванные маршруты, обеспечивавшие не только экономические связи, но и регулярное поступление информации о положении в регионе. В исследованиях подчеркивается, что торговля в данном контексте выступала элементом имперской политики, интегрированным в систему управления и контроля[47, с.62-101]. Торговая функция Оренбурга не была автономной и с самого начала сочеталась с военно-стратегическими задачами. Оренбургская линия укреплений и система крепостей обеспечивали безопасность коммуникаций и контроль над степным пространством. Особо подчеркивается, что данные укрепления рассматривались как опорные пункты продвижения вглубь Средней Азии, соединяющие военное присутствие с экономическим и политическим влиянием[142, с.261].

Не менее важной была роль Оренбурга как центра производства знания о регионе. Уже с XVIII века здесь формируется корпус географических, этнографических и экономических описаний, которые становятся основой систематического представления о Центральной Азии. В логике исмперии и информации К.Бэйли данный процесс может быть интерпретирован как часть более широкой тенденции превращения информации в инструмент имперского управления. В то же время, в рамках ориентализма[152], подобные практики отражают не только накопление знаний, но и их дискурсивное оформление, в котором регион конструируется как объект наблюдения и контроля. Однако в отличие от более централизованных моделей, российская система сохраняла зависимость от региональных структур, что придавало процессу производства знания фрагментарный и опосредованный характер.

В результате формировалась гибридная система, в которой дипломатия не была отделена от административного и информационного контроля[123, с.140-142] . К концу XVIII века данная система начинает приобретать более

устойчивые институциональные формы. Усиление роли приграничных органов, рост объема информации о регионе и необходимость более регулярного контроля над степью приводят к созданию специализированных учреждений. Учреждение в 1799 г. Оренбургской пограничной комиссии[153] стало важным этапом в этом процессе. Однако важно подчеркнуть, что Комиссия не создала новую систему, а институционализировала уже сложившиеся практики, переведя их в более формализованный и централизованный формат управления. К концу XVIII века Российская империя уже обладала функционирующей системой управления восточным направлением, включавшей центральные органы, пограничную администрацию и специализированные учреждения. Ключевой особенностью которой была интеграция дипломатических, административных и информационных функций, что отражало промежуточный статус Центральной Азии в имперской структуре. Именно эта модель была основой для последующих преобразований начала XIX века, когда в условиях министерской реформы произошла дальнейшая централизация и дифференциация управления.

Переход к министерской системе в начале XIX века стал ключевым этапом в трансформации государственного управления Российской империи и оказал прямое влияние на организацию управления восточным направлением, включая Центральную Азию. Реформы 1802-1811 гг. не носили частного характера, а являлись частью масштабного проекта административной модернизации империи, направленного на повышение эффективности управления в условиях территориального расширения, усложнения внешнеполитических задач и роста объема управленческой информации. Необходимость реформ была обусловлена кризисом коллегиальной системы управления, сложившейся в XVIII веке. Коллегии, включая Коллегию иностранных дел, функционировали на принципах коллективного принятия решений, что замедляло процесс управления, особенно в условиях быстро меняющейся внешнеполитической ситуации. Кроме того, коллегиальная система оказалась плохо приспособленной к управлению разнородными по статусу территориями империи от внутренних губерний до пограничных зон и зависимых пространств, таких как казахская степь. Как отмечает Д. Ливен, к началу XIX века империя столкнулась с необходимостью перехода к более централизованной и иерархически выстроенной системе управления, способной оперативно реагировать на вызовы как внутреннего, так и внешнего характера[154, p.214-216].

Манифестом 8 (20) сентября 1802 г. [155] были учреждены министерства, которые заменили коллегии и ввели принцип единоначалия, предполагающий персональную ответственность министра за деятельность ведомства. В отличие от коллегий, где решения принимались коллективно, министр получал право самостоятельного управления в рамках своей компетенции. Это существенно ускорило процесс принятия решений и позволило выстроить более четкую вертикаль власти. В 1811 г. «Общее

учреждение министерств» закрепило эту систему, определив внутреннюю структуру министерств, распределение полномочий и порядок взаимодействия между ведомствами[156, p.100]. Одновременно реформы усилили значение Военного министерства и его роли в управлении приграничными территориями. В условиях, когда Центральная Азия рассматривалась как потенциально нестабильное пространство, требующее контроля и защиты границ, военное ведомство стало ключевым участником восточной политики. Это привело к формированию двойственной системы управления, в которой дипломатические и военные структуры действовали параллельно и были вынуждены координировать свои действия. Особенно важно, что реформы 1802-1811 гг. не устранили гибридный характер управления Центральной Азией, а, напротив, институционально его закрепили. Разделение управления по ведомствам не сопровождалось четким разграничением сфер ответственности в отношении степи и ханств. В результате Центральная Азия оказалась в зоне пересечения компетенций Министерства иностранных дел, Военного министерства и приграничной администрации. Это создало условия для формирования многоуровневой системы управления, где решения принимались на разных уровнях и требовали постоянной координации.

В этой системе особое значение приобрели региональные органы, прежде всего Оренбургская администрация. Министерская реформа усилила их роль как посредников между центром и периферией. Военный губернатор Оренбурга получил возможность действовать в рамках более четко оформленной вертикали власти, одновременно взаимодействуя с несколькими ведомствами. Это позволило повысить оперативность управления и обеспечить более эффективный контроль над степными территориями и сопредельными регионами. Реформы 1802-1811 гг. не только модернизировали государственный аппарат Российской империи, но и создали институциональную основу для трансформации восточной политики. Они обеспечили переход от относительно децентрализованной и ситуативной системы XVIII века к более структурированной модели управления, в которой центральные ведомства, специализированные департаменты и региональные органы действовали как взаимосвязанные элементы. В отношении Центральной Азии это означало постепенный переход от внешнеполитического взаимодействия к систематическому административному контролю, что стало важным этапом на пути включения региона в состав внутреннего пространства империи.

В рамках новой системы министерство иностранных дел сохраняло ведущую роль в определении политики на азиатском направлении, однако его функции стали более четко структурированы. Внутри министерства формируется департаментская система, позволяющая специализировать управление по направлениям. Именно в этой логике создается Азиатский департамент, который становится специализированным органом по делам Востока[157, с.511].

Учреждение Азиатского департамента Министерства иностранных дел 1 мая (19 апреля ст.стиля)1819 г. стало ключевым этапом институционализации управления восточным направлением Российской империи и отражало переход от фрагментарной коллегиальной практики XVIII века к специализированной системе координации дипломатических, административных и информационных процессов. В своде Законо Российской империи указано: в ведении азиатского департамента: 1) дела политические, кас. Востока; 2) вся переписка с восточными правительствами и с русскими дипломатическими и консульскими агентами на Востоке, по делам русских подданных, на Востоке пребывающих, равно подданных тех стран, пребывающих в России, и отношениями к России лиц, пребывающих на Востоке; 3) переводы по сношениям присутственных мест и правительственных лиц, а также по просьбам частным, актов и документов, писанных на восточных языках. В ведении этого департамента состояло Учебное отделение восточных языков, имеющее целью образование драгоманов для российских миссий и консульств на Востоке[158].

В отличие от других структур внешнеполитического ведомства, ориентированных преимущественно на европейские державы, Азиатский департамент был изначально наделен расширенной компетенцией, включавшей не только отношения с независимыми государствами Востока, но и ведение дел народов и территорий, находившихся в промежуточном статусе между внешней и внутренней сферой управления. В его ведении находились связи с Бухарским эмиратом, Хивинским и Кокандским ханствами, Персией и Китаем, а также вопросы, связанные с казахскими жузами, что свидетельствует о сохранении гибридного характера управления Центральной Азией в первой половине XIX века. Институциональная специфика Азиатского департамента заключалась в совмещении функций дипломатического ведомства с задачами административного контроля и информационного обеспечения восточной политики. Департамент выступал центральным узлом, через который проходили сведения, поступавшие с приграничных территорий, прежде всего из Оренбургского края. Донесения региональных властей, материалы пограничных учреждений, сведения о состоянии степи и сопредельных ханств аккумулировались и систематизировались в рамках департамента, где они подвергались аналитической обработке и использовались для выработки решений на уровне имперского центра. В условиях отсутствия специализированных разведывательных структур именно Азиатский департамент выполнял функцию координации информационных потоков, объединяя дипломатические и разведывательные элементы в единую систему управления.

Внутренняя структура департамента отражала масштаб и разнообразие его задач. В его составе находились директор, начальники отделений, столоначальники, канцелярские служащие, архив и значительный корпус переводчиков, охватывавших широкий спектр восточных языков. Прием на службу в департамент предполагал прохождение экзаменов и наличие высокой

языковой подготовки, что указывает на формирование внутри ведомства особого профессионального корпуса специалистов по Востоку[159, с. 45-46]. Наличие разветвленного переводческого аппарата свидетельствует о том, что департамент не только обрабатывал поступающую информацию, но и обеспечивал ее производство, осуществляя перевод дипломатических и административных документов, ведение переписки и поддержание коммуникации с восточными контрагентами.

Кадровая политика Азиатского департамента представляла собой один из важнейших элементов его деятельности и была направлена на создание устойчивой системы подготовки специалистов со знанием восточных языков и региональной специфики. Существенным шагом в этом направлении стало учреждение в 1823 г. Учебного отделения восточных языков при департаменте[159, с.47]. Данное учреждение создавалось как специализированный институт подготовки кадров для восточной дипломатии и административной службы. В отличие от университетского востоковедения, ориентированного на академическое изучение языков и культур, Учебное отделение имело прикладной характер и было непосредственно встроено в систему Министерства иностранных дел. Его программа включала изучение восточных языков, истории и географии Азии, международного и мусульманского права, что обеспечивало комплексную подготовку специалистов для работы на азиатском направлении.

Однако, несмотря на широкий круг полномочий, Азиатский департамент не обладал прямыми механизмами контроля над процессами в Центральной Азии. Его деятельность носила преимущественно координационный и аналитический характер, тогда как практическая реализация политики зависела от региональных структур. Это позволяет рассматривать департамент не как орган непосредственного управления, а как центральный узел обработки информации и выработки решений, опирающийся на данные, поступающие с периферии.

Не менее важно и то, что Азиатский департамент действовал не изолированно, а в тесной увязке с межведомственными механизмами. Учрежденный одновременно с ним Азиатский комитет представлял собой площадку согласования интересов разных частей имперского аппарата. Азиатский комитет имел статус межведомственного органа, поводом к его созданию послужили разногласия между центральными ведомствами и военными властями Оренбургской области по вопросам отношений с подвластными России казахами и среднеазиатскими государствами Хивой и Бухарой. Попытки урегулировать ситуацию предпринимались еще в 1819 г., когда в Комитете министров обсуждался вопрос о безопасности караванных путей и управлении подвластными России казахами. Тогда было принято решение о создании особого комитета, однако он фактически не начал работу, что делает некорректным утверждение о возникновении Азиатского комитета именно в 1819 г. Окончательное оформление института произошло в январе 1820 г., когда указом императора Александра I был учрежден новый комитет

«для всех вообще азиатских дел» [160, с.18]. В его состав вошли представители высшей бюрократии: министры иностранных дел, финансов, внутренних дел и начальник Главного штаба, что подчеркивало межведомственный характер органа. В состав комитета вошли по должности министры иностранных дел К.В. Нессельроде, финансов Д. А. Гурьев, внутренних дел В. П. Кочубей и начальник Главного штаба П. М. Волконский. К предметам ведения Азиатского комитета было отнесено предварительное обсуждение вопросов, связанных с управлением казахскими жузами, а также отношения с Бухарой, Хивой, Китаем и отчасти Персией[161, л.12]. Организационно деятельность комитета была тесно связана с Министерством иностранных дел: управление его делами осуществлял директор Азиатского департамента, а делопроизводство велось чиновниками того же ведомства. При этом решения комитета оформлялись в виде журналов заседаний, утверждались императором и затем направлялись в заинтересованные ведомства, что свидетельствует о включенности комитета в механизм принятия государственных решений. Вместе с тем к концу 1830 гг. характер его деятельности изменился. После передачи управления казахскими жузами из ведения Министерства иностранных дел комитет утратил административные функции и сосредоточился преимущественно на обсуждении дипломатических и торговых вопросов. К этому времени относится начало русско-английского соперничества в Центральной Азии. В 1838 г. началась первая англо-афганская война, и в Петербурге стали склоняться к постепенному включению в сферу влияния России среднеазиатских ханств и туркменских племен. Новые задачи внешней политики России в регионе потребовали реорганизации Азиатского комитета. Он был пополнен представителями военных и военно-морских кругов, в 1839 г. в его состав был введен начальник Главного морского штаба адмирал А. С. Меншиков, а в 1842 г. бывший оренбургский военный губернатор генерал В. А. Перовский . Нежелание военных рассматривать военно-политические проблемы среднеазиатского региона в органе, контролировавшемся МИДом, привело к свертыванию деятельности Азиатского комитета. Постепенно его значение снижалось, заседания стали проводиться нерегулярно, и в 1850 г. деятельность комитета была прекращена[162, с.178].

Принципиально важным является отличие Азиатского комитета от Азиатского департамента. Если департамент являлся структурным подразделением Министерства иностранных дел и выполнял постоянные функции по ведению восточных дел, то комитет представлял собой надведомственный орган, предназначенный для согласования позиций различных министерств и выработки единой политической линии. Он не осуществлял повседневного управления, а выполнял функцию координации и предварительного рассмотрения наиболее сложных вопросов восточной политики. Таким образом, Азиатский комитет занимал особое место в системе управления восточным направлением Российской империи, выступая механизмом межведомственного согласования и выработки решений. Его

деятельность отражает сложный и многослойный характер имперской политики в регионе, в которой взаимодействовали различные ведомства и уровни власти.

Вместе с тем выработка политической линии на уровне центральных органов требовала наличия эффективных механизмов ее реализации на местах. Практическое осуществление решений, принимаемых в рамках Азиатского комитета и Министерства иностранных дел, возлагалось на региональные институты управления, ключевым среди которых являлся оренбургский военный губернатор. В системе управления Оренбургским краем в конце XVIII - первой половине XIX века центральное место занимал институт военного губернаторства, сформировавшийся как специфическая форма организации власти в условиях пограничного региона. Особенность данной модели заключалась в соединении в одном институте функций гражданского, военного и пограничного управления, что было обусловлено фронтирным характером территории и необходимостью постоянного контроля над степным пространством. Военный губернатор выступал «главным начальником губернии»[163, с.157-158, 160], обладая широкими полномочиями, включавшими руководство гражданской администрацией, командование военными силами, а также надзор за деятельностью всех подчиненных учреждений.

Концентрация власти в руках военного губернатора позволяла обеспечить управляемость региона, отличавшегося территориальной протяженностью, этнической неоднородностью и нестабильностью пограничной ситуации. В отличие от внутренних губерний, где функции управления были более четко разграничены, в Оренбургском крае формировалась интегрированная модель, в рамках которой военный губернатор обладал правом административной инициативы, осуществлял контроль за деятельностью учреждений и формировал кадровую политику региона. Важной особенностью его статуса являлась возможность прямого обращения к императору, что усиливало автономию принятия решений и ускоряло управленческие процессы. Функционирование данной системы опиралось на развитый административный аппарат, включавший канцелярию губернатора и чиновников особых поручений. Последние играли ключевую роль в управлении регионом, выполняя задачи инспекционного, координационного и информационного характера. Именно через них осуществлялось практическое проведение политики в степи, сбор сведений о состоянии территории и контроль за исполнением решений. Расширение штата канцелярии и увеличение числа доверенных лиц свидетельствуют о стремлении власти адаптировать управленческий аппарат к специфике региона [164, с.25-29].

Важнейшим механизмом связи между центром и регионом являлась практика составления всеподданнейших отчетов[165, с.138], которые представляли собой комплексный документ, охватывающий все стороны управления краем. Эти отчеты носили надведомственный характер и

включали сведения о состоянии гражданского управления, военно-пограничной ситуации, экономике и взаимодействии с населением. Таким образом, они выполняли не только функцию информирования, но и выступали инструментом формирования управленческой политики, позволяя центральной власти учитывать специфику региона при принятии решений.

В рамках сложившейся институциональной модели управления Центральной Азией особое место занимала Оренбургская пограничная комиссия, выступавшая ключевым звеном в системе взаимодействия между центральными органами власти и пограничным пространством степи. Учрежденная в 1799 г., она не создавала принципиально новую модель управления, а институционализировала уже сложившиеся практики административного, дипломатического и информационного контроля, переведя их в более формализованный формат.

Институциональная специфика Комиссии заключалась в ее двойственном подчинении с одной стороны, она находилась в системе Министерства иностранных дел и рассматривалась как орган, связанный с внешнеполитическим направлением управления, с другой ее деятельность непосредственно контролировалась оренбургским военным губернатором, обеспечивавшим оперативное руководство на региональном уровне[166, с.287-288]. Такая модель отражала переходный характер статуса казахской степи, находившейся между внешним и внутренним пространством империи, и демонстрировала невозможность четкого разграничения дипломатических и административных функций в условиях фронтира.

Принципиально важно, что Комиссия выступала не только органом регионального управления, но и фактически функционировала как подразделение внешнеполитического ведомства. В ее составе находились чиновники Министерства иностранных дел, а сама она находилась под юрисдикцией Азиатского департамента, которому была обязана регулярной отчетностью и направлением политических сведений. Через нее осуществлялась передача информации о положении в казахской степи и сопредельных ханствах, что превращало Комиссию в важнейший элемент информационной инфраструктуры империи .

Функционально Оренбургская пограничная комиссия выполняла комплекс задач, выходящих за рамки чисто административного управления. К числу ее основных полномочий относились регулирование отношений с казахской элитой, разбор внутристепных конфликтов, контроль за пограничной безопасностью и кочевыми маршрутами, а также реализация решений, направленных на интеграцию региона в имперскую систем[167, с.11-32]. Одновременно ее деятельность включала элементы дипломатической практики, Комиссия осуществляла контакты с султанами-правителями, участвовала в поддержании связей с Хивой и Кокандом, а также обеспечивала сопровождение посольских и торговых миссий. В этом смысле ее функции фактически совпадали с задачами Азиатского департамента, что

свидетельствует о переносе дипломатических практик на региональный уровень .

Ключевым элементом институциональной связи между центром и регионом являлась система регулярной отчетности. К тому же председатель Комиссии при вступлении в должность получал инструкции от МИД, при нем состоял специальный чиновник «для политических сношений», а сама Комиссия была обязана регулярно направлять в Азиатский департамент ежемесячные «мемории» о положении дел и чрезвычайных происшествиях. Разрешение чиновникам Комиссии носить мундиры МИД и признание ее деятельности по «дипломатической части» как «весьма обширной» свидетельствуют о фактическом совмещении административных и дипломатических функций, при котором управление казахской степью рассматривалось как продолжение деятельности Азиатского департамента на региональном уровне[168, с.51]. Данная практика формировала устойчивый канал передачи информации и обеспечивала включение пограничного региона в систему централизованного принятия решений, превращая локальные наблюдения в элемент имперского знания.

Состав Комиссии отражал характерную для имперской политики стратегию сочетания административного контроля с включением местной элиты в систему управления. В нее входили не только русские чиновники, но и представители казахской знати, как султаны-правители, находившиеся на государственной службе и получавшие жалование от империи[169, с.30]. Их участие обеспечивало посредническую функцию между властью и населением, способствуя интеграции степных обществ в имперскую структуру и одновременно позволяя использовать традиционные формы власти в интересах администрации.

В более широком контексте деятельность Комиссии может быть интерпретирована как часть системы наблюдения и контроля за восточным направлением. Она выступала своего рода «наблюдательным пунктом» Российской империи, через который осуществлялся мониторинг политической ситуации в Центральной Азии, а также контроль за внешними влияниями, прежде всего со стороны Великобритании. Геополитическое значение региона, являвшегося зоной пересечения интересов великих держав, усиливало роль Комиссии как инструмента раннего предупреждения и анализа внешнеполитических угроз.

Таким образом, Оренбургская пограничная комиссия не являлась лишь органом местного управления, а представляла собой ключевой элемент институциональной системы Российской империи на восточном направлении, соединяющий функции дипломатии, административного контроля и сбора информации. Ее деятельность демонстрирует, что управление Центральной Азией осуществлялось не через жесткую централизованную вертикаль, а через сеть взаимосвязанных институтов, в которой региональный уровень играл определяющую роль. Именно в рамках этой системы формировались

организационные условия для подготовки и реализации дипломатических и разведывательных миссий Российской империи в регионе.

Так, военный губернатор и Оренбургская пограничная комиссия образовывали взаимосвязанную систему управления, в рамках которой осуществлялась реализация имперской политики на азиатском направлении. Военный губернатор выступал как интегратор и координатор, соединяющий центральный уровень власти с региональной практикой, тогда как Комиссия обеспечивала повседневное функционирование административного аппарата и контроль над степным пространством. Их взаимодействие формировало устойчивую институциональную модель, позволившую Российской империи обеспечить управляемость и постепенную интеграцию казахской степи в первой половине XIX века.

Таким образом, институциональная структура управления восточным направлением Российской империи в первой половине XIX века представляла собой многоуровневую систему, в которой функции выработки, координации и реализации политики были четко распределены между различными уровнями власти. На уровне центральных ведомств прежде всего Азиатского комитета и Азиатского департамента Министерства иностранных дел осуществлялась выработка и согласование стратегических решений по вопросам управления степью и отношений с сопредельными территориями. Реализация этих решений обеспечивалась на региональном уровне через институт военного губернаторства, который выступал ключевым интегратором системы управления, соединяя административные, военно-пограничные и информационные функции. Концентрация полномочий в руках военного губернатора была обусловлена спецификой пограничного региона и позволяла обеспечивать оперативность и целостность управления. Операционный уровень данной системы был представлен Оренбургской пограничной комиссией, которая осуществляла повседневное администрирование степного пространства и выступала инструментом практической реализации имперской политики. Ее деятельность, включавшая управление казахским населением, контроль за территорией и участие в формировании административных практик, обеспечивала постепенную интеграцию региона в состав империи. Одновременно функции Комиссии не ограничивались рамками внутреннего управления. Через неё осуществлялись сбор и систематизация сведений о положении в степи и сопредельных территориях, контроль за передвижением населения и караванных путей, а также взаимодействие с представителями местной элиты. В совокупности эти практики формировали информационную и организационную базу, необходимую для подготовки и обеспечения экспедиционной и миссионной деятельности на восточном направлении. В этом смысле Оренбургская пограничная комиссия выступала не прямым организатором миссий, а ключевым региональным институтом, обеспечивавшим условия для их планирования и реализации.Связующим элементом между всеми уровнями системы выступала практика административной коммуникации, прежде всего

через всеподданнейшие отчеты военных губернаторов, которые аккумулировали информацию о состоянии региона и обеспечивали её передачу в центр, формируя тем самым механизм обратной связи между различными уровнями власти. В результате формировалась устойчивая институциональная модель, в рамках которой центральные органы определяли политическую линию, региональная администрация обеспечивала её координацию, а специализированные учреждения реализовывали на практике. Именно эта система создавала организационные условия для осуществления имперской политики на азиатском направлении и обеспечивала управляемость пограничных территорий в рассматриваемый период.

2.2. Кадровый состав, инструктирование и маршруты

Подготовка российских дипломатических разведывательных миссий в Центральную Азию представляла собой многоуровневый институциональный процесс, охватывавший определение целей, разработку инструкций, формирование кадрового состава и планирование маршрутов. Все эти элементы были встроены в единую административную вертикаль, замыкавшуюся на Оренбургской пограничной комиссии как центральном органе координации. Принципиальная особенность этой системы состояла в том, что декларируемые и реальные цели миссий систематически расходились: официально все без исключения посольства позиционировались как торговые или дипломатические, тогда как их реальное содержание охватывало политическую разведку, военно-картографическую съемку и агентурную работу. Этот разрыв между официальным статусом и оперативным содержанием не был случайным, он являлся структурной константой всей системы, сохранявшейся на протяжении всего рассматриваемого периода.

Система подготовки миссий складывалась постепенно, в ходе более чем столетней практики, накапливая институциональный опыт и вырабатывая устойчивые организационные решения. Попов, первым систематически описавший российские контакты с Хивой и Бухарой от петровского времени, зафиксировал, что уже в начале XVIII века торговая риторика служила универсальным официальным обоснованием посольств, скрывавшим их реальное политическое содержание[17, с. 241].

Официальное прикрытие каждой миссии определялось не только дипломатической осторожностью, но и природой самого института, организовывавшего эти миссии. ОПК как орган пограничного управления не располагала правом самостоятельно объявлять войну или заключать политические союзы, но располагала правом организовывать торговые контакты и дипломатические миссии. Именно эта институциональная рамка задавала торгово-дипломатический фасад каждого посольства, за которым скрывалось разведывательное содержание. Три уровня инструктирования: официальная дипломатическая инструкция МИД, военно-разведывательное задание Генерального штаба и тайные агентурные предписания оренбургского

губернатора действовали параллельно и нередко независимо друг от друга, создавая ситуацию, когда один и тот же посланник одновременно выполнял три принципиально различных задания от трех различных ведомств.

Цели российских миссий претерпевали принципиальную трансформацию на протяжении рассматриваемого периода. В последней четверти XVIII века доминировала торговая и географическая логика: установление коммерческих контактов, изучение маршрутов, первичное накопление знания о регионе. С начала XIX века, особенно после появления в регионе британских агентов, разведывательная составляющая нарастала, постепенно вытесняя торговую риторику из реального содержания миссий при сохранении ее как официального обоснования. К 1850 годам миссии превратились преимущественно в инструмент военно-стратегической разведки и политического зондажа, что прямо отразилось как в составе участников, смещение от гражданских дипломатов к офицерам Генерального штаба, так и в характере инструкций, все более открыто формулировавших разведывательные задания. Эта трансформация не была линейной: она определялась конкретными историческими триггерами, нарастанием британской активности в ханствах, провалами дипломатического урегулирования проблемы пленных, изменением регионального баланса сил и внутриполитическими кризисами самих ханств.

Особым условием функционирования всей системы подготовки миссий была позиция принимающей стороны. Жуковский, рассматривавший миссии в системе взаимных посольских отношений, зафиксировал принципиально важное методологическое наблюдение: посольства были не односторонней российской активностью, но элементом двустороннего дипломатического процесса, в котором ханства располагали собственными стратегиями и интересами[91, с.96]. Среднеазиатские ханства не были пассивными объектами российского дипломатического проникновения, они располагали собственными стратегиями взаимодействия с внешними державами и последовательно использовали российское присутствие в собственных политических интересах. Принять российскую миссию означало получить козырь в отношениях с соперниками, как региональными, так и британскими. Отказать означало создать повод для военного давления. Именно это балансирование между принятием и отказом определяло характер дипломатического приема каждого конкретного посольства и, соответственно, формировало условия, в которых российские агенты выполняли свои задания.

Ключевым структурным инструментом, обеспечивавшим функционирование системы в условиях этой политической неопределенности, являлась сеть постоянно действующих информационных каналов торговых посредников, казахских информаторов, освобожденных пленников, которые поставляли в ОПК непрерывный поток оперативных данных в промежутках между официальными миссиями. Именно эти каналы определяли разведывательную подготовку к каждому новому посольству: ОПК отправляла миссию не в неизвестность, но в пространство, уже частично освоенное через

агентурные сети. Понимание того, почему среднеазиатские ханства, жестоко уничтожившие в начале XVIII века экспедиции Бухгольца и Бековича-Черкасского, в XIX столетии перешли к их дипломатическому принятию, составляет необходимый контекст для анализа всей последующей системы подготовки.

Для понимания условий подготовки российских миссий в XIX веке важен вопрос о том, почему среднеазиатские ханства, жестоко уничтожившие в начале XVIII века экспедиции И. Д. Бухгольца (1715-1716) и А. Бековича-Черкасского (1717), в XIX столетии перешли к их дипломатическому принятию. Ответ на этот вопрос лежит в плоскости системного изменения регионального баланса сил, произошедшего на протяжении последней четверти XVIII и первых десятилетий XIX века, и требует анализа взаимосвязанных факторов.

Первый фактор - военный. Экспедиция Бековича несла с собой 4000 регулярных войск, 2000 казаков и фактическое требование поставить русскую гвардию при дворе хивинского хана, то есть военное подчинение под дипломатическим прикрытием[21, с.17-20], [92, с.22-24]. Хивинский хан Ширгази, уничтожив экспедицию, был уверен в безнаказанности, Россия в начале XVIII века не могла быстро проецировать военную силу в глубь Средней Азии. Память о расправе надолго определила характер отношений. Первый же посланник Петра I после Бековича, Флорио Беневени (1718–1725) отказывался следовать через Хиву, прямо ссылаясь на судьбу предшественника: «Из-за учинившегося известного нещастья князя Черкасского ехать чрез Хиву до Бухары никоим образом невозможно»[170].

К началу XIX века структурная ситуация изменилась коренным образом. Россия завершила присоединение казахских жузов и выстроила систему пограничных укреплений от Оренбурга до Сибирской линии, охватив ханства с севера. Провальный хивинский поход Перовского (1839-1840) обнажил реальные трудности войны в условиях центральноазиатского климата, но не отменил принципиального изменения баланса. В «Декларации» о причинах военных против Хивы действий (ноябрь 1839 г.) Перовский прямо сформулировал сдвиг этого баланса: «Торговля с Россией доставляла Хиве необходимые средства для ее существования; Хивинцы постоянно пользовались у нас важными выгодами и правами... и за все сие Хива платит нам одним вероломством»[171, л.206]. Логика этой фразы показательна, Россия уже воспринимала торговую зависимость ханства как рычаг давления.

Второй фактор - экономический. В условиях упадка транзитной торговли Великого шелкового пути именно северный, российский вектор обеспечивал сбыт среднеазиатских товаров. В. А. Перовский в отчете за 1834 год констатировал: «Бухара связана с Россией торговлей, которая, судя по возрастающему обороту, составляет существенную пользу ее жителей»[172, л.1]. Ведомости о торговых операциях с Хивой и Бухарой за 1840-1856 годы фиксируют устойчивую структуру товарооборота, российские товары (ртуть, юфть, квасцы, ситцы, сахар, котлы, железо, сталь, сукно) занимали

значительную долю бухарского и хивинского импорта, тогда как среднеазиатские товары (хлопчатая бумага, халаты) испытывали трудности со сбытом на российском рынке, асимметрия, ставившая ханства в зависимое положение.

Третий фактор - изменение формата миссий. Принципиальное отличие посольств XIX века от петровских экспедиций состояло в том, что они приходили без войск с требованием подчинения, а с небольшим конвоем и дипломатическими полномочиями, придавая торговое и научное обоснование своему присутствию. Принять такую миссию для хана означало сохранить достоинство, это был диалог, а не капитуляция. Именно осознание этого обстоятельства определило принципиальную установку российского дипломатического планирования XIX века на формат смешанного торгово-научного посольства без открытой военной составляющей.

Четвертый фактор - британское присутствие как катализатор кооперации. Именно британская активность в регионе заставляла ханства, прежде всего Бухарский эмират искать баланс между двумя державами, извлекая политические дивиденды из демонстративного принятия посольств обеих сторон. Принять российскую миссию означало получить козырь в переговорах с Лондоном, и наоборот. Эмир Насрулла в 1841-1842 годах принял и миссию Бутенева, и за несколько лет до того британских агентов Стоддарта и Конолли, оба приема были манипулятивными инструментами балансирования между двумя державами.

Пятый фактор - внутриполитические кризисы ханств. Децентрализация власти, межплеменные конфликты и военно-технологическое отставание делали внешние дипломатические контакты полезным инструментом поиска опоры против региональных соперников. Бутенев (1841-1842) был принят именно в тот момент, когда Насрулла нуждался в противовесе хивинскому и кокандскому давлению. В. В. Григорьев в черновых заметках о Бухаре и Хиве[173, л.5-7] фиксирует именно это инструментальное отношение ханских дворов к российским миссиям, принципиально отличавшееся от воспринятой традиционной историографией картины «открытия» региона для российского проникновения.

Трансформация российских миссии не была линейной, она представляла собой реакцию на конкретные ситуативные триггеры, каждый из которых смещал акцент задач в сторону более активного разведывательного и военно-стратегического содержания при сохранении дипломатического прикрытия.

Первый период, последняя четверть XVIII в. до 1819 г.: торговые контакты и первичная разведка. Главной декларируемой целью являлось урегулирование торговых отношений. Посольство М. Бекчурина в Бухару (1781) было направлено «главным образом для установления свободной русско-бухарской торговли»[16, с.89-91]. Поездка майора Бланкеннагеля в Хиву (1793-1794) под видом врача образец двойного прикрытия: официально нейтральная гуманитарная миссия обеспечивала сбор военно-географических данных при минимальном политическом риске. В своих «Путевых заметках»

Бланкеннагель прямо отметил, что хивинское правительство «не допускало никаких дипломатических переговоров» торговая и гуманитарная риторика служила единственно возможным форматом российского присутствия[12, с.22].

Поездки Бурнашева в Бухару (1794) и Поспелова и Бурнашева в Ташкент (1800) официально мотивировались горнопромышленными интересами изучением рудных приисков и месторождений селитры близ Ташкента, тогда как реальной задачей являлась военно-географическая рекогносцировка районов, тяготевших к Кокандскому ханству[21, с.27-31]. Эта двойственность между декларируемыми и реальными целями, характерная уже для первого периода, стала устойчивой структурной чертой всей последующей системы подготовки миссий.

Второй период, 1819-1833 гг.: посольский формат и первые комплексные разведывательные задания. Посольство А. Ф. Негри в Бухару (1820) ознаменовало качественный сдвиг в масштабе задач. МИД выдал 25 июля 1820 года две директивы: первая охватывала политическую разведку регионального масштаба: отношения Бухары с Османской империей, Хивой, Ираном, Афганистаном, Кабулом, Кашмиром, Пенджабом; судоходство по Сырдарье и Амударье; маршруты европейских товаров в Индию. Вторая: положение российских пленных, численность их в ханствах и меры по предотвращению новых захватов[8, с.28-30], [113, с.7].

Масштаб разведывательных задач предопределил и состав миссии: натуралист Эверсман (путешествовавший под видом купца) должен был собирать данные о природных ресурсах; офицеры ГШ Мейендорф, Вольховский и Тимофеев производить топографическую съемку; священник Будрин легитимизировать гуманитарное прикрытие. 18 сентября 1820 года оренбургский военный губернатор П. К. Эссен добавил отдельный региональный приказ о порядке взаимодействия с бухарскими властями по торговым вопросам, наглядный пример параллельного инструктирования из двух центров с разными повестками. Маршрут Негри, описанный Мейендорфом, был основой первой подробной карты Бухарии для западной науки, включавшей около 2000 ранее неизвестных топонимов[8, с.33-37].

Параллельно через кавказский канал в 1819-1820 годах была направлена миссия Н. Н. Муравьева в Хиву. Отправленный наместником Ермоловым с Кавказа, Муравьев получил задание «подробнейшего описания Хивинского ханства, его истории, хозяйства и культуры», дипломатические цели официально сводились к переговорам о торговле и статусе русских пленных. В действительности задачей являлась военно-географическая рекогносцировка Хивы, первая систематическая со времен Бековича. Муравьев был взят под стражу в Хиве и, по собственному признанию, «имел весьма мало надежды вернуться», тем не менее он провел в Средней Азии обширные наблюдения научного и разведывательного характера[11, с.30-32].

Третий период, 1833-1842: характеризовался переходом к тайным агентурным миссиям и усилением внимания российской администрации к

британскому присутствию в Центральной Азии. В начале 1830-х гг. имперская политика ориентировалась на сбор негласной информации о деятельности британских представителей в ханствах региона. Так, 25 января 1826 г. сын бухарского купца М. Гаитов сообщил Оренбургской пограничной комиссии о прибытии в Бухару группы иностранцев из Индии , среди которых находились англичане и нанятые ими индийцы. По его сведениям, группа состояла из 7 англичан и 68 индийцев, а сами англичане вели себя обособленно, ограничивая контакты с местным населением и поддерживая связи лишь с отдельными чиновниками и посредниками. По его словам «кроме некоторых чиновников и армянина Егора Захаровича никого к себе не пускают», а хан Мирхайдар «принял их весьма хорошо»[174, лл.1-7]. Особое внимание российских властей вызвало благожелательное отношение бухарского хана Мирхайдара к прибывшим иностранцам. Подобные донесения способствовали усилению подозрительности российской администрации и формированию представлений о необходимости более систематического наблюдения за британской активностью в Центральной Азии. Особое значение имели показания Гаитова о военных приготовлениях англичан: «по слухам в Бухарии напали на [них]. Из ящика пустили на них огонь, чего они посчитав это колдовством испугавшись убежали», «они объезжают лошадей своих каждый день...все уверены что они снимают планы, ибо они сами всегда пишут». Донесение было немедленно направлено в Азиатский департамент МИД, первый документально подтвержденный случай официальной реакции оренбургской администрации на британское присутствие в регионе[174, л.7].

В 1833-1834 годах губернатор Перовский направил П. Демезона в Бухару под именем татарского купца «Мансурова». Непосредственным поводом послужил его же отчет за 1834 год: «Важно было собрать верные сведения о Средней Азии, узнать о целях, намерениях и успехах английских торговых обществ и англичан, которые под видом путешественников проникают во внутренность Азии... В 1834 году в Бухаре находился известный Александр Бернс, который под видом путешественника собирал сведения о путях, богатствах и силах этих народов. Бернс был принят эмиром и успел завязать сношения, которые могут быть вредны для нашей торговли в будущем»[176, л.2-3].

Этот документ принципиально важен, он фиксирует момент, когда противодействие британскому влиянию стало не тактической задачей отдельной миссии, но официально сформулированным стратегическим приоритетом оренбургской администрации. Миссия Бутенева в Бухару (1841-1842) реализовала этот приоритет в официальном дипломатическом формате, третья инструкция прямо предписывала «сбор информации о британских производителях товаров на рынках Бухары и их конкурентоспособности по сравнению с российскими»; «определение возможностей торговли с Афганистаном»; «сбор статистических и топографических данных о ханстве и сопредельных территориях»[177, С. 53-58].

Четвертый период, 1843-1858: военно-стратегическая разведка и подготовка к завоеванию. Несостоявшаяся миссия Иванина (1847) обнажает принципиальный сдвиг в официально декларируемых целях. Согласно предписанию губернатора Обручева от 27 мая 1847 года, миссия должна была «удостоверить нового хана о благонамерении России к Хиве, с другой стороны успокоить Магомед-Емин-Хана насчет видов и намерений России и развеять всякие его опасения, возбужденные построением Ново-Петровского и других наших укреплений в степи»[178, 1,3,8]. В составе миссии предполагались переводчик поручик Аитов, 2 топографа, 20 казаков и 10 казахов. Миссия была отменена в июне того же года после получения сведений «о разных неблагонамеренных поступках Хивинского правительства, стремящегося возмутить подвластных России Киргизов», прямое свидетельство того, как разведывательные данные ОПК немедленно влияли на судьбу дипломатических инициатив.

Кульминацией рассматриваемого периода стала миссия флигель-адъютанта Н. П. Игнатьева в Хиву и Бухару (1858). По точной формулировке Гиллара, Александр II стремился создать российскую коалицию в Центральной Азии против британского вмешательства. Реальные задачи охватывали военно-географическую разведку дельты Амударьи при поддержке Аральской флотилии Бутакова, оценку военного потенциала обоих ханств, зондаж возможностей дипломатической изоляции Британии в регионе[13, с.25], [107, p.106-107].

Важным документальным свидетельством завершения этого периода и перехода к военно-стратегической логике служит «Записка о политических действиях России в Средней Азии» Н. П. Игнатьева, составленная по итогам его миссии 1858-1860 годов. Игнатьев сформулировал пять стратегических задач: развитие судоходства по Амударье, поддержание отношений с Бухарой «против вмешательства Английской политики», разжигание «внутренних раздоров» в Хивинском ханстве, отделение Ташкента от Коканда и учреждение постоянного торгового агентства в Бухаре «с обращением со временем в постоянное консульство». Этот документ фиксирует качественный сдвиг от зондирующих дипломатических миссий к систематической программе политического проникновения, в которой каждая из последующих миссий выполняла конкретный пункт стратегического плана[179, л.3].

Проблема русских пленных

Проблема русских подданных, захваченных в плен, являлась не просто гуманитарной задачей, но структурообразующим элементом всей системы миссий. Современная западная историография рассматривает эту проблему в принципиально ином ракурсе. Монография Дж. Идена «Slavery and Empire in Central Asia» первое специализированное исследование центральноазиатской работорговли XVIII-XIX веков показала, что именно дипломатические провалы по вопросу освобождения пленных систематически открывали путь к военным опциям. Иден убедительно опроверг советский и постсоветский нарратив о России как освободительнице невольников, показав, что «дискурс

освобождения» являлся политическим инструментом, а не реальным мотивом политики. «Рабство напрягало отношения Центральной Азии с Россией, Англией и Ираном и послужило главным обоснованием российского завоевания в 1860-1870-х годах». Для ханств же наличие российских пленников было «не просто военной добычей, а стратегическим инструментом, обеспечивавшим переговорное преимущество перед Россией»[130, P. 2–5, 220–240].

Системный характер проблемы подтверждается архивными данными ОПК. По книгам о приходе и расходе сумм для выкупа пленных ОПК существовала постоянная финансовая статья «на искупление пленников», в разные годы выделявшая от 1000 до 3000 рублей серебром в год[180]. Помимо денежных выкупов, практиковалась система вознаграждений посредникам «при помощи султана Баймухамет Айчуваков и батыра Сююнкары Урганычбаев из азиатского плена астраханский купец Беляев и еще 6 человек были выкуплены»[181, Л.44]

Механизм освобождения пленных через казахских посредников документирован рядом дел. Дело о выкупе из бухарского плена содержит показания казаха Бедгошева от 27 июля 1834 года: «когда был в Бухаре нечаянно увидел русскую подданную, которая просила вывести ее на родину... Я стал уговаривать бухарца отпустить ее, говоря что российское правительство за его наградит. Он согласился... К тому же я вывез оттуда двоих русских пленных Ивана и Егора. Просит наградить и обещает в следующем году вывести из Бухарии 8 русских пленных»[189, Л.4-5]. Примечательна экономическая логика ОПК, комиссия предписала выдать казаху 100 рублей серебром и «уведомить, что он должен отправить» пленников «с тем, что если в следующем году выведет 8 упомянутых им пленников, то награда будет внушительной». Посредник-освободитель превращался в регулярного контрагента системы выкупа, шаг к его инструментализации как информатора.

Принципиальную роль в этой системе играли торговые посредники купцы, регулярно курсировавшие между Оренбургом и ханствами. Дело об отправке религиозной литературы пленным фиксирует показательный механизм. Бухарский купец Гариф Атагалиев в 1832 году доставил из Хивы 8 писем пленников их родственникам. ОПК констатировала в рапорте, что Атагалиев «неоднократно и прежде оказывал такие опыты своего усердия к несчастным пленникам, подвергая через это свою жизнь опасности, ведь хивинцы не разрешают пленникам переписываться с родственниками, такое дело может привести к ужасным наказаниям вплоть до лишения жизни»[183, л.1-3]. Поощрение купца «5 аршин красного сукна на кафтан из денег на искупление пленных» и обещание «приличной награды для поощрения его впредь к таким делам» было одобрено губернатором. Так возникала инфраструктура купцов-посредников, совмещавших торговые и агентурные функции.

Объявления ОПК пленным обнажают конспиративную механику операции. Губернатор предписал «приискать случай для отправления оных в

Хиву с караваном через торговцев, которым поручить доставить пленникам верно, стараясь, дабы Правительство Хивинское не было известно о сей приписке и не подвергнуть пленных тягостнейшим наказаниям». Посредником был назначен «Средней части Оренбургских Киргизов Чиклинского рода Кабацкого отделения Исян Байдилев», принявший «объявления» «с обязательством доставить их пленникам» и в знак согласия приложивший «тамгу свою»[184, Л.1-5]. Три «объявления» для казаков Литвинова, Зайцова и Богатырева сообщали, что «Российское Правительство принимает полное участие в горестном положении сих пленных» и призывали «искать утешения в вере Христианской». За этим официально-религиозным языком скрывалась оперативная реальность, конспиративная переписка через казахскую курьерскую сеть, постоянно функционировавшую под торговым прикрытием.

Освобожденные пленники являлись ценным источником разведывательных сведений. Иванов М., бежавший из хивинского плена в 1833 году, «от роду 25 лет, знает татарский и хивинский языки», попал в плен с отцом в детстве, провел в Хиве около 17 лет. После побега через казахскую степь, использовав прикрытие «татарского муллы», он был доставлен в Гурьев и там допрошен. Его языковые компетенции и многолетнее знание внутреннего устройства ханства делали его бесценным источником разведывательных данных о Хиве[185, Л.1-2]. Перовский лично распорядился перевести Иванова в сословие мещан г. Оренбурга, вознаграждение, предполагавшее последующее использование его компетенций.

Закрытие проблемы пленных после хивинского похода 1839-1840 годов носило временный характер. Документы дела об освобождении хивинским ханом русских пленных фиксируют, что в декабре 1840 года посланец хана Итбай Бабаев доставил к Ново-Александровскому укреплению 7 человек освобожденных. Однако юридическое положение возвратившихся создавало серьезные проблемы: нижегородское губернское правление в 1845 году констатировало, что освобожденный из плена крестьянин Бусыгин «оказался крепостным графа Шереметева», и уездный суд был вынужден «предоставить Бусыгину с семьей из помещичьего владения свободу», прецедент, ставший основанием для нескольких аналогичных решений по бывшим пленникам[186, Л.98-99]. Григорьев в черновых заметках о Бухаре и Хиве констатировал[173, Л.42], что к середине 1860-х годов в Хиве и Бухаре вновь оказалось значительное число русских подданных, подтверждая структурный, а не эпизодический характер проблемы, которую Иден описал как системный инструмент взаимного давления.

Британский фактор

Британский фактор занимал особое место в системе поводов для отправки российских миссий. Принципиально важно разграничить два аспекта: реальное британское присутствие в регионе и его восприятие российской стороной. Оба фактора в равной мере влияли на принятие решений об отправке миссий, причем нередко одних лишь слухов о «происках англичан»

оказывалось достаточно для немедленной организации разведывательной деятельности.

Первые систематические показания о британском присутствии зафиксированы в деле за 1826 год. Показания бухарского купца детальны и конкретны. Семь англичан под предводительством «Мур Карафата» (по всей видимости, Уильяма Муркрофта) были приняты бухарским ханом Мирхайдаром «весьма хорошо в каравансарае до апреля месяца 1825 года четыре раза, а у Куш-беги почти ежедневно», в подарки хану «они сделали [значительные суммы]»; «они ходят и ездят по городу свободно», «привезли много червонцев», «им позволено покупать лучших аргамаков, которых в Россию никогда не выпускают»[174, Л.7]

Это донесение вскрывает ключевой аспект британской разведывательной практики в регионе: умелая интеграция в местную элиту через систему щедрых даров и демонстративное покровительство хана как дипломатическое прикрытие. Важно сопоставление: российские купцы в Бухаре не имели права покупать «лучших лошадей», тогда как британские агенты получили это привилегированное право, красноречивое свидетельство того, что британское проникновение к 1824-1825 годам было дипломатически более успешным, чем российское.

Отчет Перовского за 1834 год добавляет важнейшую деталь: Александр Бернс «был принят эмиром и успел завязать сношения, которые могут быть вредны для нашей торговли в будущем. Англичане стремятся распространить свое влияние на Восток через Афганистан и Индию, и это заставляет нас быть более внимательными к их действиям в Бухаре»[172, Л.2-3]. Этот документ фиксирует переломный момент, именно с 1834 года противодействие британскому влиянию становится постоянным, а не ситуативным приоритетом разведывательного планирования в Оренбурге.

Воплощением оперативного типа чиновника-управителя агентурной сетью являлся Иосиф Яковлевич Осмоловский (1820-1862) - старший чиновник МИД на Сырдарьинской линии. Он родился в католической шляхетской семье Суражского уезда Витебской губернии. В 1840 г. поступил на восточный разряд Казанского университета, где занимался у Х. Д. Френа, И. Н. Березина и К. Ф. Фукса. По окончании в 1844 г. направлен переводчиком в Азиатский департамент МИД. С 1853 г. возглавлял разведывательную сеть на Сырдарьинской линии, располагая, согласно предписанию от 4 августа того же года, «полной самостоятельностью без всякого вмешательства со стороны начальников укреплений». Председатель ОПК В. В. Григорьев характеризовал его как человека с «отличным знанием азиатских языков и, особенно, прав и обычаев киргизских, в кочевьях которых он почти постоянно жил» [51, с.7-9].

Как и в случае с Виткевичем, польское католическое происхождение Осмоловского определяло его место в системе: чиновник без опоры на придворные связи, структурно зависимый от регионального начальства, оказывался управляемым и лично заинтересованным в результате. Именно это

сочетание органической компетенции и социальной уязвимости делало таких людей незаменимыми операторами разведывательной инфраструктуры ОПК.

Дело об английском миссионере Вольфе отличается особой документальной ценностью, оно содержит не только переписку ОПК, но и подлинные разведывательные донесения о судьбе Стоддарта и Конолли, составленные по результатам опросов бухарских купцов. Губернатор Обручев 14 декабря 1843 года предписал ОПК «доставить ему сведения о данных английских офицерах через благонадежных киргизов, торговцев или другие пути». Показания «одного бухарца» зафиксировали судьбу Стоддарта во всех деталях: после ареста за «чертежи и путевые замечания о Бухарии, сведения о безводных местах» он прошел через руки целой цепочки высокопоставленных хранителей, у Миршаба, потом у Визиря Достараханчи, потом у Наиба, потом у Ханыковар[187, Л.2-3].

Принципиально важны два момента в этом деле. Первый, для ОПК ситуация с Вольфом была не просто гуманитарным вопросом, но разведывательной операцией через тех же купеческих посредников, которые обеспечивали связь с российскими пленными, теперь добывались сведения о британских агентах. Второй, показания бухарца раскрывают, что эмир Насрулла намеренно манипулировал судьбой Стоддарта, поочередно задерживая его и намекая на возможное освобождение через российское ходатайство, прямое свидетельство того, что ханский двор осознавал информационную ценность иностранных агентов как предмета торга с соперничающими державами.

Дело о задержании в Коканде лейтенанта Вайберда демонстрирует следующий этап: английское правительство само обращается к России с просьбой о розыске своего агента. Документ фиксирует, что «английское правительство обратилось к нам с просьбою об удостоверении, до какой степени означенный слух о содержании некоего англичанина Випорта ханом Хокандским справедлив». Губернатор Обручев поручил ОПК «разведать под рукою от приподлежащих к нам с среднеазиатскими. Розыск был поручен бухарскому «каравани-баши Баримбай Атамбаеву», который «спросил об этом всех торговцев, но никто об этом случае ничего не знает... если же даже это не поможет, то он отправит в Хоканд своего доверенного человека для справки»[188, Л.1-3]. Этот эпизод исключительно важен для понимания глубины интеграции торговых посредников в разведывательную инфраструктуру ОПК: каравани-баши функционировал как полноценный агент, располагавший собственной сетью контактов в ханствах.

Параллельно дело о назначении лазутчиков при Оренбургском укреплении фиксирует институционализацию агентурной работы. Толмач Лукин в рапорте от 9 июля 1849 года ходатайствовал о штатном назначении двух «благонадежных киргизов» в качестве постоянных лазутчиков: «необходимо иметь при Укреплении двоих лазутчиков, назначить им жалованье, которое они должны получить каждомесячно от начальника Оренбургского Укрепления». Примечательна резолюция военного губернатора

Обручева, он нашел постоянных лазутчиков излишними в условиях «тишины и спокойствия» в степи, предложив вместо них «из числа посыльных при укреплении состоящих более надежного, опытного и расторопного» использовать «в случае необходимости». Это бюрократическое разногласие между толмачом и губернатором само по себе показательно, оно отражает системное противоречие между оперативными потребностями в постоянном агентурном наблюдении и официальной установкой на экономию ресурсов в периоды затишья[189, Л. 1, 4, 6, 9].

Типология инструкций

Инструктирование российских миссий осуществлялось одновременно из нескольких центров, создавая то, что можно охарактеризовать как трехуровневую систему параллельного и нередко несогласованного инструктирования. Каждый уровень преследовал собственные цели и определял свою составляющую итогового состава миссии.

Первый уровень - официальная дипломатическая инструкция МИД: формулировала политические и торговые цели, снабжала главу миссии необходимыми полномочиями, определяла протокол взаимодействия с ханским двором и формальные «условия», с которыми посол должен был добиться согласия принимающей стороны. Эти инструкции, как правило, содержали несколько отдельных директив, сформулированных по тематическому принципу. При посольстве Негри две директивы от 25 июля 1820 года; при Бутеневе три отдельных блока, причем третий содержал прямые разведывательные задания. Важной характеристикой этого уровня является его официально-документированный характер, директивы МИД входили в состав официального дела посольства и могли быть официально предъявлены принимающей стороне или иностранным державам как свидетельство легитимного статуса миссии.

Второй уровень - военно-разведывательная инструкция Генерального штаба: обязывала офицера-топографа, включенного в состав посольства, к картографической съемке, ведению маршрутного журнала, астрономическим наблюдениям и военно-географическому описанию местности. При Негри Мейендорфу было поручено «собирать географические и статистические сведения о стране», вести «подробный журнал всего путешествия» и составить «общую генеральную карту». Карта, составленная Мейендорфом и изданная впоследствии в Париже, включала около 2000 ранее неизвестных западной науке топонимов. Офицеры ГШ, сопровождавшие последующие миссии (Бларамберг при Бутеневе, Залесов при Игнатьеве), оставили аналогичные по значимости военно-географические описания[8, с.27-28], [190, Л.12], [95, с.12].

Третий уровень - тайные агентурные задания оренбургского губернатора: определял конспиративные задачи миссии в части наблюдения за иностранными агентами, работы с информаторами, сбора политических и экономических разведывательных данных, нередко выходя за рамки официального мандата МИД. Для тайных миссий под торговым прикрытием третий уровень становился единственным, тогда как первый намеренно

устранялся. Именно рассогласованность первого и третьего уровней порождала институциональные конфликты: несостоявшаяся миссия Иванина (1847) была остановлена самим губернатором после получения официального разрешения МИД, показательный пример ситуации, когда региональная оперативная разведка имела приоритет над петербургским дипломатическим планированием.

Кадровый состав миссий

Устойчивая типовая структура состава официальных посольств включала шесть функциональных ролей, каждая из которых отражала определенную составляющую гибридного характера миссий.

Глава миссии, чиновник МИД в ранге действительного или тайного статского советника либо, к концу рассматриваемого периода, старший офицер. Выбор кандидатуры определялся знанием восточных языков, опытом дипломатической службы и личными связями с региональной администрацией. А. Ф. Негри (1820), грек по происхождению, владевший турецким, персидским и французским, с опытом работы в Персии[113, p.90]. К. Ф. Бутенев (1841), горный инженер, выбор которого отражал растущее значение военно-технических специалистов в разведывательном инструментарии России. Н. П. Игнатьев (1858), флигель-адъютант ГШ, что фиксирует окончательное смещение баланса от гражданско-дипломатического к военно-разведывательному руководству.

Офицер Генерального штаба, неотъемлемый компонент каждого официального посольства, отвечавший за военно-географическую и разведывательную составляющую. При Негри Мейендорф, Вольховский, Тимофеев; при Бутеневе Бларамберг; при Игнатьеве Залесов, включая фотографа Муренко - первый задокументированный случай применения фотографии в российской разведывательной миссии в Центральной Азии[21, С. 33-37, 52-58], [190, Л.3-9].

Натуралист, обеспечивал научную легитимизацию и одновременно прикрытие для сбора ресурсных и экономических данных. При Негри Эверсман (путешествовавший под видом купца) и Пандер; при Бутеневе Леман (умерший на обратном пути) и Ханыков. В. В. Григорьев в обзоре среднеазиатских экспедиций ИРГО за 25 лет особо отметил вклад натуралистов-участников миссий в формирование научного знания о регионе, которое он рассматривал как неотделимое от разведывательного[190, Л.6-11].

Переводчик нередко совмещал лингвистические и агентурные функции. Тайные агенты Демезон и Виткевич сами выступали в роли переводчиков-агентов. При официальных посольствах переводчики из Учебного отделения восточных языков Азиатского департамента обеспечивали работу с информаторами.

Вооруженный конвой обеспечивал безопасность и демонстрировал военный потенциал: при Негри 50 казаков; при несостоявшейся миссии Иванина предполагались 20 казаков и 10 «киргизов-сопроводителей»[178, Л.1]. Священник обеспечивал гуманитарную легитимизацию и был связан с

задачами по вопросу пленных: священник Будрин при Негри оставил самостоятельные «Записки очевидца» о Бухаре.

Особый тип кадрового обеспечения представляли тайные поездки под торговым прикрытием: Бланкеннагель (1793-1794) под видом врача; Демезон (1833) под именем татарского купца Мансурова; Виткевич (1835-1836) с минимальным сопровождением; Валиханов (1858-1859) под именем кашгарского купца «Алимбая». В этом типе миссий органичность прикрытия была ключевым фактором: казахское происхождение Валиханова обеспечивало такую степень натуральности, которой ни один русский офицер в принципе не мог достичь.

Среди агентов, действовавших под торговым прикрытием, особого внимания заслуживает фигура Яна Викторовича Виткевича (1808-1839). Он происходил из польской шляхетской семьи из Пашяуше близ Вильно. В 1823 г. вступил в тайное общество «Чёрные братья» при Крожской гимназии Виленского учебного округа; по приговору военного суда направлен рядовым без права выслуги в 5-й линейный батальон Орской крепости. В Орске, лишенный карьерных перспектив, Виткевич самостоятельно освоил персидский, узбекский и казахский языки. В 1829 г. А. Гумбольдт лично добился его производства в унтер-офицеры. С 1833 г. Перовский систематически использовал его в разведывательной работе. Гибель Виткевича 8 мая 1839 г. в петербургском трактире «Париж» сопровождалась уничтожением всей документации по последней миссии.

Польское происхождение Виткевича было не биографической деталью, но структурным фактором его пригодности как агента. Социальная уязвимость, отсутствие альтернативных покровителей, зависимость от Перовского как единственного патрона сочеталась с органической культурной мобильностью: по свидетельству И. Ф. Бларамберга, первую поездку в Бухару он совершил «в киргизской одежде, сопровождаемый верными ему киргизами» степень погружения, которой ни один русский офицер в принципе не мог достичь [54]. Перовский лично защищал Виткевича от доносов в 1833-1834 гг., осознавая, что его эффективность и его зависимость от патрона две стороны одного явления.

Торговые сети и купеческие караваны

Важнейшим механизмом предварительного сбора информации служили торговые сети и купеческие караваны, регулярно курсировавшие между Оренбургом и среднеазиатскими городами. Этот канал функционировал непрерывно, в отличие от миссий, организовывавшихся эпизодически, и обеспечивал постоянный приток оперативных разведывательных данных.

Дело о бухарском посланнике Мир-Ахун Мулла Жане фиксирует типовой механизм взаимодействия торгового и дипломатического каналов. Когда к переправе Муртюк у Сырдарьинской линии прибыл бухарский посланник Мир-Ахун Мулла-Жан следующий к Высочайшему двору, именно «один из хозяев расположенных у переправы бухарских каравана» первым сообщил об этом коменданту форта. Отправленный навстречу хорунжий

Шарипов получил задание «ознакомиться с подробностями о нём и его свите» то есть провести разведывательный опрос под протокольным прикрытием[191, Л.4-5]. Детали донесения Шарипова показательны, посланник вез «в числе подарков Государю Императору 4 аргамака, которые от похода и безкорма очень исхудали», его беспокоила «болезнь сибирская язва», он настаивал, что «до сих пор Бухарские посланники не были остановлены на Сыр-Дарье» все это была информация о составе посольства, его маршруте и физическом состоянии, автоматически фиксировавшаяся как разведывательные данные.

Детальную регламентацию порядка пропуска ханских посольств через Сырдарьинскую линию фиксируют «Копии предписаний Военного министра командующему Сырдарьинской линией» 1857-1858 годов Согласно § 75 высочайше утвержденной инструкции, командующий при появлении посольства обязан был «испрашивать немедленно распоряжение генерал-губернатора» прежде, чем пропустить его в Оренбург. Однако командующий генерал-адъютант Катенин в рапорте военному министру указывал на практическое неудобство этого порядка: хивинские и бухарские посланники «обыкновенно следуют в Оренбург при купеческих каравана» и длительная задержка на линии создает финансовые и логистические сложности. В качестве решения предлагалось назначать конвой из казаков, поручая его «по преимуществу обер-офицеру, знающему восточные языки» в противном случае прикомандировывать переводчик[192, Л.3]. Этот документ наглядно показывает, как требование языковой компетентности было встроено в саму административную инфраструктуру обеспечения миссий.

Ханыков в программе к карте Аральского моря прямо назвал купцов Петропавловского и Косарева среди поставщиков сведений о торговых путях и быте народов степи типичный пример использования «купеческой агентуры» как систематического инструмента пополнения географических знаний[193, Л.117-151]. Справки о торговых операциях с Хивой и Бухарой за 1840-1856 годы фиксируют товарную структуру оборота: российские товары (ртуть, юфть, квасцы, ситцы, сахар, котлы, железо, сталь, сукно) против среднеазиатских (хлопчатая бумага, «мата и халаты очень дешевые и покупателей совсем нет»)[173, Л.9]. Эта статистика одновременно служила экономической разведкой о рыночной конъюнктуре в ханствах.

Логистика снабжения войск Сырдарьинской линии также составляла разведывательный интерес: стоимость перевозки грузов верблюжьим транспортом от Оренбурга до Форта Перовского «9 рублей серебром за верблюда» и динамика этих цен (нараставших в 185-1855 годах в связи с военными действиями) отражали состояние казахских кочевых хозяйств и политическую стабильность в степи[173, Л.10]. Такого рода «косвенная» разведывательная информация, встроенная в коммерческую документацию, была типичным продуктом купеческих сетей как разведывательной инфраструктуры.

Маршруты миссий: оренбургский и сибирский каналы

Разработка маршрута являлась не просто логистической задачей, но элементом разведывательного замысла: выбор пути определялся соображениями безопасности, потребностью в топографических данных о новых территориях, политическими сигналами для принимающей стороны и, не в последнюю очередь, необходимостью охватить белые пятна на военно-географической карте региона. К середине XIX века сложились два принципиально различных маршрутных канала - оренбургский и сибирский, обеспечивавших разведывательное охватывание региона с запада и востока.

Оренбургский канал. Для миссий в Хиву сложились два варианта: степной из Оренбурга через Казахские степи, Мугоджарские горы, пески Усть-Урта к Хиве (Гладышев и Муравин 1740-1743; Бланкеннагель 1793-1794; Никифоров 1841; Данилевский 1843) и прикаспийский (морской) через Каспийское море и туркменские степи к Хиве (Муравьев 1819, направленный с Кавказа). Начиная с 1858 года появился третий вариант через Аральское море при поддержке флотилии Бутакова, позволивший Игнатьеву охватить разведкой дельту Амударьи [173], [21, С. 20-21, 30-32.].

Для миссий в Бухару устойчивым стал оренбургско-бухарский тракт через Кзыл-Кумы. Маршрут посольства Негри (1820) занял с 10 октября по 17 декабря 1820 года около 2200 верст через р. Илек, Мугоджарские горы, Большие и Малые Барсуки, пески Сам, Сырдарью, приаральские Кара-Кумы, Куван-Дарью и Яны-Дарью. По этому же пути, с незначительными отклонениями, следовали Бекчурин (1781), Бурнашев (1794), Демезон (1833) и Виткевич (1835-1836). Мейендорф составил по маршруту Негри карту, впоследствии изданную в Париже и включавшую около 2000 ранее неизвестных топонимов[8, С. 31-33], [21, С. 33-37], [194, Л. 2]. Каждая последующая миссия корректировала карту предыдущей, создавая накопительную систему военно-географического знания, именно эту работу по систематизации описал Григорьев в обзоре экспедиций ИРГО (1869).

Сибирский канал - путь в Коканд. Параллельно с оренбургским в первой трети XIX века формировался сибирский канал - Омск → Семипалатинск → Коканд/Кашгар, подчиненный Западно-Сибирскому генерал-губернаторству. Григорьев в заметках о среднеазиатских экспедициях прямо фиксирует хронологию этого канала: «В 1813-1814 Назаров в Коканд и Маргелан. В 1830 Потанин. Известия из Коканда. Распространение сведений Северцова первым в Геогр. Обществе в 1840-х годах»[173, Л.1 об.].

Первый Сибирский комитет в 1823–1824 годах фиксировал «происки китайцев в Киргизской степи», что прямо связано с конкурентным давлением на казахские элиты со стороны Цинской империи, добивавшейся от наследников Вали-хана аудиенции при пекинском дворе. Российские меры противодействия этому давлению в том числе использование ориентированных на Россию казахских аристократов как посредников составляли неотъемлемый элемент оперативного обеспечения сибирского канала разведки[195, Л.4-7].

Наивысшего развития сибирский канал достиг в разведывательной миссии Чокана Валиханова в Кашгар (1858-1859), которая хотя и выходила за географические рамки собственно центральноазиатских ханств, включена в настоящее исследование по двум основаниям. Во-первых, она является наиболее полно документированным примером органического прикрытия как разведывательного инструмента: именно здесь принцип двойной идентичности посредника: казахского аристократа, неотличимого от местного торговца, реализован в наиболее чистом виде и потому представляет принципиальный аналитический интерес для сравнительного изучения кадровых практик обеих имперских систем. Во-вторых, сибирский канал как таковой являлся структурным элементом той же разведывательной системы что и оренбургский, различаясь лишь институциональной принадлежностью Западно-Сибирскому генерал-губернаторству, но не логикой организации и подготовки миссий.Офицер ГШ и потомственный казахский аристократ, Валиханов был направлен в Кашгарское ханство под именем кашгарского купца «Алимбая». Маршрут проходил через Семипалатинск, укрепление Верное, Иссык-Куль и перевалы Тянь-Шаня, регион, который Григорьев в заметках охарактеризовал как «Верховья Сыр-Дарьи: Ферганская долина и Тянь-Шань... Восточный Туркестан: Кашгар и Ак-су». В пути Валиханов провел около года (август 1858 - апрель 1859 г.)[196, с.112-197]. Собранные им военно-географические, политические и этнографические сведения о Восточном Туркестане стали первыми из числа систематически собранных Россией данных о регионе, практически недоступном для разведки через оренбургский канал. Органичность его прикрытия была обусловлена происхождением: казахский аристократ, свободно владевший местными языками, был неотличим от торговца в кашгарских базарах, преимущество, которого никакой русский офицер в принципе не мог достичь.

Оренбургская пограничная комиссия.

ОПК выступала не просто административным органом, но ключевым оперативным центром, обеспечивавшим подготовку миссий на региональном уровне. Ее функции охватывали четыре взаимосвязанных направления. Разведывательная подготовка: аккумулирование информации через показания освобожденных и бежавших пленных, опросы купцов (бухарских, хивинских, кашмирских, индийских), донесения казахских информаторов. Логистика: составление смет (при Иванине 4000 червонцев на 6 месяцев), подготовка подарков для ханских дворов, формирование конвоя; при этом «за образец снаряжения» предписывалось брать предыдущую аналогичную миссию, свидетельство институциональной памяти[197, Л.3].

Агентурные операции: наблюдение за иностранными агентами и розыск через торговые сети. При деле Вольфа, сеть бухарских и кашмирских купцов; при розыске Вайберда бухарский каравани-баша Атамбаев с его сетью контактов в Коканде. Предварительные дипломатические контакты: ОПК являлась первичной площадкой приема ханских посланников и выработки первичной повестки будущих миссий. Показания купца Ходжи Назарбая перед

приемом посланника Мирза-Хайруллы[198, Л.3-7] стандартная практика предварительного разведывательного опроса перед каждым официальным контактом. Переписка по делу бухарского посланника на Сырдарьинской линии[191, Л.5] показывает, что даже транзитный проезд ханского представителя становился поводом для разведывательного наблюдения: хорунжий Шарипов ознакомился «с подробностями о нем и его свите» прежде, чем переправить посольство через реку.

Проведенный анализ позволяет сформулировать выводы, существенные как для понимания рассматриваемого периода, так и для последующего сравнительного анализа с британскими практиками.

Первое, о системном характере подготовки. Механизм подготовки российских миссий в Центральную Азию в рассматриваемый период представлял собой не совокупность ситуативных решений, но устойчивую институциональную систему с четко дифференцированными уровнями инструктирования, функциональными ролями в составе и накопительной маршрутной логикой. Трехуровневое инструктирование обеспечивало постоянный прирост разведывательного знания вне зависимости от политических результатов каждой отдельной миссии.

Второе, об эволюции целей. Трансформация целей по четырем выявленным периодам не была линейной, но определялась ситуативными триггерами: нарастанием британской активности (переход к тайным агентурным миссиям в начале 1830-х), провалами дипломатического урегулирования проблемы пленных, изменением регионального баланса сил (строительство Сырдарьинской линии), и внутриполитическими кризисами в самих ханствах. Каждый триггер смещал акцент задач в сторону более активного разведывательного содержания при сохранении дипломатического прикрытия.

Третье, о структурной функции проблемы пленных, выявленной в полноте Иденом в его монографии о рабстве в Центральной Азии. Проблема невольников являлась политическим инструментом двойного назначения: с одной стороны источником легитимизации российского присутствия, с другой инфраструктурой агентурных сетей через торговых посредников. Дипломатические провалы по вопросу освобождения пленных систематически делегитимизировали ханства в глазах Петербурга, открывая путь к военным опциям, что подтверждает тезис Идена об инструментальной природе «гуманитарного» обоснования завоевания.

Четвертое, о значении двух маршрутных каналов. Оренбургский и сибирский каналы обеспечивали разведывательное охватывание Центральной Азии с запада и востока, охватывая ханства, которые были практически недоступны через один канал. Конвергенция оперативных данных двух каналов, синтезированных Григорьевым в обзоре экспедиций ИРГО (1869), свидетельствует о том, что военно-географическое изучение региона являлось системным институциональным проектом, реализовывавшимся на протяжении почти полувека.

Пятое, о казахском посредничестве как структурообразующем элементе. Казахские посредники, проводники, информаторы и агенты играли ключевую роль в функционировании обоих каналов, как «прикладной» разведывательной инфраструктуры, без которой ни одна миссия не могла быть реализована. Вопрос о системе этих посредников, включая выпускников Неплюевского кадетского корпуса, казахских купцов и биев, служивших информаторами ОПК, составляет предмет следующего параграфа.

Шестое, о структурной роли политически маргинализированных посредников. Анализ кадрового состава российских миссий выявляет устойчивую закономерность: наиболее эффективными оперативными агентами оказывались люди с двойной маргинальностью политической и социальной. Виткевич и Осмоловский, польские католические дворяне западных губерний, лишенные привычного социального капитала после разделов Речи Посполитой, воплощали тип агента, чья эффективность и зависимость от патрона были структурно неразделимы. Их органическая культурная мобильность многолетнее погружение в пограничную среду, знание языков не как академической дисциплины, но как инструмента выживания сочеталась с отсутствием альтернативных карьерных опций, что делало их одновременно незаменимыми и управляемыми. Империя не формулировала принципа целенаправленного отбора политически неблагонадежных людей, однако структура возможностей воспроизводила этот тип системно.

2.3. Формирование сети информантов и агентурных посредников

Формирование сети информантов и наблюдателей являлось не вспомогательным элементом дипломатических миссий, но самостоятельным и системообразующим механизмом имперского производства знания о Центральной Азии. В отличие от периодических официальных посольств, функционировавших эпизодически и в конкретных дипломатических целях, сеть информантов обеспечивала непрерывный поток оперативных данных: политических, военных, торговых, географических в промежутках между миссиями и независимо от их дипломатических результатов. Именно это постоянство делало агентурную сеть структурно незаменимой: ОПК планировала каждую новую миссию не в условиях информационной пустоты, но опираясь на уже накопленное знание о регионе, его правителях и внутренней политической конъюнктуре.

Сеть выстраивалась через несколько принципиально различных каналов, каждый из которых обладал специфическим информационным потенциалом и специфическими ограничениями. Казахские посредники аристократы, муллы, купцы и проводники обеспечивали органический доступ к информации, недоступной ни одному официальному российскому агенту: знание степных маршрутов, родоплеменных отношений, слухов, циркулировавших на базарах ханств. Торговые посредники, прежде всего бухарские и хивинские купцы,

регулярно курсировавшие между ханствами и Оренбургом, поставляли оперативные политические и экономические данные как побочный продукт коммерческой деятельности. Освобожденные и бежавшие пленники несли уникальное внутреннее знание о ханствах, приобретенное в ходе многолетнего вынужденного пребывания там. Наконец, собственные агенты ОПК татарские муллы, переводчики выполняли целенаправленные разведывательные задания, сочетая официальный статус имперских чиновников с органическим доступом к местному обществу.

Принципиальной чертой этой многоканальной системы была ее субъектность с обеих сторон. ОПК целенаправленно выстраивала агентурную инфраструктуру, рекрутируя, вознаграждая и инструктируя информаторов. Однако сами информаторы действовали не только по заданиям ОПК, но и по собственной инициативе, преследуя собственные материальные и статусные интересы. Казахские агенты самостоятельно награждали вернувшихся лазутчиков из личных средств, выстраивали информационные сети внутри степи, ходатайствовали о включении в систему именно потому, что только в ней могли реализовать свою двойную компетентность. Эта субъектность информаторов определяла как возможности системы ее глубину проникновения в местное общество, так и ее ограничения: знание, производившееся через посредников, неизбежно несло следы их собственных интересов и интерпретаций.

Формирование сети информантов и наблюдателей в Казахской степи не было стихийным процессом, оно выстраивалось как сознательный имперский проект, получивший законодательное оформление с 1784 года и последовательно развивавшийся на протяжении последующих восьми десятилетий. Указ Екатерины II на имя уфимского и сибирского генерал-губернатора А. И. Апухтина от 2 мая 1784 года «О мерах для укрощения своевольства киргиз-кайсаков» предписывал «спознать через людей надежных и искусных положение края между Аральским и Каспийскими морями» и «заводить знакомство и всевозможные связи, дабы всегда знать все тамошние происшествия» в Хиве и Бухаре[6]. Этот указ задавал не просто административную программу, но программу колониального знания в смысле Б.Кона (B.Cohn), он определял, что является релевантным знанием, через кого его нужно собирать, и какова его конечная цель.

Учрежденная в 1743 году Канцелярия Оренбургского губернатора и преобразованная в 1799 году Оренбургская пограничная комиссия стали центральными узлами системы сбора и анализа политических, торгово-экономических, военных и иных сведений о Казахской степи и среднеазиатских ханствах. ОПК, по существу, являлась филиалом Азиатского департамента Министерства иностранных дел, встроенным в региональную военно-административную вертикаль и обеспечивавшим производство «колониального знания» для двух потребителей; петербургской бюрократии в части политических и стратегических данных, и самой региональной администрации в части оперативных разведывательных сведений.

К моменту присоединения Младшего и части Среднего жуза в 1730-х годах Россия не располагала централизованной системой сбора разведывательных данных, которую мы привычно связываем с появившейся в течение XIX века военной и политической разведкой[199, с. 12][200, с. 6-7]. Именно поэтому она была вынуждена выстроить ее через институт местных посредников татарских мулл, толмачей, писарей, а затем и казахских аристократов, прошедших российское образование. Эта структурная зависимость от «знающих людей» являлась системным ограничением имперского знания на протяжении всего рассматриваемого периода.

Противоречие такой системы зафиксировал Бэйли: «европейцы никогда не знали ничего про туземное общество и не могли знать, в силу своих концептуальных предубеждений»[42, p.7]. На практике это означало, что «знающие люди» не просто поставляли информацию по имперскому заказу, но отбирали, интерпретировали и формировали ее в соответствии со своими собственными интересами. Пренебрежение этим противоречием имело прямые военные последствия, катастрофическая неудача хивинского похода 1839 года была вызвана тем, что оренбургский губернатор Перовский проигнорировал предупреждение проводников-казахов о сложностях зимнего перехода через степь[46, p.100]. Это был не просто стратегический просчет, но системный сбой, «когнитивная предвзятость» колониальных властей в отношении местных информаторов обернулась военной катастрофой.

Типология информантов и наблюдателей

Анализ архивных материалов ОПК и опубликованных источников позволяет выделить четыре функциональные категории «знающих людей», образовывавших информационную инфраструктуру российских миссий. Эта типология, разработанная в нашей статье[4], основывается на степени институционализации связей агента с ОПК, характере производимого им знания и способе рекрутирования.

Первая категория добровольные и постоянные информаторы: чиновники-переводчики. Это наиболее институционализированный слой «знающих людей» должностные лица региональной администрации, офицеры пограничных форпостов, гражданские чиновники, переводчики ОПК. Независимо от этнического происхождения, они должны были играть роль посредников между метрополией и местным населением. Важно, что многие из них получили образование в российских военных учебных заведениях и, усвоив принятый в империи порядок сбора сведений, представляли информацию в систематическом виде.

Указ Екатерины II «О имении в Оренбургской губернии переводчиков и толмачей» от 29 июля 1770 года предписывал поручать им не только переводческую работу, но и отправлять «по секретным прочим делам» [201, С. 99–101]. Уже все донесения первого оренбургского губернатора И. И. Неплюева (1744-1758) в Коллегию иностранных дел о контактах с ханами и султанами Младшего и Среднего жузов основывались на донесениях толмачей Оренбургской губернской канцелярии. Неплюев подробно описывал, «для

каких потребностей и с какой инструкцией» отправлял толмачей в Степь и какие «известия» получил. Эти толмачи присутствовали на регулярных приемах посольств из Хивы, Коканда и Бухары в Оренбурге, а также торговых каравана, собирая интересующую их информацию. В своих докладах региональным властям они сообщали, что слышали «от приезжающих на торг киргисцов и ташкентцев»[202, Л.1-6].

Задачи, поручавшиеся переводчикам, широко варьировались. В 1730-1750-х годах толмачи оренбургского губернского правления Бекметев и Уразлин неоднократно доносили о возможности союза казахов с башкирскими повстанцами[47. С.365]. В 1840-х годах те же функции переключились на контроль за «противозаконными связями» казахов с татарами в период восстания Кенесары Касымова (1837-1847). Перовский в предписании начальнику Оренбургской таможни от 3 июля 1839 года, ссылаясь на донесения толмачей, констатировал, что татарские торговцы под видом торговли снабжали мятежных казахов «порохом и другими припасами» и сообщали им «по своему произволу сведения и распоряжения нашего правительства», за что предписал наказывать их «как зловредных шпионов и изменников»[203, Л.4-8]. Этот документ наглядно демонстрирует двойственность функции татарских посредников: одни и те же люди одновременно поставляли информацию для ОПК и могли использовать свое положение для передачи информации против нее.

Вторая категория постоянные агенты: татарские муллы и толмачи при казахских ханах. Эта категория отличалась от первой тем, что ее представители не находились на прямой государственной службе, но являлись регулярными поставщиками информации, состоявшими в постоянных и доверительных отношениях с ОПК. Татарские муллы направлялись в казахскую степь согласно указам «О снабжении разных родов киргизских муллами» от 27 ноября 1785 года и 21 апреля 1787 года [204]. Формально они выполняли религиозные обязанности, де-факто их функции были значительно шире.

Оренбургский губернатор Г. С. Волконский прямо констатировал, что муллы «не столько упражнялись в отправлении их прямой должности, как употреблялись в посылке в Орду к разведыванию тамошних обстоятельств»[205, Л.1 об.]. В 1820-х годах татарские муллы принимали непосредственное участие в административной реформе, связанной с введением «Устава о сибирских киргизах» 1822 года, разъясняли казахам статьи Устава, чем одновременно обеспечивали имперское проникновение в степь и поставляли обратную связь об его восприятии. Этот двойной статус воплощал саму суть «двунаправленного» информационного производства.

В 1824 году мулла Мухамед-Шариф Абдрахимов внес принципиальный вклад в создание Кокчетавского окружного приказа. Тесно взаимодействуя с казахским населением, он предотвратил «все препятствия» церемонии открытия новой административной единицы[206, Л.7-7 об.]. Управляющий Омской областью генерал С. Б. Броневский считал необходимым ввести в

штатное расписание всех окружных приказов должность муллы, «испытанного в преданности России», с жалованьем в 500 рублей, западно-сибирский генерал-губернатор П. М. Капцевич 25 апреля 1825 года распорядился приглашать на эту должность татар, «которые более известны начальству по поведению и приверженности России», с жалованьем в 300 рублей[207, Л. 9–9 об., 38–38 об.]. Этот документ зафиксировал переход от случайного использования мулл как информаторов к их систематической институционализации как штатных агентов региональной администрации.

Третья категория временные и подвижные информаторы: купцы. Приезжие торговцы, регулярно пересекавшие Казахские степи и посещавшие ханства, составляли постоянно воспроизводящийся источник оперативной разведывательной информации. Их преимущество перед постоянными агентами состояло в непрерывности. Купеческий канал функционировал в промежутках между официальными и тайными миссиями. Принципиальное ограничение в достоверности: купцы, как правило, были чужаками в местах своих остановок, не слишком разбиравшимися в ситуации и полагавшимися на слухи.

Дело бухарского купца Гарифа Атагалиева показывает механизм превращения купца из временного информатора в постоянного агента. В 1832 году Атагалиев доставил из Хивы письма российских пленных их родственникам, действие, потребовавшее значительного личного мужества: «хивинцы не разрешают пленным переписываться с родственниками, такое дело может привести к ужасным наказаниям вплоть до лишения жизни». ОПК оценила этот поступок не просто как гуманитарный, но как разведывательный ресурс, за «похвальное усердие» купцу была выдана награда из сумм на выкуп пленных «с обещанием приличной награды для поощрения его впредь к таким делам»[183, Л. 1–3]. Слова «впредь» и «поощрение» означали институционализацию, разовое действие превращалось в систематическую обязанность.

Систематические опросы купцов, вернувшихся из ханств, являлись стандартной практикой ОПК. Ханыков в программе к карте Аральского моря прямо называет купцов Петропавловского и Косарева среди поставщиков сведений о торговых путях и быте народов степи[208, с.12]. Заведующий присырдарьинскими казахами И. Я. Осмоловский только за 1854 год составил 33 «записки о слухах и событиях» в Средней Азии, ссылаясь на купцов-информаторов то по имени («бухарец Алимбай Мурзабаев», «почетный ордынец Мулджан Бекмурзин»), то анонимно («лазутчики мои, прибывшие из Туркестана», «возвратившиеся мои лазутчики»)[51, С. 47, 146, 544]. Систематической оценки своим источникам Осмоловский не давал еще одно свидетельство структурной проблемы, описанной Бэйли, «когнитивная предвзятость» к местным информаторам сочеталась с полной зависимостью от них.

Четвертая категория бессознательные информаторы: казахские проводники. Эта категория принципиально отличается от трех предыдущих. Ее

представители не осознавали себя поставщиками разведывательной информации. Казахские проводники, погонщики и сопроводители экспедиций сообщали знание о пространстве, о водных источниках, маршрутах, расположении родовых кочевий, сезонных пастбищах постольку, поскольку это было необходимо для их непосредственной деятельности.

Г. Б. Избасарова в концепции «кочевой ментальной карты пространства» показала, что казахи воспринимали и описывали пространство иначе, чем российские офицеры: через временные маркеры, природные ориентиры (реки, колодцы, могилы предков), родовые территории[119, С. 33–38.]. В. З. Галиев в «Караванных тропах» реконструировал, как сопроводители торговых и дипломатических миссий выступали незаменимыми носителями оперативных географических и политических знаний о кочевых маршрутах, источниках воды и пропитания, тяглового скота[136, С. 40–73]. Российская региональная администрация специально собирала сведения о том, кто из казахского населения «надежнее, благомыслящее и способнее к препровождению». В проводники тщательно подбирали «благонадежных киргизов [казахов]», отличавшихся «услужливостью и имевших опыт в подобных делах»[142, С. 9–11].

Еще в 1809 году оренбургский военный губернатор Г. С. Волконский заключил с представителями казахских родов Младшего жуза шекты и торткара официальный договор, фиксировавший обязательства проводников по сопровождению торговых каравана и обеспечению их безопасности [209, С. 57.]. Эта формализация посреднического статуса казахских проводников через договорные отношения является ранним примером институционализации четвертой категории «знающих людей» превращения «бессознательных» информаторов в регулярных агентов системы.

ОПК выстраивала информационную инфраструктуру через три взаимосвязанных механизма: систему поощрений, выкупной механизм и целенаправленную подготовку посредников через различные учебные заведения.

Система поощрений. ОПК систематически использовала денежные вознаграждения, чины и похвальные листы для формирования устойчивых агентурных отношений. Механизм превращения разового действия в институциональную обязанность зафиксирован в деле Атагалиева. Выдавая награду «с обещанием» к «дальнейшему поощрению», ОПК превращала купца в регулярного агента. Баймен Тюлегенев, казах из рода тама, сначала получал 10, затем 8 рублей серебром в месяц и серебряную медаль на анненской ленте за регулярное снабжение ОПК сведениями из степи, что соответствовало чиновнику XII класса, эквиваленту армейского поручика[210, Л. 193–195]. Такая тарификация была принципиальна, она вписывала местного информатора в имперскую систему чинов и окладов, то есть конвертировала агентурные отношения в государственную службу.

Выкупной механизм как разведывательная инфраструктура. Система выкупа российских пленных из среднеазиатских ханств являлась

одновременно гуманитарным и разведывательным механизмом. Освобожденные пленники были носителями уникального оперативного знания о внутреннем устройстве ханств, добытого многолетним пребыванием внутри их закрытых дворов.

Дело казака Иванова М. является показательным примером. Бежавший из хивинского плена после 17 лет неволи, знавший татарский и хивинский языки, Иванов был не просто освобожден, его перевели в сословие оренбургских мещан, то есть предоставили конкретный социальный ресурс, обязывавший к последующему сотрудничеству[185, Л.2]. Дж. Иден показал структурную логику этого механизма, торговля пленными создавала информационную инфраструктуру, а их освобождение давало ОПК доступ к живым источникам внутреннего знания о ханствах, знания, принципиально недоступного через официальные посольства.

Институт попечителей 1844 года. Создание института попечителей для прилинейных казахов оренбургского ведомства в 1844 году принципиально расширило возможности систематического сбора информации в Степи. Шесть попечительств: Гурьевское, Уральское, Оренбургское, Орское, Троицкое и Михайловское получили функцию контроля за казахами, кочующими вдоль пограничной линии, и одновременно функцию сбора сведений от местных лазутчиков «в том числе о положении в среднеазиатских ханствах»[211, с.112]. Рапорты попечителей председателю ОПК систематически содержат доклады о взаимоотношениях казахов с ханствами, о случаях перехода казахских родов под влияние Хивы и Коканда, об известиях, полученных от «верных людей». Таким образом, институт попечителей мы может отнести к дополнительному механизму информационной инфраструктуры.

Биографии «знающих людей»: типологические случаи

Мендиар Бекчурин, образцовая карьера постоянного информатора. Переводчик ОПК М. Бекчурин представляет наиболее полный тип «добровольного и постоянного» информатора. Ещё в 1780 году он был направлен в Семипалатинскую крепость «для собирания сведений о хане Аблае». В своём прошении императору Александру I от 16 сентября 1818 года Бекчурин писал, что его неоднократно посылали в Младший и Средний жуз «для разведования» о казахо-башкирских отношениях и возможности укрытия башкирских повстанцев в Степи, о наличии и «выручке русских пленных» у казахских султано[212, Л. 5-9]. В 1781 году он возглавил посольство в Бухару, результатом которого стало «подробное описание пути от Орской крепости до Бухары и обратно, описание города Бухары и торжественного приема посланца у хана, некоторые сведения о состоянии самого ханства»[213, С. 275].

В 1819 году, несмотря на преклонный возраст, более 70 лет, Бекчурин был выбран губернатором Эссеном для дипломатической миссии в Хиву. Эссен в письме министру Нессельроде подчеркивал, что избрал его потому, что он «одного с хивинцами магометанского исповедания и имеет от роду с лишком 70 лет», а значит, из уважения к единоверцу и старости «оказан ему будет

благосклонный прием»[214, с. 519]. Это решение демонстрирует стратегическое использование религиозной и возрастной идентичности агента как разведывательного ресурса. Провал миссии Бекчурин «принят был с сугубым раздражением, четыре месяца содержан под крепкою стражею» документировал не столько личную неудачу агента, сколько структурное ограничение имперского информационного проникновения в Хиву 1819 года.

Абдулнасыр Субханкулов, информатор как посредник двух систем. Поручик Башкирского войска А. Субханкулов, письмоводитель хана Младшего жуза Айшуака, является образцом «знающего человека», одновременно укорененного в двух системах. Айшуак хан описывал своего письмоводителя как человека, которого «почитал как сына» и которому отдал «право ношения печати», высший знак доверия в тюркской дипломатической традиции[215, Л. 101]. Именно это доверие со стороны хана делало Субханкулова незаменимым для ОПК, он имел доступ к казахскому двору, которого ни один русский чиновник не мог иметь, и одновременно понимал цели имперской администрации.

Инструкция, выданная Субханкулову для поездки в Бухару в 1810 году, охватывала весь спектр разведывательных задач: выяснить состояние торговли Бухары с Китаем, Индией и Персией; узнать «в каких отношениях между собой находятся Хива и Бухара, не ведут ли они войну»; уточнить маршрут в Бухару «включая все урочища, станции и переправы»; и характерная деталь выяснить «позиции англичан в среднеазиатских ханствах» [216, Л. 92.]. Этот последний пункт свидетельствует о том, что уже в 1810 году британский фактор был включен в стандартную программу разведывательного задания. По итогам поездки Субханкулов представил подробный отчет, включавший «Маршрут тракта из Оренбурга до Бухары» с подробными замечаниями. 23 марта 1811 года он был награжден золотой медалью на красной ленте и единовременным пособием в 750 рублей серебром эквивалент годового генеральского жалованья.

Мухаммед-Шариф Аитов («Каратолмач»), агент с двойной принадлежностью. Корнет ОПК М.-Ш. Аитов, известный в Степи под прозвищем «Каратолмач», является наиболее полным воплощением концепции «двойной идентичности» в смысле Кэмпбелла. Аитов был казахским аристократом по происхождению, российским офицером по образованию и функции, и по прозвищу и репутации неотъемлемой частью казахского степного мира.

В 1841 году Аитов был направлен в Хиву с дипломатической миссией. Его задание включало сбор сведений о военном потенциале ханства и о деятельности британских агентов при хивинском дворе. Именно двойная принадлежность Аитова обеспечивала доступ к информации, недоступной ни одному русскому офицеру, казахское происхождение давало органичность при взаимодействии с тюркоязычными подданными, офицерская подготовка способность систематизировать наблюдения в форму военно-разведывательного анализа. Г. С. Султангалиева в в своей статье «Каратолмач,

штабс-капитан М.-Ш. Аитов в Казахской степи» реконструировала его биографию детально, показав, что Аитов действовал как имперский агент не вопреки своей казахской идентичности, но именно через нее и посредством нее. Послужные списки чиновников ОПК свидетельствуют о его неоднократном участии в дипломатических миссиях и исполнении обязанностей пристава и переводчика при хивинских и бухарских послах в Оренбурге[217, С. 13–22].

Братья Батыршины: информаторы новой формации. Искандер и Сулейман Батыршины, направлявшиеся в Хиву, Коканд и Бухару в 1853–1858 годах, представляют следующее поколение постоянных информаторов, уже не татарских мулл, но казахских переводчиков с систематическим образованием. В «Кратком дневнике», который Искандер Батыршин вел во время похода на Акмечеть (1853), зафиксированы не только боевые действия, но и детальные политические наблюдения о ханстве Коканд[218, С. 300–362.].

Показательна конкретная разведывательная техника, примененная Батыршиным. Младший переводчик ОПК «с должной осторожностью навел» казахского султана Ермухамед Касымова (ок. 1819-1883) на то, чтобы он рассказал «свои мысли относительно возможности завладения Хивой», сведения, включенные Батыршиным в его записку о Хивинском ханстве [142, С. 312–317.]. Эта техника косвенного разведывательного зондажа провокация источника на спонтанное высказывание через продуманную беседу является образцовым примером работы «знающего человека», действующего одновременно как переводчик и как агент.

Учебные заведения как канал подготовки посредников: пример Неплюевского кадетского корпуса

Оренбургский Неплюевский кадетский корпус занимал особое место в системе производства «знающих людей». Основанный в 1825 году, он проектировался как инструмент не только образовательной, но и политической инкорпорации казахских элит в имперские структуры. В документах директора корпуса И. М. Маркова (1837–1848) двойственная природа учреждения зафиксирована прямо: «политическая мысль и польза училища к сближению подданных России с народами не в твёрдом подданстве России состоящими, внушение сим последним доверия к правительству и народу русскому и посредством русских, употребляемых в качестве толмачей и переводчиков в сношении с хивинцами, бухарцами и киргизами, вернее знать образ их мыслей в отношении к видам нашего правительства» [219, Л. 32–33].

Эта формулировка исключительно важна, она прямо связывает образовательную функцию корпуса с его разведывательным предназначением. Выпускники, «употребляемые в качестве толмачей и переводчиков», должны были не просто обслуживать дипломатические контакты, но «вернее знать образ мыслей» ханских подданных, то есть производить именно то качественное внутреннее знание о ханствах, которое было недоступно через официальные посольства.

Марков в отчете губернатору Обручеву специально предупреждал об опасности предоставления всех вакансий казахским воспитанникам, «если будет принимаемо 10 киргизов, ни одной не останется вакансии для прочих наций», тогда как «ни один русский не будет иметь возможности обучаться восточным языкам», а значит, утратится тот особый класс русских переводчиков, которые были нужны «для сношений с хивинцами, бухарцами и киргизами»[219, Л.32]. Это свидетельствует о том, что корпус намеренно проектировался для выпуска двух параллельных типов посредников: казахских аристократов, лояльных империи, и русских офицеров-ориенталистов, знающих восточные языки.

Система отбора воспитанников определялась принципом «внедряй и управляй» (Уяма, Ходорковский), приоритет отдавался детям султанов, родовитых старшин и офицеров казахского происхождения, требовалось знание татарской грамоты до поступления. Азиатский департамент МИД с марта 1848 года начал систематически истребовать сведения о числе казахских воспитанников, их классах и сроках выпуска, свидетельство того, что Петербург рассматривал корпус как стратегический кадровый ресурс [220, Л. 15].

Карьерные траектории выпускников из числа казахов подтверждают его разведывательную функцию. Большинство направлялись не в регулярные войска, а именно в ОПК или в управления орд, где их двуязычная компетентность была наиболее востребована. Юсуп Ниязов, выпускник 1851 года, назначен переводчиком во Временный совет по управлению Внутренней ордой; Зюлькарней Нуралиханов, хорунжий 1851 года [221, Л.1]. Мурза-Гали Сангрыков после выпуска 1851 года немедленно обратился к председателю ОПК с просьбой о прикомандировании «для занятий» при Пограничной комиссии, прямо апеллируя к недостаточному материальному состоянию как основанию для имперской поддержки.

Прошения братьев Альмухамеда и Тлеу Сейдалиных (выпуск 1855 г.) к председателю ОПК В. В. Григорьеву представляют исключительную аналитическую ценность. Оба прапорщика вышли из линейного батальона не из нежелания служить, но из-за неспособности оплатить обмундирование: «одной трети (45 р. с.) казачьего жалованья не доставало не только на то, чтобы жить здесь, но и на обмундирование». Они просили о переводе в ОПК именно потому, что «служба гражданская по Пограничному управлению» позволила бы «продолжать начатое в Корпусе образование» и одновременно быть «полезными» правительству в делах, требующих знания восточных языков [222, Л. 1–4].

Григорьев поддержал прошение, сформулировав принципиальный тезис «важнейшее затруднение по устройству киргизов заключается в недостатке между ними людей, которые бы могли понимать благотворные намерения нашего Правительства и по знанию русского языка и порядков наших с пользой занимать служебные по Ордынскому управлению места». Он прямо назвал причину своей поддержки «чувствуется крайняя нужда» в «хороших

переводчиках восточных языков» [222, Л. 5-7]. Эта фраза «чувствуется крайняя нужда» является документальным признанием структурного дефицита квалифицированных посредников в информационной системе ОПК.

Впоследствии Альмухамед Сейдалин стал одним из наиболее продуктивных «знающих людей» высшей квалификации: участвовал в экспедиции Аральской флотилии Бутакова (1859), сопровождал депутации казахской знати в Петербург (1856, 1860), стал действительным членом Оренбургского отдела РГО, был приглашен на III Международный конгресс ориенталистов в Петербурге (1876). Его брат Тлеу прослужил в должности начальника Тургайского уезда и вошел в историю казахской этнографии как автор публикаций в «Вестнике Евразии» (1874) и «Записках Оренбургского отделения РГО» (1875) [223, С. 440–443]. Обе карьеры наглядно демонстрируют конечный продукт системы «знающих людей», люди, выращенные Неплюевским корпусом, становились агентами одновременно имперского управления и производства академического знания о регионе.

Осмоловский и система информационного производства на Сырдарьинской линии (1853-1862)

С переносом в 1853 году центра сбора разведывательных сведений из Оренбурга в форт Перовский вся система информационного производства получила нового организатора заведующего присырдарьинскими казахами И. Я. Осмоловского (1820-1862). Востоковед по образованию, полиглот, знавший турецкий, арабский, персидский, татарский, казахский и чагатайский языки, Осмоловский прибыл на Сырдарью по командировке МИД весной 1853 года и был назначен на должность предписанием генерал-губернатора В. А. Перовского от 4 августа того же года [51, С. 9]. Председатель ОПК В. В. Григорьев высоко оценивал способности своего подчиненного, выделяя «отличное знание азиатских языков и, особенно, нравов и обычаев киргизских, в кочевьях которых он почти постоянно жил». Именно это сочетание востоковедческая подготовка, полилингвальность и практическое знание степи сделало Осмоловского идеальным управителем разведывательной сети на Сырдарьинской линии.

Правовой статус Осмоловского был закреплен «Инструкцией командующему Сырдарьинской линией и старшему чиновнику Министерства иностранных дел», высочайше утвержденной Александром II 14 августа 1856 года. Принципиально важен порядок подчинения: Осмоловский докладывал обо всех событиях в ханствах непосредственно генерал-губернатору, минуя командующего линией, который мог лишь наблюдать за тем, чтобы «старший чиновник поступал во всем сообразно с настоящей инструкцией» [224, Л. 12, 22]. В конце 1857 года генерал-губернатор А. А. Катенин изменил эту цепочку, подчинив Осмоловского командующему А. Л. Данзасу, тот отныне направлял все донесения о положении в Средней Азии Данзасу, который препровождал их генерал-губернатору. Донесения в обязательном порядке направлялись также военному министру и министру иностранных дел. Таким образом, Осмоловский являлся узловой точкой трехуровневой информационной

цепочки, полевой сбор сведений - командующий линией Данзас - генерал-губернатор и петербургские министерства.

Система информационного производства Осмоловского охватывала четыре параллельных канала. Первый: постоянные казахские лазутчики из числа сырдарьинских казахов, сообщавшие сведения о событиях в трех ханствах. Второй: купцы-информаторы, опрашивавшиеся по возвращении из ханств, бухарец Алимбай Мурзабаев, прибывший с товарным в Троицк, сообщил сведения об отказе бухарского эмира поддержать Коканд против России и о позиции Шагрисебзского бека в отношении британцев; родственник начальника 54-й дистанции, «бывший в Бухаре для покупок», доставил параллельные сведения по тем же вопросам [51, С. 47; 90-91; 98; 101]. Третий канал: казахские начальники дистанций, самостоятельно командировавшие доверенных людей в Степь: начальник 53-й дистанции султан Сулейман Джигангеров направлял с этой целью Косвака Бутенбаева «к пределам форта Перовский»; правитель Восточной части орды Мухаммед Джантюрин посылал лазутчиков к Сырдарье «для собрания сведений о кокандских делах и вообще среднеазиатских владениях», награждая вернувшихся из собственных средств. Четвертый: постоянная частная переписка с комендантами кокандских и хивинских укреплений.

Методы работы агентов Осмоловского варьировались в зависимости от степени доступности цели. Бий Баскинбай Игибаев, посланный в Кокандское ханство, был вынужден пробираться в Туркестан «под видом слепого нищего для испрошения милостыни», именно потому, что кокандцы вели «бдительный надзор, чтобы не могли пробраться к ним наши лазутчики». Бий Тангай Малдаев, отправленный в Хиву, воспользовался родственными связями, остановился у сестры, замужем за ходжой «имеющим знакомство с разными чиновниками Хивы», и через эту сеть личных связей получил политически значимые сведения о положении в ханстве[51, С. 92–93]. В обоих случаях ценность агента определялась не его формальным статусом, но органичной встроенностью в местные социальные структуры, именно то, что Бейли называл незаменимостью «знающих людей», знающих то, чего «европейцы никогда не могли знать в силу своих концептуальных предубеждений».

Осмоловский сам признавал структурное ограничение своей системы, в рапорте от 30 апреля 1853 года он прямо указывал, что слухи о военных приготовлениях ханств «слишком преувеличены и не совсем правдоподобны» и «требуют ещё подтверждения». Этот механизм критической оценки перекрестная проверка данных от нескольких независимых источников и составлял реальный метод работы системы [51, С. 10–11]. Записки Осмоловского стали, по оценке составителя сборника Б. Т. Жанаева, «для оренбургской администрации основным источником информации о политическом и экономическом положении в Средней Азии» и в обязательном порядке направлялись военному министру и министру иностранных дел. Именно в этом качестве, как управитель разведывательной сети, преобразовывавший разрозненные агентурные сведения в систематическое

знание для административного использования Осмоловский воплощал тип «знающего человека» высшей квалификации, о котором писал Афиногенов [74, P. 5–8.], человека, объединявшего роли военно-политического агента, информатора и ученого в едином проекте производства имперского знания.

Торговые сети и каравана как постоянная разведывательная инфраструктура.

Торговые сети, связывавшие Оренбург со среднеазиатскими рынками, являлись постоянно действующим разведывательным каналом, функционировавшим независимо от периодических миссий. Структурная роль торговых каравана в этой системе определялась их уникальным положением, они пересекали степь и ханства регулярно, обеспечивая непрерывный поток оперативных сведений.

В. З. Галиев в «Караванных тропах» реконструировал значение торговых маршрутов Казахстана XVII-XIX веков как каналов передачи информации военно-политического характера. Структура самих каравана с караван-башами, погонщиками, торговцами и нанятыми проводниками воспроизводила в миниатюре все четыре категории «знающих людей»: постоянные участники накапливали систематическое знание о маршрутах и политической конъюнктуре, случайные служили поставщиками оперативных слухов. С. К. Абдрахманов в исследовании о профессиональной деятельности российского купечества в Средней Азии фиксирует, что наблюдение за состоянием рынков, оценка политической стабильности и установление личных связей с местными чиновниками были нормой профессионального купеческого быта, одновременно являясь разведывательной деятельностью [135, С. 64–73], [136, С. 40–73].

Дело о приезде бухарского посланника Мир-Ахун Мулла-Жана на Сырдарьинскую линию показывает, как торговый и дипломатический каналы переплетались в едином разведывательном пространстве. Первым, кто сообщил коменданту форта № 1 о прибытии посланника, был «один из хозяев расположенных у переправы бухарских каравана» купец, чья торговая деятельность автоматически включала функцию политического наблюдения[191, Л. 4]. Отправленный навстречу хорунжий Шарипов получил задание «ознакомиться с подробностями о нем и его свите» то есть провести разведывательный опрос под протокольным прикрытием. Торговая стоянка у переправы превращалась в разведывательный наблюдательный пункт, а купцы в его естественных агентов.

Ключевой фигурой в системе торговых посредников являлся караван-баша предводитель купеческого каравана. Дело о розыске английского лейтенанта Вайберда демонстрирует, что караван-баши Баримбай Атамбаев функционировал как полноценный агент ОПК, получив задание выяснить судьбу Вайберда, он «спросил об этом всех торговцев», а при недостаточности сведений был готов «отправить в Хоканд своего доверенного человека для справки»[188, Л.2]. Наличие собственной сети «доверенных людей» в

ханствах означало, что каравани-баша располагал агентурной инфраструктурой, функционировавшей в интересах ОПК.

Справки о торговых операциях с Хивой и Бухарой за 1840-1856 годы показывают, что коммерческая статистика одновременно служила экономической разведкой о рыночной конъюнктуре в ханствах, цены на товары, структура спроса, состояние дорог и логистических маршрутов [173, Л.5]. Принципиально важной чертой купеческих информаторов было то, что они были «чужаками в местах своих остановок, не слишком разбиравшимися в ситуации и полагавшимися на слухи». Это структурное ограничение ОПК компенсировала через систему перекрестной проверки, сведения от купца сопоставлялись с данными, поступавшими от переводчиков-чиновников и освобожденных пленных. Рапорты ОПК систематически фиксировали источники «по сведениям купца», «по показаниям беглого», «по донесению толмача».

Информационные потоки

Сведения, собранные информаторами всех категорий, не поступали напрямую в Петербург, они проходили через систему структурированной обработки, в которой ОПК выступала узловой точкой переработки «сырого» знания в «колониальное знание», пригодное для принятия политических решений. Этот процесс является воплощением тезиса Афиногенова о «едином проекте производства знания», в нем военно-политические агенты, информаторы и ученые действовали как участники одной системы.

Как правило, путевые записки, журналы и дневники информаторов «рассматривались как служебная информация и передавались руководству оренбургской администрации под грифом "секретно", оставаясь неопубликованными»[57, с.51]. Часть собранных данных, признанных имеющими «широкий общественный интерес» прежде всего географические и этнографические сведения, публиковалась в «Известиях» Оренбургского отдела РГО и тем самым перемещалась из секретного в открытый информационный оборот. Мирсалих Бекчурин, младший сын Мендиара Бекчурина, по возвращении из своей миссии в Среднюю Азию в 1866 году опубликовал «Наши завоевания 1866 г. в Средней Азии» в «Записках Оренбургского отдела РГО» (1872) прямой пример двойной циркуляции знания, агентурные сведения превращались в академическую публикацию.

В. В. Григорьев, возглавлявший ОПК в 1854-1859 годах и систематизировавший данные среднеазиатских экспедиций для ИРГО, воплощал в одном лице оба потока производства знания [225, Л.3]. Именно Григорьев настоял на переводе братьев Сейдалиных из линейного батальона в ОПК, решение, в котором разведывательные и научные интересы оказались структурно неразделимы, он нуждался в «хороших переводчиках восточных языков» одновременно для управления ордой и для составления научных описаний региона. Н. Л. Найт в статье «Grigor'ev in Orenburg, 1851-1862: Russian Orientalism in the Service of Empire?» специально показал, как лично Григорьев совмещал роль чиновника ОПК, накапливавшего секретные

разведывательные данные, и востоковеда, синтезировавшего их в академическое знание о регионе [226, p.82].

Таким образом, полный цикл имперского производства знания о Центральной Азии включал следующие звенья: казахский проводник указывал маршрут, переводчик ОПК описывал его в донесении, председатель пограничной комиссии систематизировал в обзоре для ИРГО, обзор публиковался в «Известиях» РГО, академическое знание легитимизировало следующую экспедицию. Именно этот цикл от показания казахского проводника до инструкции по снаряжению следующей миссии и составлял реальную инфраструктуру производства имперского знания о регионе.

Проведенный анализ системы формирования сетей информантов и наблюдателей позволяет сформулировать следующие выводы, принципиальные как для понимания российских разведывательных практик в рассматриваемый период, так и для последующего сравнения с британскими аналогами.

Первый вывод касается системного характера информационной инфраструктуры. Сеть информантов и наблюдателей не складывалась стихийно, она выстраивалась как сознательный институциональный проект с 1784 года, охватывавший четыре функционально различных слоя «знающих людей» с разными механизмами рекрутирования и разными типами производимого знания.

Второй вывод связан с субъектностью информаторов. Бекчурин, Субханкулов, Аитов, Батыршины, Тюлегенев, Сейдалины все они выстраивали собственные стратегии взаимодействия с ОПК, извлекая из своей посреднической роли материальные и статусные ресурсы. Информация, поставляемая ими, неизбежно несла следы этой субъектности отбор, интерпретацию, иногда намеренное умолчание.

Третий вывод касается структурного противоречия системы. «Когнитивная предвзятость» имперских администраторов к местным информаторам фиксируемая и Бэйли для британского, Моррисона и Сартори для российского случая означала, что система одновременно зависела от «знающих людей» и систематически недооценивала поставляемые ими сведения. Катастрофа хивинского похода 1839 года и регулярные сбои в работе агентурных сетей периода Кенесары Касымова являются конкретно-историческими проявлениями этого структурного противоречия.

Четвертый вывод связан с ролью Неплюевского кадетского корпуса. Корпус производил именно тот тип «знающих людей» образованных, двуязычных, с двойной принадлежностью, который был наиболее ценным для разведывательной работы ОПК. Документальная формулировка Маркова о «политической мысли и пользе училища» является исчерпывающим свидетельством его намеренного проектирования как кузницы посредников.

Пятый вывод относится к торговым сетям как постоянной разведывательной инфраструктуре. Караван-баши, купцы-информаторы и их «доверенные люди» в ханствах образовывали агентурную сеть непрерывного

действия, структурно дополнявшую периодические официальные и тайные миссии.

Шестой вывод касается цикличности производства знания. Информация от казахского проводника или лазутчика проходила через институциональную обработку в ОПК, трансформируясь в «колониальное знание», пригодное для принятия политических и военных решений, часть этого знания через Григорьева и других ориенталистов поступала в открытый академический оборот, легитимизируя следующий цикл экспансии. Именно этот двойной секретный и открытый цикл производства знания и составлял реальную основу информационной империи России в Центральной Азии. Анализ британских аналогов этой системы Политического департамента Ост-Индской компании, его «знающих людей» и механизмов производства знания об среднеазиатском регионе составляет предмет следующей главы.

Глава 3. Дипломатические разведывательные миссии Британской империи в Центральной Азии (первая половина XIX века)

3.1. Институциональная организация британских миссий: типология и кадровый состав

Дипломатические разведывательные миссии Британской империи в Центральную Азию в первой половине XIX века складывались как элемент стратегической системы Британской Индии, одного из наиболее сложных колониальных механизмов эпохи. Их изучение требует учета как институциональной архитектуры, в рамках которой они планировались и осуществлялись, так и конкретного исторического содержания каждого направления, как бухарского, хивинского и кокандского. Три эти направления обладали принципиально разными характеристиками с точки зрения доступности, политической логики и достигнутых результатов, что определяло и различные организационные решения при подготовке миссий. Вместе с тем все они вписывались в единую стратегическую рамку, заданную опасениями британской администрации Индии относительно продвижения России к северо-западным рубежам Индии. Афганистан при этом выступал стратегическим узлом, через который координировались все три направления и замыкались их информационные потоки.

Стратегический контекст британских миссий в Центральную Азию определялся тремя взаимосвязанными угрозами. Во-первых, угроза российского военно-политического присутствия в регионе, воспринимавшаяся в Калькутте как потенциальная угроза самой Индии. Во-вторых, угроза персидской экспансии в Афганистан при поддержке России, наглядно проявившаяся в осаде Герата (1837-1838). В-третьих, внутренняя нестабильность центральноазиатских государств как возможный «вакуум силы», который мог быть заполнен российским или персидским влиянием. Именно эти три угрозы определяли логику организации каждой конкретной миссии: ее цели, кадровый состав, систему инструктирования и предписанные типы собираемого знания [38, 1-25] [107, p.112].

Изучение организации британских миссий требует прежде всего концептуального уточнения. Термин «миссия» в британском контексте охватывал широкий спектр форм дипломатической и разведывательной деятельности от официальных посольств с открытым статусом до тайных индивидуальных поездок под коммерческим или научным прикрытием. Объединяющим элементом всех этих форм являлся, как показывают архивные материалы Архива Индийского ведомства (India Office Records), единый «порядок исследования» в смысле Б. Кона: система предписаний о том, какое знание считается релевантным, через кого его надлежит собирать и в каком формате представлять.

Организация британских дипломатических и разведывательных миссий в Центральную Азию привлекала исследователей значительно больше, чем российская сторона аналогичных практик, что является историографическим

фактом, требующим осмысления. М. Э. Япп в «Strategies of British India» создал наиболее аналитически строгое исследование британской стратегии в регионе, введя концепцию «стратегических дискуссий» дебатов внутри имперской администрации о целях и методах присутствия в Центральной Азии. Этот методологический подход, изучать не только политику, но ее институциональное производство через внутренние дискуссии, принципиально важен для понимания того, почему британские миссии в Афганистан и Среднюю Азию принимали именно те формы, которые фиксируются в архивах.

М. Г. Фишер в «Indirect Rule in India» показал, как британские «политические агенты» при дворах индийских правителей одновременно выполняли дипломатические, разведывательные и военные функции [39]. Это наблюдение имеет прямое значение для понимания миссий в Центральную Азию, такая же функциональная многозначность, которую Фишер описал для внутриндийского контекста, воспроизводилась и в трансграничных миссиях. К. Эндрю показывает британские разведывательные структуры как формирующуюся институциональную систему, показав, что агенты эпохи «Большой игры» не были одинокими авантюристами, но функциональными элементами складывавшейся информационной инфраструктуры [108].

А. Моррисон в своей статье осуществил первое в историографии систематическое сравнение процессов принятия решений обеими державами в ходе одного и того же эпизода 1839 года [89]. Его тезис о том, что британские и российские администраторы разделяли «схожие предубеждения и высокомерие» в отношении центральноазиатских правителей, принципиально важен для понимания организации миссий: именно это когнитивное высокомерие определяло способ постановки задач и интерпретации получаемых данных.

Ост-Индская компания как институциональный заказчик разведывательных миссий

Понять организацию британских дипломатических и разведывательных миссий в Центральную Азию невозможно без специального рассмотрения институциональной природы их заказчика в лице Ост-Индской компании (East India Company, EIC). Компания, основанная в 1600 году королевской хартией как торговое предприятие с монополией на торговлю с Востоком. К первой половине XIX века превратилась в принципиально иной институт - квазигосударственное образование с собственной армией, разведывательными органами, судебной системой и дипломатическим корпусом. Именно эта двойственная природа: одновременно коммерческая и государственная определяла все характеристики организуемых ею миссий. Их официальное позиционирование как «торговых», их финансирование из коммерческих бюджетов и одновременно их реальное разведывательное содержание.

Х. В. Боуэн показал что к середине XVIII века Компания превратилась в центральный элемент британской имперской экономики [227]. Ее армия превышала по численности армии многих европейских государств, ее

финансовые ресурсы питали британские военные кампании против наполеоновской Франции, а ее разведывательные сети охватывали пространство от Персидского залива до Китайского моря. Это превращение торговой монополии в имперскую власть не было одномоментным. Оно осуществлялось через последовательное законодательное оформление расширявшихся функций Компании.

Принципиальными законодательными вехами в этом процессе стали два акта британского парламента. Регулирующий акт 1773 года (Regulating Act) впервые поставил деятельность Компании под парламентский контроль и учредил должность генерал-губернатора Индии с широкими административными и военными полномочиями. Акт Питта об Индии 1784 года (India Act) пошел значительно дальше, он учредил Совет по контролю (Board of Control) при британском правительстве как надзорный орган и закрепил за генерал-губернатором право вести самостоятельную внешнюю политику в Азии, включая организацию дипломатических и разведывательных миссий за пределами прямого британского суверенитета. Именно Акт 1784 года создал институциональную основу для всей последующей разведывательной деятельности Компании в Центральной Азии. Генерал-губернатор получал право действовать без предварительного согласования с Лондоном, что Моррисон охарактеризовал как структурный источник децентрализации британских решений.

Система управления Компанией, сложившаяся после 1784 года, создавала принципиальное институциональное противоречие, напрямую влиявшее на характер разведывательных миссий. На вершине иерархии находились два конкурирующих центра власти: Совет директоров (Court of Directors) в Лондоне, представлявший коммерческие интересы акционеров и склонный к осторожности в вопросах расширения военного присутствия, и генерал-губернатор в Калькутте (с 1772 года) или Симле (с 1830-х годов), располагавший реальными оперативными рычагами и нередко действовавший с опережением лондонских директив. Ф. Лоусон в «The East India Company: A History» показал, что именно это противоречие между Лондоном и Калькуттой порождало ситуации, когда разведывательные миссии предпринимались по региональной инициативе без санкции Совета директоров [228, P. 100–120]. Генерал-губернатор лорд Окленд отправил Бернса в Кабул и Абботта в Хиву, фактически поставив Лондон перед свершившимся фактом, аналогичным образом Перовский направлял тайных агентов в Бухару без ведома петербургского МИД. Оба случая проявление одного и того же структурного феномена децентрализации, описанного Моррисоном применительно к обеим империям [89, p.80-100].

Ключевым инструментом Компании для организации разведывательной деятельности за пределами прямого суверенитета служил Политический и Секретный департамент (Political and Secret Department) при генерал-губернаторе. М. Г. Фишер детально реконструировал его эволюцию: от скромного канцелярского органа при первых генерал-губернаторах до

разветвленной сети политических резидентов и агентов, охватывавшей к 1830-м годам пространство от Персидского залива до Синда [39, P. 23–47]. Политические резиденты офицеры Компании, прикомандированные ко дворам формально независимых правителей, воплощали саму суть системы «косвенного управления». Они одновременно выполняли дипломатические, разведывательные и политические функции, не имея при этом официального дипломатического статуса суверенного государства. Именно из этой системы резидентов вырастала практика направления политических агентов в Центральную Азию: Бернс, Конолли, Абботт были продуктом той же институциональной логики, что и резидент при дворе Ранджит Сингха или при дворе низама Хайдарабада.

Принципиально важной чертой Компании как заказчика разведывательных миссий была ее финансовая автономия. Компания располагала собственными бюджетами, из которых финансировались разведывательные операции, без необходимости ежегодно проводить соответствующие статьи через британский парламент. Документы Архива Индийского ведомства фиксирует это наглядно: разрешение генерал-губернатора Бернсу тратить «любые разумные суммы» (any reasonable sums) на создание агентурной сети в Афганистане не требовало ни парламентского одобрения, ни согласования с Советом директоров [229]. Эта финансовая автономия имела прямые практические следствия для организации миссий. Она позволяла действовать быстро и конфиденциально, не раскрывая детали операций перед парламентскими комитетами. Именно отсюда, из этой финансовой непрозрачности происходила практика «Синих книг»: парламенту предъявлялась отредактированная версия событий, тогда как реальное содержание разведывательных операций оставалось внутри системы Компании.

Н. Робинс предложил аналитическую формулу, точно описывающую институциональную природу Компании применительно к разведывательным функциям: она являлась «государством внутри государства» организацией, обладавшей всеми атрибутами государственного суверенитета (армия, разведка, дипломатия, правосудие), но формально остававшейся частной торговой корпорацией [230, P. 1–15]. Именно эта двойственность объясняла, почему все британские миссии в Центральную Азию официально назывались «коммерческими»: это было не просто дипломатическим прикрытием, но отражением реальной институциональной природы их организатора. Ост-Индская компания не могла организовывать официальные государственные посольства, она не была государством, но она могла организовывать «коммерческие миссии» с разведывательными задачами, потому что была корпорацией с государственными функциями.

Ликвидация Компании в 1858 году, последовавшая за восстанием сипаев, завершила эту институциональную эпоху. Управление Индией перешло к британской Короне, а разведывательные функции были реорганизованы в рамках официальных государственных структур. Это объясняет верхнюю

хронологическую границу настоящего исследования 60-е годы XIX века, именно в этот период система, выстраивавшаяся Компанией на протяжении почти ста лет, уступила место принципиально иной институциональной логике. Миссии Муркрофта (1819-1825), Бернса (1832, 1837-1838), Конолли и Стоддарта (1838-1842), Абботта и Шекспира (1840) и Вамбери (1863) все они являются продуктами именно этой эпохи, со всеми ее институциональными ограничениями и возможностями.

Бухарское направление.

Бухарское направление занимало особое место в системе британских миссий в Центральную Азию. Бухарский эмират являлся крупнейшим и наиболее политически значимым государством региона, торговым и культурным центром, через который проходили основные маршруты из Индии в Россию и обратно. Контроль над Бухарой или хотя бы поддержание в ней пробританских настроений имело для Ост-Индской компании первостепенное стратегическое значение. Именно поэтому британские миссии на этом направлении отличались наибольшей частотой, наибольшим разнообразием типов и наибольшей документированностью.

Уильям Муркрофт-первопроходец британской разведки в Бухаре. Уильям Муркрофт (1767-1825) занимает особое место в истории британских разведывательных миссий в Центральную Азию как первый британский подданный, сумевший добраться до Бухары и оставить систематическое описание ее торговли и политической жизни. По профессии ветеринарный хирург и специалист по коневодству, Муркрофт был направлен в Центральную Азию официально с заданием найти источники высококачественных лошадей для кавалерии Ост-Индской компании. Однако истинный масштаб его деятельности выходил далеко за рамки этого задания [41, P. 60-75.].

Путешествие Муркрофта 1819-1825 годов было первой систематической британской разведывательной экспедицией в регион. Пройдя через Кашмир, Ладакх, Афганистан, он достиг Бухары в 1824 году, проведя в ней несколько месяцев. За это время он составил детальные наблюдения о политической ситуации в эмирате, о торговых сетях, связывавших Бухару с Россией, Индией и Китаем, о военном потенциале государства и о деятельности иностранных агентов, в том числе российских при дворе эмира. Рукописные материалы Муркрофта, хранящиеся в Британской библиотеке (MSS Eur A 21), содержат его наблюдения об Афганистане и прилегающих территориях и дают представление о методологии сбора информации первопроходцем британской разведки в регионе [231].

На обратном пути из Бухары Муркрофт погиб в Андхое (август 1825 г.) при невыясненных обстоятельствах. Его бумаги и личные вещи частично осели у местных правителей и были обнаружены более чем через десятилетие- в конце 1830-х годов британские агенты разыскивали их как источник разведывательных данных. Документы фонда L/PS/5/131 (1838 г.) содержат несколько запросов о розыске материалов Муркрофта: Записки доктора Лорда (май 1838 г.) и письмо Мирзы Ахмед Дина о книгах Муркрофта. Список книг,

обнаруженных при его вещах в Хулуме и Балхе, словари персидского и арабского языков, медицинское руководство Риса, путешествия Марко Поло, «Морские таблицы» Мура, Новый Завет на турецком языке, естественная теология Пейли раскрывает профиль «знающего человека» британского образца - ориенталист-полилингвист, совмещавший научные, медицинские, военно-навигационные и разведывательные функции в одном лице [229].

Г. Алдер в биографии «Beyond Bokhara: The Life of William Moorcroft» показал, что Муркрофт воспринимал свою деятельность значительно шире официального задания по поиску лошадей. Он был одним из первых британских аналитиков, публично предупреждавших о российской угрозе Индии и настаивавших на необходимости систематического изучения Центральной Азии. Его предупреждения в 1820-х годах о возможном российском наступлении на Хиву и Бухару получили конкретное подтверждение уже в конце 1830-х годов. В этом смысле Муркрофт является не просто первопроходцем, но родоначальником аналитической традиции британской центральноазиатской разведки, традиции, которую развили Бернс, Конолли, Абботт и их преемники [41, P. 280-310].

Александр Бернс: систематизация бухарского знания. Следующим значимым этапом бухарского направления стала поездка Александра Бернса в 1831-1833 годах. Двигаясь под видом индийского купца через Пенджаб, Синд и Афганистан, Бернс достиг Бухары в 1832 году, проведя в ней несколько месяцев и составив систематические наблюдения о политической ситуации, торговле, военном потенциале эмирата и деятельности российских агентов при дворе. Его «Путешествия в Бухару» (Travels into Bokhara, London: John Murray, 1834) стали не только литературным успехом, но и важнейшим разведывательным документом эпохи, принесшим автору прозвище «Бухарский Бернс» (Bukhara Burnes) и сформировавшим его репутацию первоклассного эксперта по Центральной Азии [59].

Принципиально важны методологические аспекты бухарской поездки Бернса. Во-первых, использование коммерческого прикрытия, образ индийского купца позволял свободно перемещаться по рынкам и базарам, собирая экономическую и политическую информацию без раскрытия официального статуса. Во-вторых, выстраивание сети личных контактов: в каждом городе Бернс устанавливал доверительные отношения с местными торговцами, чиновниками и учеными, которые становились источниками информации о политической жизни региона. В-третьих, систематический сбор картографических и военно-стратегических данных расстояния, маршруты, укрепления, численность войск. В-четвертых, особое внимание к русским следам- всюду на маршруте Бернс фиксировал признаки российского влияния , присутствие русских купцов, данные о российских посольствах и агентах, отношение местных правителей к России.

Аналитическая ценность бухарской миссии Бернса определялась не только собранными фактическими данными, но и сделанными на их основе стратегическими выводами. Он установил, что Бухарский эмират является

политически нестабильным государством, раздираемым внутренними противоречиями и окруженным конкурирующими внешними влияниями. Он выявил структуру торговых сетей, связывавших Бухару с Россией через Оренбург и с Индией через Кабул, сетей, которые могли использоваться как для коммерческих, так и для разведывательных целей обеими державами. Наконец, он дал детальные характеристики ключевых политических фигур эмирата, включая самого эмира и его окружение, «политические портреты», ставшие основой для планирования последующих британских дипломатических инициатив.

Полковник Чарльз Стоддарт и капитан Артур Конолли. Наиболее драматическим эпизодом бухарского направления стала история миссий полковника Чарльза Стоддарта и капитана Артура Конолли, завершившаяся их казнью в Бухаре в июне 1842 года. Стоддарт прибыл в Бухару в декабре 1838 года с официальной дипломатической миссией - установить отношения с эмиром Насруллой и, в частности, добиться освобождения британских пленников. Однако его миссия немедленно столкнулась с двумя серьезными препятствиями: протокольным и политическим [40, P. 200–230].

Протокольный аспект оказался критическим. Стоддарт не имел официальных верительных грамот от королевы Виктории или генерал-губернатора Индии, что в дипломатической системе Бухарского эмирата означало фактическое непризнание его статуса. Эмир Насрулла, крайне болезненно воспринимавший вопросы протокола и личного достоинства, расценил это как оскорбление и поместил Стоддарта под стражу. Более чем три года он провел в заключении, включая известную бухарскую «яму» (сияхчал) под постоянной угрозой казни [232, P. 350–380].

Политический аспект проблемы был не менее серьезным. Миссия Стоддарта совпала по времени с катастрофой Первой англо-афганской войны (1839-1842). Военные провалы британцев в Афганистане, прежде всего уничтожение целой армии при отступлении из Кабула в январе 1842 года коренным образом изменили расстановку сил в регионе и резко снизили статус британской стороны в глазах центральноазиатских правителей. Эмир Насрулла, ранее колебавшийся, сделал ставку на ту сторону, которая представлялась ему победителем. В этом контексте появление в 1841 году капитана Конолли, направленного для освобождения Стоддарта, не изменило ситуации, оба были казнены в июне 1842 года [89, P. 280–295].

Трагедия Стоддарта и Конолли имела далеко идущие последствия для британской политики в Центральной Азии. Во-первых, она показала уязвимость политики прямого дипломатического присутствия в ханствах при отсутствии реальных военных рычагов давления. Во-вторых, она дискредитировала Бухарский эмират в глазах британской общественности. Опубликованный в 1843 году памфлет Дж. Вольфа «Narrative of a Mission to Bokhara» произвел огромное впечатление в Великобритании. В-третьих, она наглядно показала, что успех или провал дипломатической миссии

определялся не только профессиональными качествами агента, но и общей стратегической позицией державы в регионе [62].

Конолли был не только дипломатом, но и автором концепции, имевшей принципиальное значение для осмысления британской политики в регионе. Именно ему приписывается введение в обращение термина «Большая игра» (Great Game) -выражения, впервые употребленного в его личной переписке 1830-х годов для обозначения геополитического соперничества России и Британии в Центральной Азии. Это словосочетание, впоследствии увековеченное Киплингом в романе «Ким» (1901), отражало восприятие современниками характера британских миссий: не как рутинных дипломатических контактов, но как элементов большой стратегической игры с непредсказуемым исходом [40, P. 1–15.].

Хивинское направление

Хивинское ханство занимало в британской стратегии Центральной Азии особое место, не столько как самостоятельный дипломатический приоритет, сколько как точка отсчета для оценки масштабов российского продвижения к северо-западным рубежам Индии. Хива контролировала низовья Аму-Дарьи и являлась главным источником российских пленников в Центральной Азии, что давало России формальный повод для военного вмешательства. Когда в конце 1839 года стало известно о подготовке российской экспедиции против Хивы под командованием оренбургского губернатора Перовского, британская администрация Индии восприняла это как прямую угрозу своим стратегическим позициям.

Из писем генерал-губернатора лорда Окленда Секретному комитету (январь 1840 г.) следует, что британская оценка российской экспедиции была крайне тревожной. Официальная позиция России, освобождение российских подданных из хивинского рабства не убеждала британских чиновников. Лорд Окленд прямо указывал, что переход Хивы под контроль России сделает невозможным вывод британских войск из Афганистана и потребует постоянного увеличения военного контингента для защиты Индии. Разведывательные данные из Бухары сообщали о «великом смятении» из-за масштаба готовящейся экспедиции [233, p.113-121].

Британским ответом на российскую угрозу стала организация собственных миссий в Хиву с принципиально иными задачами, не завоевание, но дипломатическое урегулирование, способное лишить Россию повода для военного присутствия. Логика была проста: если убедить хана прекратить захват российских подданных в рабство, Россия лишается официального повода для экспедиции. Именно с этой целью в конце 1839 года в Хиву был направлен капитан Джеймс Абботт[233, p. 132].

Миссия капитана Абботта (1839-1840). Джеймс Абботт отправился в Хиву в октябре 1839 года, двигаясь через афганские территории. Его миссия была принципиально отличной от предшествующих британских визитов в Центральную Азию. Речь шла не о разведке и установлении дипломатических отношений, но о конкретном дипломатическом посредничестве,

урегулировании конфликта между Россией и Хивой на условиях, выгодных британским интересам.

Абботт прибыл в Хиву в начале 1840 года и провел переговоры с ханом Аллакули, добившись его согласия освободить российских пленников и прекратить захват новых. С этими условиями он отправился в Россию, буквально навстречу экспедиции Перовского, двигавшейся с севера. Однако его дипломатический успех оказался не полноценным. Российское командование не приняло хивинских уступок как достаточное основание для отмены экспедиции, а сама экспедиция Перовского потерпела катастрофическое поражение от морозов зимой 1839-1840 годов, не дойдя до Хивы [63, P. 265–275].

Для понимания организации британских миссий принципиально важны наблюдения самого Абботта о географических и стратегических ограничениях британского присутствия в регионе. В своих донесениях он подчеркивал, что Туркестан является «не самым удобным полем для битвы с Россией», поскольку англо-индийская армия находится в десяти месяцах марша от своих баз. Это признание имеет фундаментальное значение для понимания всей британской стратегии в Центральной Азии: географическое расстояние от Индии делало прямое военное присутствие невозможным и обрекало британскую политику на дипломатические и разведывательные инструменты как основные рычаги влияния [233, p.135].

Миссия лейтенанта Ричмонда Шекспира (1840). Параллельно с Абботтом в Хиву был направлен лейтенант Ричмонд Шекспир с несколько иным заданием. Если Абботт вел переговоры с ханом об освобождении пленников как о политической уступке, Шекспир добился практического результата. Ему удалось договориться об освобождении около 416 российских пленников и их передаче российским властям. Это был дипломатический прорыв, Шекспир, по существу, выполнил ту задачу, для решения которой Россия снаряжала целую военную экспедицию, и тем самым продемонстрировал эффективность британской «мягкой» дипломатии [64, p. 691–720].

Миссии Абботта и Шекспира в Хиву показательны с точки зрения организационной логики британских миссий. Оба агента действовали в условиях минимального официального прикрытия и без постоянной связи с Калькуттой, именно потому, что ситуация требовала оперативности, несовместимой с длинной бюрократической цепочкой согласований. Это демонстрирует принципиальную черту британской разведывательной системы: способность к децентрализованному оперативному действию, когда полевой агент принимал самостоятельные решения стратегического значения, лишь после докладывая о них в Калькутту [38, p.323].

Разведывательный анализ хивинского направления включал несколько измерений, принципиально важных для британской стратегии. Во-первых, оценку военного потенциала Хивы: донесения фиксировали, что российская армия «может войти в Хорезм за пять переходов», что создавало

принципиально иные условия для российского давления, чем для британского. Во-вторых, оценку хивинских намерений: готовность хана к переговорам Абботт связывал с реальным страхом перед российской военной мощью, а не с прорубританскими симпатиями. В-третьих, анализ уязвимостей российской экспансии: чиновники отмечали, что в случае прямого конфликта Россия уязвима на Балтике, в Черном море и на Тихом океане, то есть глобальное давление на Россию было теоретически возможным инструментом защиты британских позиций в Центральной Азии [233, p.141].

Кокандское направление

Кокандское ханство занимало в британской разведывательной системе значительно менее заметное место, чем Бухара и Хива в первой половине XIX века. Это объяснялось рядом факторов. Коканд был географически более удален от непосредственных зон британского присутствия, как Афганистан и Синд. Политические контакты с Кокандом развивались медленнее, а само ханство в 1820-1840-х годах находился в состоянии активной экспансии, поглощавшей его внутренние ресурсы и делавшей его менее приоритетным объектом британской дипломатии.

Тем не менее Коканд присутствовал в британском разведывательном горизонте как элемент более широкой региональной картины. Документы L/PS/5/131 и письма генерал-губернатора января 1840 года фиксируют его в качестве одного из пунктов в системе «кокандские интриги, персидское влияние, российское продвижение». В частности, упоминаются данные о взаимоотношениях Коканда с кандагарскими правителями и о роли Коканда как потенциального транзитного узла для российского агентурного проникновения в Афганистан [234, p. 149].

Основным инструментом британского разведывательного присутствия в Коканде являлись купеческие сети. Торговцы-лохани, упоминаемые в депешах Бернса (документ от 11 октября 1837 г.), осуществляли торговые операции на маршруте Кабул-Коканд-Бухара, попутно собирая и передавая политическую информацию. Рекомендательное письмо, выданное Бернсом Сурвар Хану Лохани, превращало его в де-факто информационного агента на этих маршрутах [235, p. 5-15].

Сведения о Коканде поступали в британскую систему также через афганских посредников, прежде всего через кандагарских сардаров, поддерживавших торговые и дипломатические контакты с Кокандом. Меморандум майора Д'Арси Тодда содержит аналитическое описание этих связей в контексте общей политической ситуации в регионе. Принципиально важно, что британская разведка на кокандском направлении работала преимущественно через посредников, а не через прямое дипломатическое присутствие, что делало ее более гибкой, но и менее точной в получаемых данных [229, p. 25-28].

Положение начало меняться к концу рассматриваемого периода, когда Коканд стал непосредственным военным соперником России на Сырдарье. К 1850-м годам взятие российскими войсками кокандской крепости Акмечеть

(1853) превратило отношения между Кокандом и Россией в один из центральных сюжетов британской разведывательной аналитики. Однако систематические прямые британские дипломатические миссии в Коканд в первой половине XIX века так и не были организованы, в отличие от Бухары и Хивы. Это само по себе является значимым историческим фактом, отражающим иерархию приоритетов британской разведки в регионе [46, P. 150–175].

Афганское направление как стратегический узел британской системы

При рассмотрении трех направлений британских миссий: бухарского, хивинского и кокандского необходимо учитывать, что все они пересекались в единой стратегической точке - Афганистане. Кабул являлся не просто объектом отдельной британской дипломатической инициативы (миссия Бернса 1837-1838 гг.), но структурным узлом всей британской разведывательной системы в Центральной Азии. Именно через Афганистан проходили маршруты агентов, направлявшихся в Бухару и Хиву, именно в Кабуле пересекались информационные потоки с трех направлений, именно здесь разворачивалось непосредственное противостояние с российским агентом Виткевичем зимой 1837-1838 годов [235, p. 52].

Миссия Бернса в Кабул (1837-1838) была организована именно как командный пункт для координации всей британской разведывательной деятельности в регионе. Из Кабула Бернс получал сведения о Герате (через мирзу племянника министра Шаха Камрана), о Персии (через депеши Макнила из Тегерана), о Кандагаре (через курьеров «чупперов» за четыре дня), об афганских торговых путях в Бухару и Коканд (через информаторов из клана Лохани). Все эти каналы сходились в одной точке, в переписке между Бернсом и Макнатеном и через нее поступали на стол генерал-губернатора в Симле [235, p.23].

Политическая ставка на восстановление Шаха Шуджи на афганском троне было решение, принятое британским командованием в 1838 году, которое является наглядным примером того, как разведывательные данные конвертировались в политическое действие. Меморандум майора Тодда и донесения Бернса о нарастающем влиянии России и Персии послужили аналитическим обоснованием для этого решения. Два предложенных маршрута для войск Шаха Шуджи через Пешавар или через Шикарпур обсуждались с учетом детальных разведывательных данных о каждом варианте: племенной обстановке, военной логистике, реакции местных элит. Тройственный договор между Ост-Индской компанией, Ранджит Сингхом и Шахом Шуджой являлся, таким образом, операцией влияния, спланированной на основе систематического разведывательного знания, накопленного через десятилетия миссий [229, p.101].

Кадровый состав: типология агентов британских миссий

Анализ конкретных биографий агентов, действовавших на трех направлениях, позволяет выявить несколько устойчивых кадровых типов,

составлявших основу британской разведывательной системы в Центральной Азии.

Офицер-ориенталист, наиболее распространенный и хорошо документированный тип. Его характеристики: офицер британской или бенгальской армии; знание одного или нескольких восточных языков (персидский, хиндустани, тюркский диалект); опыт полевой работы в Индии или на северо-западном фронтире; публикации о регионе, создававшие научную репутацию и обеспечивавшие легитимность назначения. Бернс, Конолли, Абботт, Шекспир, Лич все они принадлежат к этому типу. Форт-Уильям колледж в Калькутте (осн. 1800) являлся главным институтом их специализированной подготовки: именно здесь офицеры проходили углублённое изучение персидского, арабского и хиндустани в сочетании с курсом политической экономии Востока [42, P. 40–55.].

Разведчик-исследователь, тип представленный прежде всего Муркрофтом и Массоном. Его характеристики: отсутствие или утрата официального военного статуса; профессиональная специализация (ветеринария, медицина, археология), обеспечивавшая убедительное гражданское прикрытие; длительное пребывание в регионе (годы, а не месяцы); глубокое накопленное знание, становившееся незаменимым ресурсом для официальных агентов. Массон годами жил в Кабуле, накапливая знание о городе и его политической жизни; именно это знание Бернс оценил как бесценный ресурс в своей депеше от 9 октября 1837 года [235, p. 71].

Местный посредник, категория, без которой ни одна миссия не могла функционировать. Мирзы при дворах афганских правителей, купцы торговых кланов (Лохани), афганские аристократы с пробританскими симпатиями (Наваб Джаббар Хан при кабульском дворе) все они образовывали разветвленную сеть местных информаторов. Их ценность определялась органической встроенностью в местные социальные структуры: мирза при дворе имел доступ к переписке, недоступной ни одному иностранному дипломату; купец на торговых маршрутах передвигался по всему региону без привлечения подозрений; аристократ с доверенным положением у правителя мог влиять на политические решения изнутри [235, p.75-82].

Исключением из общей модели приобретенной ориенталистской компетентности является фигура Мир Иззатуллы, уроженца Дели, принадлежавшего к мусульманской ученой среде, который был направлен Муркрофтом в Центральную Азию в 1812-1813 годах и оставил самостоятельный отчет о путешествии, изданный в английском переводе в Калькутте в 1872 году. Уже в предисловии к отчету зафиксирован принципиальный факт: «Сайид Иззатулла предпринял это путешествие по приказу господина Уильяма Муркрофта». Эта формулировка, показывает реальную институциональную природу поездки как разведывательного задания под коммерческим прикрытием. Мир Иззатулла воплощал тот же тип органической двойной идентичности, что и российские посредники: будучи носителем местной культуры, языка и религии, он обеспечивал доступ к

информационным пространствам, принципиально недоступным европейскому агенту. Характерен эпизод в Хулуме: местный правитель Мир Кулидж Али Хан «в нескольких беседах, заслушав его рассказы о благодатном правлении англичан в Индии, неоднократно выражал желание вступить в дружественные отношения с английским правительством», свидетельство того, что именно через органического посредника передавался политический месседж, который ни один британский офицер не мог донести так убедительно. Показательно, что информационные задачи поездки распределялись между несколькими агентами: Мир Иззатулла был вынужден «поручить Хафизу Фазил Хану посетить Бухару», поскольку сам не смог добраться туда лично, что документирует разветвленную агентурную структуру, стоявшую за каждой британской миссией. Его фигура наглядно показывает, что британская система располагала гибридными посредниками с органической компетентностью, аналогами российских агентов с двойной идентичностью, хотя они систематически оставались в тени в публичных нарративах своих европейских патронов. Отчет Муркрофта был издан в 1841 году, отчет Мир Иззатуллы лишь в 1872 г., через почти шесть десятилетий после путешествия» [236].

Наиболее полно документированным примером органического посредничества на британской стороне является Мохан Лал Кашмири. Индийский агент, на которого Бернс в значительной мере опирался в ходе кабульской миссии 1837-1838 годов. Его «Travels in the Panjab, Afghanistan, Turkistan» (London, 1846) представляет собой самостоятельный разведывательный нарратив, взгляд изнутри на те же события, которые Бернс описывал в своих официальных депешах. Показательно сопоставление двух корпусов: официальные депеши Бернса фонда L/PS/5/129 фиксируют политические результаты переговоров, тогда как отчет Мохан Лала раскрывает их оперативную механику, т.е. конкретные контакты, аргументы, посреднические цепочки, через которые выстраивался доступ к афганской политической элите. Именно этот пласт знания, органического, встроенного в местные социальные сети оставался невидимым в официальных публичных нарративах. В отличие от Бернса, Мохан Лал пережил резню в Кабуле в январе 1842 года, отчасти благодаря тому, что его органическая принадлежность к местному культурному пространству обеспечивала ему степень защиты, недоступную европейскому агенту. Эта асимметрия судеб двух агентов одной миссии является документальным свидетельством структурного превосходства органической компетентности над приобретенной в условиях открытого кризиса. Подобно Мир Иззатулле в случае Муркрофта, Мохан Лал воплощал тот тип посредника, без которого британские миссии не могли функционировать на оперативном уровне, и чья роль систематически уходила на второй план в публичном нарративе, конструировавшем образ европейского агента как единственного субъекта разведывательной деятельности [237].

Военный специалист, тип ответственный за военно-стратегическое измерение знания. Лейтенант Лич (Bombay Engineers) с его отчетом о

Хайберском проходе является образцовым представителем. Его функция систематическая военно-топографическая съемка, реестр племен, анализ фортификаций, расчет системы пошлин производила знание принципиально иного типа, чем дипломатическая или агентурная деятельность. Это знание было непосредственно применимо для военного планирования: британское командование планировало по отчету Лича конкретные суммы субсидий для лояльности племен в случае интервенции, что и было реализовано в ходе Первой англо-афганской войны [235, p. 95].

Система инструктирования: цели и предписанные типы знания

Система инструктирования британских миссий в Центральную Азию охватывала несколько типов предписанного знания, различавшихся по приоритетности и методам сбора. Анализ архивных материалов позволяет выделить пять ключевых типов.

Геополитические данные о расстановке сил в регионе составляли приоритетный тип знания. Мониторинг персидского и российского влияния пронизывал все другие типы. Уже в первой депеше из Бутхака от 18 сентября 1837 года Бернс анализирует вассальное подчинение Шаха Камрана Персии как угрозу превращения Герата в «форпост» враждебных держав на подступах к Индии. Ответные письма Макнатена (13 ноября 1837 г.) показывают, как Калькутта верифицировала эти данные через параллельный источник, донесения британской миссии в Тегеране, что обеспечивало перекрестную проверку разведывательной информации.

Военно-топографические данные о театрах возможных военных действий. Отчет лейтенанта Лича о Хайберском проходе (7 октября 1837 г.) образцовый документ: тактическое описание форта Али-Масджид, реестр племен (около 40 000 домов афридиев), система пошлин, оценка мобилизационного потенциала. Примечательно, что уже в 1837 году британская разведка располагала детальным военно-стратегическим знанием о Хайберском проходе, за два года до начала Первой англо-афганской войны [235, p. 111].

Политические данные о расстановке сил внутри принимающих государств. Документы L/PS/5/131 содержат «политические портреты» ключевых представителей афганской знати с оценкой их военного потенциала и политических симпатий. Особую аналитическую ценность представляло описание Бернсом «кызылбашской партии» в Кабуле (депеша от 14 октября 1837 г.): три подразделения, около 4 000 семей, 5 000 воинов, контроль над перепиской афганской аристократии через должности секретарей-мирз. «Партия мулл» анализировалась отдельно как фактор влияния на неграмотное население: духовенство имело рычаги давления на правителей через угрозу прекращения призыва к молитве [233, p. 123].

Экономические данные о торговых маршрутах и конкурентных позициях держав. Этот тип знания имел особое значение для Ост-Индской компании как торгово-политической организации. Данные о торговле индиго, о торговых путях племени лохани, о российском «особом внимании» к

афганским купцам на ярмарках, о роли бухарских купцов в торговле между Кашмиром и Россией (отчет Муркрофта, 1823) все это систематически собиралось и анализировалось [238, p. 3-15]. Экономическая разведка служила двум целям: пониманию коммерческих интересов местных акторов и выявлению возможностей экономического влияния на их политические решения.

Контрразведывательные данные о деятельности конкурирующих держав. Мониторинг российского посланника в Тегеране, отслеживание маршрута «русского путешественника» из Варшавы через Бухару в Балх (дневник доктора Лорда, апрель 1838 г.), документирование деятельности Виткевича при кабульском дворе, все это составляло отдельный приоритетный раздел задания. Генерал-губернатор выдавал специальное разрешение на «любые разумные суммы» для финансирования информаторов именно в этом направлении [233, p. 123-125].

Двойная циркуляция знания

Принципиальной системной чертой британской разведывательной деятельности в Центральной Азии была двойная циркуляция производимого знания: параллельное существование секретного потока (для внутреннего административного использования) и публичного нарратива (для формирования общественного мнения и легитимации имперской политики). Эта двойная циркуляция реализовывалась через несколько механизмов.

Первый механизм-систематическая цензура перед возможной публикацией. Пометки «omitted» на полях документов свидетельствуют о том, что часть разведывательных данных изымалась при подготовке материалов к публикации в «Синих книгах» парламента (Blue Books). Изымались прежде всего: детали методов психологического давления на афганских правителей, конкретные имена информаторов и агентов, технические детали военно-топографической разведки.

Второй механизм-трансформация секретных депеш в литературные мемуары. Книги «Путешествия в Бухару» (1834) и «Cabool» (1842) Бернса написаны на основе его служебных донесений, но систематически переработаны: образ «одинокого странника» и исследователя замещает образ разведывательного агента. В «Cabool» Бернс официально придерживается легенды о «коммерческой миссии», тогда как его депеши имеют гриф «Secret Department». Анализ параллельного чтения этих двух корпусов текстов позволяет реконструировать полный масштаб разведывательной деятельности, сознательно скрытой в публикациях [60, p. 126-131].

Третий механизм -использование научных публикаций как формы легитимации политического присутствия. Отчет Муркрофта о торговле Кашмира (1823), адресованный Совету директоров, одновременно является научным документом (экономическое описание региона) и политическим обоснованием (необходимость британского коммерческого присутствия). Научная легитимность «экономического исследования» создавала рамку, в

которой разведывательное содержание отчета не воспринималось как таковое ни современниками, ни отдаленными читателями.

На основании проведенного анализа можно выделить несколько устойчивых характеристик системы британских миссий в Центральную Азию, принципиальных для последующего сравнительного рассмотрения. Три направления бухарское, хивинское, кокандское были неодинаково развиты и неодинаково значимы в британской разведывательной системе. Бухарское направление получило наибольшее развитие от Муркрофта (1824-1825) до трагедии Стоддарта и Конолли (1842). Хивинское направление активизировалось в прямой реакции на российскую угрозу (миссии Абботта и Шекспира, 1840). Кокандское направление оставалось в значительной мере опосредованным через купеческие сети и афганских посредников. Афганистан выступал стратегическим узлом, через который координировались все три направления.

На каждом из трех направлений Британских миссии реализовывали несколько типов одновременно: официальные дипломатические контакты сочетались с тайными агентурными поездками, военно-стратегической разведкой и экономическим мониторингом. Это функциональное совмещение типов в рамках одной миссии является структурной чертой британской системы, отличавшей ее от более формализованной российской практики.

Четыре выявленных кадровых типа офицер-ориенталист, разведчик-исследователь, местный посредник, военный специалист выполняли взаимодополняющие функции в единой информационной системе. Важным

Важным является не просто наличие каждого типа, но их институциональное взаимодействие: официальный агент опирался на накопленное знание неофициального исследователя, военный картограф обеспечивал данные, конвертируемые в операционные планы командования.

Успех или провал конкретной миссии определялся не только профессиональными качествами агента, но прежде всего общей стратегической позицией державы в регионе. Трагедия Стоддарта и Конолли наглядно показала, блестящий дипломатический профессионализм не мог компенсировать военные провалы в Афганистане, подрывавшие британский авторитет в глазах центральноазиатских правителей. Миссии были не самодостаточными предприятиями, но элементами более широкой стратегической системы, успех которой определялся на уровне, выходящем за пределы компетентности отдельных агентов.

Систематическое производство параллельных секретного и публичного потоков знания являлось структурной чертой британской системы. Эта двойная циркуляция обеспечивала одновременно оперативную эффективность и политическую легитимность. Детальный анализ информационных практик, обеспечивавших эту систему, составляет предмет следующего параграфа настоящей главы.

3.2. Информационные практики: сбор данных и взаимодействие с локальными посредниками

Практическая деятельность британских миссий в регионе строилась вокруг систематического сбора, проверки и обработки информации. Через наблюдение, контакты с местными посредниками, торговые и дипломатические каналы формировался поток сведений о политической обстановке, хозяйстве и настроениях населения. Эти данные не просто фиксировались, но сопоставлялись и интерпретировались, превращаясь в знание, на основе которого принимались управленческие и внешнеполитические решения. Это измерение деятельности британских миссий является наименее изученным в историографии: традиционный акцент на политических результатах договорах, союзах, военных кампаниях заслонял собой изучение информационных практик как самостоятельного объекта анализа.

Если предыдущая подглава была посвящена организационной архитектуре британских миссий по трем основным направлениям: бухарскому, хивинскому и кокандскому, то настоящий параграф обращается к конкретным информационным практикам этих миссий. Центральным документальным материалом для анализа служит миссия Бернса в Кабул (1837-1838), именно она представлена в архивных фондах с наибольшей детальностью и охватывает все направления одновременно, Кабул в этот период являлся координационным узлом, через который замыкались информационные потоки из Бухары, Хивы и с персидского фронта. Это делает ее системным случаем, репрезентативным для понимания британских информационных практик в регионе в целом.

Теоретическую рамку анализа составляет концепция «информационной империи» К. А. Бейли: контроль над информационными потоками являлся ключевым ресурсом имперской власти, а «знающие люди» местные посредники были незаменимыми узлами этой системы, одновременно обслуживая имперские интересы и преследуя собственные цели. В документах эта концептуальная схема получает конкретное документальное подтверждение: каждый информатор Бернса от мирзы при хератском дворе до купца Сурвар Хана Лохани был одновременно поставщиком ценной информации и субъектом собственных интересов и стратегий [42, p. 3–28] [235, p. 56].

Агентурные сети Бернса в Кабуле: типология и иерархия информаторов

Реконструкция агентурной сети Бернса в Кабуле осенью 1837 года позволяет выявить несколько уровней информаторов, различавшихся по положению в местной иерархии, характеру поставляемых сведений и степени осознанности своего участия в британской разведывательной деятельности.

Информаторы высшего уровня: мирзы при дворах. Наиболее ценными информаторами являлись «мирзы» секретари и писари, занимавшие должности при дворах местных правителей. В депеше от 18 сентября 1837 года Бернс сообщает, что сведения о переговорах Шаха Камрана с персидским

шахом поступили «от секретаря племянника министра» хератского правителя [235, p. 45]. Этот конкретный факт имеет принципиальное аналитическое значение. Источник не сам министр и не родственник правителя, но секретарь племянника министра человек, занимающий достаточно высокое положение для доступа к чувствительной дипломатической информации, но при этом достаточно удаленный от центра власти, чтобы риск его разоблачения не создавал немедленной политической катастрофы.

В депеше от 14 октября 1837 года Бернс дает развернутый анализ «кызылбашской (персидской) партии» как структурного разведывательного ресурса. Кызылбаши шиитская персоязычная этноконфессиональная группа в преимущественно суннитском Афганистане занимали должности секретарей (mirzas) и управляющих (nazirs) «практически у каждого знатного афганца», держа в своих руках всю внутреннюю и внешнюю переписку [235, p. 89]. Три основных подразделения кызылбашей (Juansheer, Afshars, Morad Khanees) насчитывали около 4 000 семей, способных выставить до 5 000 воинов. Принципиально важен аналитический вывод Бернса: уязвимость кызылбашей как религиозного меньшинства в суннитском окружении делала их «естественными проводниками» персидского (и косвенно российского) влияния, они искали внешнего покровителя. Именно это структурное противоречие Бернс расценивал как инструмент, которым можно воспользоваться: предложить кызылбашам британское покровительство взамен персидского и тем самым переориентировать весь информационный поток их секретарской деятельности.

Посредники среднего уровня: пробританские аристократы. Наваб Джаббар Хан, брат амира Дост Мухаммед-хана, выступал в качестве пробританского посредника внутри кабульской элиты. Его роль в агентурной сети Бернса принципиально отличалась от роли мирз: Джаббар Хан поставлял не документальные сведения, но аналитические оценки, информацию о «настроениях» (tone and temper) правителя, о его реальных намерениях и пределах гибкости в переговорах [235, 95-98]. Именно через Джаббар Хана Бернс получал сведения о закрытых совещаниях при дворе, недоступных для официального дипломата. Эта категория информаторов аристократы с доверенным положением, преследующие собственные политические интересы в рамках пробританской ориентации, являлась наиболее ценной и наиболее трудно управляемой. Их лояльность определялась не финансовым вознаграждением, но балансом политических выгод, который мог меняться.

За пределами Кабула ключевым информационным узлом служил Кандагар, откуда Бернс получал сведения через систему курьеров-«чупперов», преодолевавших расстояние между двумя городами за четыре дня. Документ «Secret Intelligence from Cabool» (октябрь 1837 г.) описывает механизм «дистанционного управления»: получив от Бернса «дружественное письмо с советом», амир лично продиктовал три письма кандагарским братьям-сардарам с требованием прекратить интриги с Тегераном [235, 101-106]. Этот механизм, использование афганского правителя как транзитного

ретранслятора британских политических инструкций его собственным вассалам является образцовым примером того, что в документах описывается как «дистанционное управление»: Бернс управлял кандагарской ситуацией, не имея там непосредственного присутствия, через манипулирование информационными и политическими отношениями внутри самой афганской элиты.

Содержание этих писем амира к братьям, сохранившееся в переводах, раскрывает еще одно измерение информационных практик: психологическую работу по внедрению британских тезисов в риторику местных правителей. Амир транслировал кандагарским братьям формулировки, прямо воспроизводящие логику Бернса: «мощь сикхов ничто в сравнении с мощью англичан»; британцы «знамениты своим умением держать слово», союз с Персией принесет лишь «раскаяние». Эффективность психологической работы Бернса измеряется тем фактом, что афганский правитель стал транслятором британской пропаганды, воспринимая ее как собственные убеждения [235, p. 25].

Бухарское направление. Муркрофт прибыл в Бухару в 1824 году после пятилетнего путешествия через Кашмир, Ладакх и Афганистан и именно эта длительность маршрута определила характер его информационных практик. В отличие от официальных миссий, отводивших агенту недели на сбор данных, Муркрофт накапливал знание годами, через органическое погружение в местные рынки, мечети и торговые сети. Его рукописные записи фиксируют методологию, принципиально отличную от дипломатической: не протоколы переговоров с правителями, но систематические наблюдения за движением товаров, ценами на рабов, составом купеческих каравана, маршрутами из Бухары в Россию через Оренбург и в Индию через Кабул. Именно эти данные о торговых сетях как разведывательной инфраструктуре стали фундаментом, на который опирались все последующие британские агенты на бухарском направлении. Алдер в биографии Муркрофта показал, что он воспринимал российскую угрозу Индии как реальную уже в начале 1820-х годов и целенаправленно собирал данные о российском коммерческом и политическом проникновении в Бухару, задолго до того, как эта угроза стала официальным приоритетом британской разведки. Его гибель в Андхое (август 1825 г.) прервала накопление знания, но не уничтожила его. Материалы Муркрофта продолжали использоваться разведкой еще 15 лет документы L/PS/5/131 (1838 г.) содержат несколько запросов о розыске его бумаг, рассеянных по Центральной Азии [231, 23-26], [234, p. 92].

Поездка Бернса в Бухару (1831-1833) является образцовым примером разведывательных практик второго типа накопления знания через интенсивное, но кратковременное присутствие под коммерческим прикрытием. Двигаясь под видом индийского купца, он выработал устойчивую технику работы: установление доверительных контактов с местными торговцами и чиновниками в каждом городе маршрута; ночная работа с записями (он специально отмечал, что никогда не писал днем или в публичных местах);

систематический опрос о ценах, маршрутах, политической ситуации под видом коммерческих расспросов; особое внимание к «русским следам» признакам российского коммерческого и дипломатического присутствия. В Бухаре его главными информаторами стали местные купцы, знавшие оба торговых мира индийский и российский, и именно через их показания он реконструировал структуру торговых сетей, связывавших Бухару с Оренбургом. Опубликованные «Путешествия в Бухару» (1834) систематически скрывали разведывательное содержание этой работы, представляя Бернса как независимого ученого-путешественника. Но сравнение нарративных источников с последующими депешами кабульской миссии показывает преемственность методологии: техника разведывательной беседы под дипломатическим прикрытием, отработанная в Бухаре, была применена в Кабуле в 1837 году в значительно более сложных политических условиях [59, p.69-70] [240, с. 188].

Бухарское направление представляет также модель провала как источника системного знания. Миссия полковника Чарльза Стоддарта (1838-1842) обнаружила структурное ограничение британской разведывательной системы, которое не было видно в условиях относительного успеха кабульской миссии: отсутствие верительных грамот от монарха делало агента уязвимым перед протокольными требованиями принимающей стороны, тогда как российские агенты - Демезон, Виткевич действовали без официального статуса намеренно, превращая его отсутствие в преимущество [239, с.188]. Стоддарт не имел ни официального статуса, ни агентурной сети, сопоставимой с сетью Бёрнса в Кабуле: у него не было своего «Массона» постоянного неофициального резидента с накопленным знанием о бухарском дворе. Его заключение в «яму» (сияхчал) и последующая казнь (1842) вместе с Конолли документируют системную уязвимость, возникающую тогда, когда официальный агент оказывается без информационной инфраструктуры и без стратегического тыла в условиях, когда военные провалы в Афганистане одновременно подрывали британский авторитет в глазах центральноазиатских правителей [40, P. 232].

Хивинское направление демонстрирует принципиально отличную информационную практику, посредничество как замену агентурной разведки. Капитан Абботт, прибывший в Хиву в начале 1840 года, не располагал ни установленной агентурной сетью, ни предшествующим длительным присутствием неофициальных резидентов. Его информационная стратегия строилась на иных основаниях: прямые переговоры с ханом Аллакули как единственным источником достоверных данных о политической позиции ханства, использование хивинских чиновников как непосредственных информаторов о российской угрозе. Из писем генерал-губернатора Секретному комитету (январь 1840 г.) следует, что разведывательные данные о российской экспедиции поступали в Калькутту прежде всего через бухарских купцов-мобильных информаторов, переносивших сведения с одного театра на другой. Принципиально важно наблюдение самого Абботта: «Туркестан - не

самое удобное поле для битвы с Россией, так как англо-индийская армия будет находиться в десяти месяцах марша от своих баз». Это признание стратегической недосягаемости определяло и характер информационных практик: вместо глубокой агентурной инфраструктуры-дипломатическое посредничество, вместо постоянного мониторинга оперативная реакция на кризис [234, p. 45-49].

Кокандское направление представляет наиболее характерный пример информационных практик косвенного присутствия. Британская разведка не имела ни одного агента, непосредственно действовавшего в Коканде в рассматриваемый период, все сведения о ханстве поступали через посредников третьего уровня: афганских купцов, торговавших на маршруте Кабул–Коканд–Бухара, и афганских аристократов, поддерживавших дипломатические связи с кокандским двором. Конолли в 1840-1841 годах посетил Коканд в рамках своей масштабной центральноазиатской поездки, однако не получил ни договора, ни надежных информационных контактов, хан был дружелюбен, но осторожен. Меморандум Тодда упоминает Коканд лишь в контексте его связей с кандагарскими сардарами. Это структурное ограничение информационного охвата кокандского направления является само по себе аналитически значимым: британская система имела принципиальные географические пределы проникновения, за которыми прямые агентурные практики уступали место слухам и пересказу купеческих сообщений [234, p. 52].

Купцы-посредники как постоянная разведывательная инфраструктура

Торговые сети, связывавшие Кабул и другие центральноазиатские города с Индией, являлись постоянно действующим разведывательным каналом, функционировавшим независимо от периодических официальных миссий. Их стратегическое значение определялось несколькими факторами: географическим охватом (купцы регулярно посещали Бухару, Хиву, Коканд и другие ханства), органичностью их присутствия (торговец на рынке не вызывает подозрений в сборе информации), и мобильностью (в отличие от постоянных агентов, купцы перемещались по всему региону, обеспечивая непрерывный поток оперативных данных).

Ключевым эпизодом, раскрывающим механизм включения купцов в британскую агентурную сеть, является выдача рекомендательного письма Сурвар Хану Лохани, зафиксированная в депеше Бернса от 11 октября 1837 года [235, p. 87]. Лохани крупный торговый клан, контролировавший часть афганских торговых маршрутов из Кабула в Индию, представлял идеальный тип мобильного информатора. Рекомендательное письмо от британского политического агента выполняло двойную функцию: во-первых, оно обеспечивало Сурвар Хану коммерческие преимущества, облегченный доступ к британским торговым сетям в Индии. Во-вторых, оно создавало обязательство взаимности, превращая коммерческую услугу в политическую.

Принципиальным контекстом этого документа является прямое соперничество с российской политикой. Бернс специально сообщает, что российские власти оказывают «особое внимание» афганским купцам на своих

ярмарках, вероятно, Нижегородской, формируя пророссийскую прослойку среди торговых элит. Британский ответ строился на принципе «встречного интереса», предложить тем же купцам более выгодный коммерческий партнер и тем самым переориентировать их информационную лояльность. Этот конкурентный механизм, борьба двух держав за купеческие сети как разведывательную инфраструктуру представляет собой один из наиболее показательных примеров того, как коммерческая и разведывательная деятельность были структурно неразличимы в центральноазиатском контексте первой половины XIX века [235, p.65].

Отчет Муркрофта о торговле Кашмира (1823) раскрывает более ранний хронологический срез тех же практик. Бухарские купцы в документе именуемые «подданными Бухары» (subjects of Bokbuk) являлись основным транзитным каналом, через который кашмирские шали поступали на российские рынки [238, p.17]. Муркрофт описывал их роль в деталях: они ежегодно посещали Кашмир для закупок, взаимодействовали с местными «мокимами» (комиссионными брокерами) и «вафурошами» (денежными брокерами), обеспечивали поставки специфических видов продукции (шали «Mukhundar» и «Jamewar» для российского рынка), а также выступали посредниками в поставках товаров в Туркестан и Китайский Туркестан.

Для британской разведывательной системы бухарские купцы представляли интерес прежде всего как постоянные наблюдатели за развитием торгово-политической ситуации по всему маршруту от Кашмира через Бухару до России. Их ежегодные визиты создавали непрерывный мониторинг изменений в политической конъюнктуре, гораздо более актуальный, чем периодические официальные миссии. Принципиально важно наблюдение Муркрофта о влиянии политической нестабильности на торговлю: постоянные войны между сикхами и афганцами ограничивали поток купцов, что, в свою очередь, нарушало британский разведывательный мониторинг региона. Таким образом, политическая стабилизация Центральной Азии была в интересах британской разведки не только по стратегическим, но и по сугубо практическим информационным соображениям.

Документы архива Индийского офиса упоминают Гулама Хана как конкретного местного посредника, через которого поступала информация от британских агентов, мессеров Лорда и Вуда в Калькутту. Этот эпизод показателен, Гулам Хан функционировал не как первичный источник информации, но как ее транзитный ретранслятор между полевыми агентами и центральным аналитическим органом [235, p.66]. Наличие такого промежуточного звена, как транзитного посредника между агентом и системой создавало дополнительный уровень конспиративности, но и дополнительный риск искажения информации при передаче. Этот структурный риск «искажения в транзите» был хорошо известен британским аналитикам. Именно поэтому система перекрестной верификации через несколько независимых источников являлась обязательным элементом работы.

Информационные практики британских миссий не ограничивались пассивным сбором данных. Документы фиксируют разнообразные методы активного информационного воздействия на местных правителей и элиты, методы, которые в современной терминологии могут быть охарактеризованы как психологические операции. Анализ этих методов раскрывает принципиально важное измерение деятельности британских агентов: они не только собирали знание о регионе, но и активно формировали это знание, создавали у местных акторов определенные представления о силе держав, неизбежности событий и выгодности той или иной политической ориентации.

В ходе беседы с амиром Дост Мухаммед-ханом 4 октября 1837 года Бернс применил оригинальный прием экономической пропаганды. Для дискредитации идеи союза Кабула с Персией он использовал сравнительный анализ государственных доходов Персии и Британии, основанный на трудах исследователя Джеймса Бейли Фрейзера о персидских финансах [235, p.52]. Цель аргумента была проста, продемонстрировать «ничтожность» персидских субсидий в сравнении с потенциальными ресурсами Британии. Метод показателен своей «научной» упаковкой- Бернс не просто утверждал, что Персия слаба, он ссылался на опубликованное академическое исследование, придавая своей пропаганде видимость объективного экономического анализа. Кабинетные научные труды превращались в руках полевого агента в инструмент психологического давления.

В документах «Secret Intelligence from Cabool» (октябрь 1837 г.) Бернс фиксирует еще более изощренный прием. В беседах с афганскими правителями он использовал «индийскую аналогию» описание того, как Россия постепенно устанавливает контроль над государствами так же, как британцы установили контроль над Индией [235, p.87]. Этот прием работал на двух уровнях одновременно. Явный уровень, предупреждение об опасности российской экспансии, побуждение афганских правителей дистанцироваться от России. Скрытый, имплицитное напоминание о том, что аналогичная судьба ожидает тех, кто противостоит Британии. Таким образом, «индийская аналогия» была одновременно и угрозой со стороны России, и косвенной угрозой со стороны самой Британии, инструментом двустороннего психологического давления.

Эффективность этого метода подтверждается уже упоминавшимися переводами писем амира кандагарским братьям. Дост Мухаммед транслировал «индийскую аналогию» как собственное понимание ситуации. «Россия готовится испытать свою удачу в этих странах так же, как британцы испытали ее в Индии» эта формулировка из писем амира является дословным воспроизведением логики, внедренной Бернсом в его сознание. Успешная психологическая операция измеряется именно этим, агент не убеждал правителя, правитель сам пришел к «нужным» выводам [235, p.94].

Прибытие миссии в Кабул 20 сентября 1837 года описывается Бернсом как событие, открывшее прямой доступ к информации через дипломатический церемониал. Встреча с сардаром Магомедом Акбар Ханом и последующий

прием у амира Дост Мухаммед-хана в цитадели Бала-Хиссар давали Бернсу возможность не только вести официальные переговоры, но и наблюдать за поведением, реакциями и оговорками правителя в условиях публичной церемонии [235, p.96]. Бернс специально отмечал в депешах «тон и темперамент» амира как аналитический показатель. Изменение «тона» в сторону умеренности он расценивал как успех британского давления, нарастание «высокомерия» как признак усиления российского влияния через Виткевича.

Многочасовые ночные беседы в Бала-Хиссаре являлись основным методом сбора политической информации. Детальный отчет от 5 октября 1837 года представляет собой запись интервью с амиром о торговле на Инде и об отношениях с сикхами, образцовый документ разведывательной беседы под дипломатическим прикрытием. Технически интервью строилось следующим образом: официальный предмет беседы, как торговые интересы, перспективы экономического сотрудничества служили рамкой, в которой амир постепенно раскрывал свою реальную политическую позицию, условия возможного соглашения с Ранджит Сингхом, степень готовности к разрыву с Россией, оценку военных перспектив. Бернс фиксировал не только декларируемые позиции, но и «тон», жесты и оговорки, все, что выходило за рамки официального содержания беседы.

Контрразведывательная деятельность и мониторинг агентов конкурирующей державы являлась неотъемлемой составляющей информационных практик британских миссий. В документах она представлена несколькими взаимосвязанными сюжетами.

На протяжении всей кабульской миссии Бёрнс систематически отслеживал деятельность российского посланника в Тегеране, осуществлявшего продвижение российских интересов в Центральной Азии через персидских посредников. Депеши Бернса фиксируют, что именно российская дипломатия через Тегеран «стимулировала сближение Кабула и Персии», обещая финансовую и военную помощь кабульскому амиру против сикхов. Бернс отслеживал конкретные механизмы этого влияния: какие именно обещания давались, через каких посредников они передавались, насколько реальными были их перспективы исполнения. Этот мониторинг позволял британскому агенту не только понимать российскую политику, но и целенаправленно дискредитировать ее, как «лживые обещания» (promises which were deceitful) с небольшими ресурсами, которые можно проверить опубликованными данными Фрейзера.

Дело Виткевича: «зеркальное» противостояние. Появление российского офицера Виткевича при кабульском дворе в декабре 1837 года кардинально изменило оперативную обстановку. Из депеш Бернса реконструируется следующая картина: после прибытия Виткевича амир Дост Мухаммед стал ежедневно вызывать его ко двору, переговоры приобрели иной характер, а «тон и темперамент» правителя, по наблюдению Бернса, изменился в сторону «высокомерия» [233, p. 45-49].

Виткевич доставил амиру официальные письма предположительно от российского правительства или от персидского шаха с обещаниями поддержки в вопросе Пешавара. Эффект был немедленным: амир начал выдвигать «необоснованные требования» по пешаварскому вопросу, отказываясь от прежней умеренности. Британская разведка зафиксировала конкретные последствия. Виткевич покинул Кабул в сопровождении афганского офицера для переговоров с кандагарскими сардарами о заключении договора с персидским шахом, операция, зеркально повторявшая усилия Бернса по установлению пробританских отношений с теми же сардарами .

Противостояние Бернса и Виткевича в Кабуле является одним из наиболее документированных эпизодов непосредственного столкновения двух разведывательных систем в точке. Британский агент с официальным дипломатическим статусом и официальной «коммерческой миссией» и российский офицер без официально признанного статуса, действовавший через письма и ночные аудиенции. Оба одновременно добивались расположения одного правителя, оба применяли методы экономической пропаганды и психологического давления, оба опирались на местных посредников. Генерал-губернатор Индии, понимая невозможность одновременного сосуществования двух конкурирующих миссий при одном дворе, в конечном итоге выдвинул амиру ультиматум: высылка Виткевича как обязательное условие британской поддержки. Отказ амира выполнить это условие привел к возвращению Бернса в Индию и к катастрофе Первой англо-афганской войны.

Параллельно с мониторингом Виткевича британская разведка отслеживала передвижения другого предполагаемого российского агента. Дневник доктора Лорда (апрель 1838 г., данные которого Бернс передал Макнатену в мае 1838 г.) содержит детальное описание человека, выдававшего себя за еврея, но «признавшего, что прибыл из России» [233, p. 56-61]. Маршрут путешественника: Варшава → Вена → Каир → Тифлис → Дагестан → Мешхед → Бухара → Самарканд → Коканд → Балх → Кабул охватывал практически все ключевые узлы центральноазиатских разведывательных сетей обеих держав. Британские официальные лица тщательно зафиксировали этот маршрут, интерпретируя путешественника как российского агента, собиравшего информацию по всему пространству от Польши до Афганистана.

Сам факт такого тщательного мониторинга британские агенты отслеживали не только официальных российских посланников, но и любых подозрительных путешественников с российскими связями показывает, насколько глубоко концепция «всеобъемлющей российской угрозы» определяла информационные практики британской разведки. Каждый человек, двигавшийся по центральноазиатским маршрутам из России или с российскими связями, автоматически становился объектом наблюдения и анализа, независимо от того, был ли он реальным агентом или просто путешественником.

Документы фиксируют «вскрытые печати» на пакетах Бернса свидетельство того, что его корреспонденция подвергалась перехвату со стороны, предположительно, афганских или персидских властей. Бернс сообщал также о прекращении связи между Кабулом и Гератом из-за подозрений в шпионаже и последующих арестов, еще одно проявление контрразведывательной активности самих афганских акторов. Этот эпизод важен как документальное свидетельство того, что информационные практики были многосторонними: британские агенты перехватывали информацию, против британских агентов тоже вели контрразведывательную работу и делали это афганские, а не только российские контрагенты.

Принципиально важным аналитическим измерением информационных практик британских миссий является агентность принимающей стороны: афганских правителей, сикхских военачальников, бухарских купцов. Историография концепта «Большой игры» традиционно описывала эту сторону как пассивный объект британских и российских манипуляций. Документальный анализ показывает картину принципиально иную - местные акторы систематически использовали присутствие конкурирующих держав в собственных интересах.

Дост Мухаммед-хан: стратегия использования имперского соперничества. Детальный отчет от 5 октября 1837 года показывает Дост Мухаммед-хана не как пассивного объекта британских и российских манипуляций, но как активного дипломатического субъекта, ведущего сложную игру на несколько фронтов. Амир одновременно принимал официальную британскую миссию, вел переговоры с российским агентом Виткевичем, торговался с Ранджит Сингхом по вопросу Пешавара и зондировал персидские намерения через хератский двор.

В переговорах с Бернсом амир последовательно и методично использовал присутствие британской миссии как рычаг в борьбе за свой главный политический приоритет, как возвращение Пешавара. Его готовность к компромиссу («признание верховенства Ранджит Сингха над Пешаваром при условии передачи управления городом его брату Султану Магомед Хану»), зафиксированная Бернсом как «признак умеренности», была не проявлением слабости, но хорошо просчитанным политическим маневром. Демонстрация гибкости должна была побудить британцев оказать давление на сикхов в пешаварском вопросе. Бернс расценивал эту «умеренность» как успех британского психологического давления, в действительности это был успех афганской дипломатии, умело использовавшей британское посредничество.

Ранджит Сингх: демонстрация знания. Переговоры Макнатена с Ранджит Сингхом в Лахоре (1838) раскрывают еще один аспект агентности принимающей стороны. Документы фиксируют практику «интеллектуальных дуэлей». Ранджит Сингх испытывал британских дипломатов, расспрашивая об их знании арабского языка и санскрита, заставляя читать двустишия на этих языках, проявляя живой интерес к устройству шрапнельных снарядов [238, p. 13-25].

Эта практика имела конкретный политический смысл. Продемонстрировав свое знание арабского или санскрита, Ранджит Сингх устанавливал символическое равенство с британскими «ориенталистами»- вы знаете наши языки и культуры - мы тоже знаем нечто существенное о мире. Интерес к военным технологиям (шрапнельные снаряды) был проявлением другой стратегии. При каждой встрече сикхский правитель методично расширял свое знание о британских военных возможностях, используя дипломатические контакты как канал военно-технической разведки. Британские дипломаты оказывались в роли информаторов собственного принимающего субъекта, ситуация, зеркально обратная той, в которой они действовали сами.

Афганские торговцы: использование британского покровительства. Рекомендательное письмо Бернса Сурвар Хану Лохани, документ, в котором британский агент воспринимал себя как «инкорпорирующего» купца в свою агентурную сеть, может быть прочитан с противоположной стороны как эпизод, в котором купеческий клан успешно использовал британское покровительство для укрепления своей коммерческой позиции. Сурвар Хан получал от письма реальную коммерческую ценность, облегченный доступ к британским торговым сетям, ничего не «оплачивая» в ответ, кроме общих обещаний содействия. Он оставался самостоятельным коммерческим субъектом, временно пересекавшимся в своих интересах с британской разведывательной системой, а не ее штатным агентом. Это различие принципиально: «знающий человек» не тождественен «агенту» его лояльность ситуативна и обратима.

Путь разведывательной информации от полевого агента до стратегического решения генерал-губернатора включал несколько этапов обработки, на каждом из которых информация трансформировалась. Первичные полевые наблюдения превращались в аналитические суждения, аналитические суждения в политические рекомендации, политические рекомендации в административные решения.

Стандартным форматом систематизации разведывательных данных в британской системе являлись «Administrative Summaries» (административные сводки), несколько экземпляров которых содержится в фонде L/PS/5/129. Сводка № 29 систематизирует взгляды Дост Мухаммед-хана на сикхов и персов, именно в том виде, который делает их пригодными для принятия политического решения, не как протокол беседы, но как аналитический портрет позиции правителя [233, p.14-23]. Сводка № 42 содержит «наблюдения о важности привлечения вождей Лохани», переработку оперативной информации Бернса в политическую рекомендацию для генерал-губернатора. Этот жанр административной сводки является британским аналогом «записок о слухах и событиях» Осмоловского: оба преобразовывали первичные полевые данные в формат, пригодный для административного использования.

Механизм верификации. Письмо Макнатена Бернсу от 13 ноября 1837 года фиксирует ключевой элемент административной обработки информации,

механизм перекрестной верификации. Правительство в Калькутте скорректировало данные Бернса о деталях переговоров Герата с Персией, опираясь на параллельный источник, донесения британской миссии в Тегеране под руководством Макнила [233, p. 56]. Это документально подтвержденный случай перекрестного анализа: одна и та же ситуация описывается двумя независимыми полевыми агентами, находящимися в разных точках пространства, и их данные сопоставляются на уровне центрального аналитического органа. Аналогичный механизм существовал в российской системе: Осмоловский систематически перепроверял данные от нескольких лазутчиков, направлявшихся в один и тот же регион разными маршрутами.

Двойная циркуляция. Параллельное существование секретного и публичного потоков знания является структурной чертой информационной системы британских миссий. Пометки «omitted» на полях документов фиксируют механизм создания «публичной» версии секретного материала: из депеш изымаются детали разведывательных методов, имена агентов, содержание психологических операций.

Сравнение «Cabool» Бернса (1842) с соответствующими депешами фонда L/PS/5/129 позволяет реконструировать полный масштаб этой трансформации. Книга придерживается официальной легенды о «коммерческой миссии», в ней отсутствуют: детальный анализ кызылбашской партии как агентурного ресурса, описание «дистанционного управления» кандагарской ситуацией через письма амира, методология экономической пропаганды с аргументом Фрейзера, имена конкретных информаторов. Всё это содержится в секретных депешах и все это было системно изъято при создании публичного нарратива.

Функция этой двойной циркуляции состояла не просто в сокрытии разведывательных методов от конкурентов. Публичный нарратив выполнял самостоятельную политическую задачу: создание образа британского «исследователя» и «дипломата» в Центральной Азии легитимировало британское присутствие в глазах собственной общественности и лондонского парламента, снижало готовность оппонентов рассматривать его как разведывательную угрозу, и формировало благоприятный имидж Британии в глазах самих центральноазиатских правителей, которые читали или слышали о публичных трудах британских «путешественников».

Вышеизложенный анализ информационных практик британских миссий позволяет сформулировать ряд принципиальных выводов.

Информационная инфраструктура британских миссий охватывала несколько функционально различных уровней: мирзы при дворах (документальные источники), пробританские аристократы (аналитические оценки), купцы торговых кланов (мобильный мониторинг), военные топографы (пространственное знание), неофициальные исследователи-резиденты (долгосрочное накопленное знание). Каждый уровень производил специфический тип знания, и ни один не мог заменить другой, только их совокупность обеспечивала полную информационную картину.

Британские миссии не ограничивались пассивным сбором данных: они систематически применяли методы экономической пропаганды (аргумент Фрейзера), психологического давления, дистанционного управления через местных правителей (письма амира кандагарским братьям), дипломатического протоколы как инструмента наблюдения. Это превращало миссии из разведывательных предприятий в полноценные операции влияния.

Афганские правители, сикхские военачальники, афганские купцы, все они были самостоятельными субъектами, использовавшими британское присутствие в собственных интересах. Дост Мухаммед-хан использовал британскую миссию как рычаг в пешаварском вопросе; Ранджит Сингх как канал военно-технической разведки; купцы Лохани как инструмент коммерческого продвижения. Эта субъектность «принимающей стороны» определяла реальные пределы британского информационного контроля над регионом.

Перекрестный анализ данных через несколько независимых полевых агентов (Бернс в Кабуле - Макнил в Тегеране) являлся стандартной практикой британской системы. Это свидетельствует о том, что информационные практики британских миссий обладали развитой внутренней критической культурой- произведенное знание не принималось на веру, но системно верифицировалось.

Параллельное производство секретного и публичного потоков являлось системной чертой британских информационных практик, выполнявшей самостоятельные политические функции. Механизм трансформации секретных депеш в публичные нарративы через пометки «omitted», литературные мемуары и «научные» отчеты является принципиально важным предметом для сравнительного анализа с российскими практиками. Этот сравнительный анализ, наряду с систематическим сопоставлением всех выявленных структурных параллелей и различий, составляет задачу следующего параграфа настоящей главы.

4 Две имперские системы в едином пространстве: транснациональный механизм производства знания о Центральной Азии

4.1. Структурные сходства, различия и транснациональный механизм взаимного формирования практик

Российские и британские миссии в Центральную Азию решали одну и ту же структурную задачу - производство знания о регионе как условие политического контроля над ним. То, как две разные имперские системы справлялись с этой задачей, составляет предмет настоящего параграфа. Две предшествующие главы последовательно описали оба объекта сравнения. Настоящий параграф ставит задачей систематически сопоставить эти две системы от общих стратегических логик к конкретным операциональным практикам и далее к персональным биографиям агентов с целью выявить как структурные сходства, так и принципиальные различия, а также оценить степень взаимного влияния двух систем в условиях непосредственного столкновения на одном пространстве.

Методологическим основанием настоящего сравнения служит принцип функциональной аналогии, разработанный применительно к сравнительной имперской истории. Ж. Бурбанк и Ф. Купер показали, что имперские системы могут решать одни и те же структурные задачи принципиально различными «репертуарами» управленческих практик [75]. Применительно к данному сравнению это означает, что российская и британская системы дипломатических разведывательных миссий сопоставимы не потому, что они были похожи внешне, но потому, что они решали одну и ту же структурную задачу в виде производство знания о Центральной Азии как условие политического контроля над регионом. Именно эта функциональная аналогия, а не формальное сходство институтов, служит основанием для сравнения. А. Моррисон наглядно показал, что практики обеих держав формировались в прямой реакции друг на друга каждая сторона принимала решения, которые немедленно становились поводом для ответных мер другой. Это «зеркальное» измерение соперничества является одним из аналитических фокусов настоящего параграфа.

Отправной точкой сравнительного анализа является вопрос о том, как именно каждая из держав воспринимала Центральную Азию с точки зрения стратегических интересов и угроз. Это восприятие определяло не только политические цели миссий, но и их организационные форматы, кадровый состав и информационные приоритеты.

Россия воспринимала Центральную Азию прежде всего как пространство постепенного административного поглощения, территорию, которую необходимо включить в состав империи или поставить под контроль последовательными шагами: сначала экономическое проникновение и установление дипломатических отношений, затем военное присутствие, наконец прямое административное управление. Указ Екатерины II 1784 года «О мерах для укрощения своевольства киргиз-кайсаков», предписывавший «спознать через людей надежных и искусных положение края» и «заводить

знакомство и всевозможные связи», формулировал именно эту логику накопления знания как подготовки к поглощению [6]. Российская система миссий строилась исходя из представления о том, что регион является или должен стать частью одной связной территориальной системы от Оренбурга до ханств.

Британия воспринимала Центральную Азию принципиально иначе, больше как буферное пространство, которое должно оставаться независимым, но управляемым с точки зрения безопасности Индии. Прямое присутствие в регионе было нежелательным именно потому, что оно потребовало бы колоссальных ресурсов для поддержания: как точно сформулировал капитан Абботт, британская армия находилась в «десяти месяцах марша» от своих баз. Британская стратегия строилась поэтому на принципе «косвенного контроля» (indirect rule в смысле Фишера): поддержание независимых, но пробритански ориентированных правителей, которые сами обеспечивали бы стабильность буферной зоны [39].

Это принципиальное различие в стратегических логиках имело прямые следствия для организации миссий. Российские миссии планировались с горизонтом накопления: каждая следующая должна была опираться на знание, произведенное предыдущей, и расширять имперское присутствие. Британские миссии планировались с горизонтом управления: их задачей было установить и поддерживать информационный контроль над буферными государствами, не занимаясь их поглощением. Именно поэтому британская система выработала значительно более развитую культуру «психологических операций» воздействия на местных правителей без прямого контроля над ними, тогда как российская система тяготела к более формализованным административным инструментам.

Вместе с тем обе стратегические логики сходились в одном принципиальном пункте: нейтрализация конкурирующей державы являлась не менее важной целью, чем установление отношений с местными акторами. Уже к 1810 году выяснение «позиций англичан в среднеазиатских ханствах» было включено в стандартную инструкцию для российских агентов. На британской стороне аналогичный тезис о мониторинге российского присутствия пронизывал все инструкции для агентов, начиная с поездки Бернса в Бухару (1831-1833) и заканчивая миссиями в Хиву 1840 года. Обе системы, таким образом, определяли себя не только через свои позитивные цели, но и через реакцию на конкурента [216, Л.101] [235, p. 88].

Сравнение институциональных структур двух систем обнаруживает функциональную аналогию при существенном различии архитектуры. На российской стороне центральным координирующим органом являлась Оренбургская пограничная комиссия региональный орган с относительно четкой трехуровневой вертикалью подчинения: полевой агент → ОПК/командующий линией → генерал-губернатор → Петербург (МИД и военное министерство). На британской стороне аналогичную роль выполнял Политический и Секретный департамент при генерал-губернаторе Индии,

встроенный в четырехуровневую цепочку: полевой агент → региональный политический агент → секретарь правительства Индии → генерал-губернатор → Офис Индии в Лондоне.

Принципиальное различие состоит в следующем. Российская ОПК была органом регионального уровня с прямым административным присутствием на части подконтрольной территории - казахской степи. Британский Политический и Секретный департамент действовал преимущественно за пределами прямого суверенитета, в буферных государствах. Это обусловливало разные принципы комплектования: ОПК опиралась на агентов с органической связью с регионом (казахские аристократы, татарские переводчики), тогда как Политический и Секретный департамент на профессиональных ориенталистов с приобретенной компетентностью.

Наличие у британцев промежуточного уровня региональных политических агентов (Уэйд в Лудхиане, а на более ранних этапах политические резиденты при дворах индийских правителей) создавало дополнительную оперативную гибкость: часть инструкций Бернс получал напрямую от Уэйда, минуя Макнатена. Российская система пыталась создать аналогичный уровень через институт попечителей 1844 года, шесть попечительств вдоль оренбургской линии с функцией сбора сведений. Однако их разведывательные функции были менее формализованы, чем у британских политических агентов, и носили скорее вспомогательный характер.

Сравнение систем документооборота обнаруживает структурное сходство. Обе системы применяли цветовую или статусную кодировку документов: британские «черный/красный» шрифт для разных уровней подчинения, российское разграничение «секретных» и «совершенно секретных» дел в регистрационных книгах ОПК. Обе системы использовали систему дублирования депеш через альтернативные маршруты: британцы через Балх и Маймену как запасной путь для депеш Бернса, российская ОПК через параллельную отправку донесений с Сырдарьинской линии по нескольким адресатам одновременно (Данзас, генерал-губернатор, МИД, военное министерство). Наконец, обе системы производили параллельные версии одного и того же знания: секретную (для внутреннего использования) и публичную (для легитимации политики).

Существенным различием в системах документооборота является механизм верификации данных. На российской стороне верификация осуществлялась прежде всего через перекрестную проверку показаний нескольких лазутчиков, посылавшихся в одни и те же регионы разными маршрутами. Осмоловский сам признавал, что слухи из ханств «слишком преувеличены» и «требуют подтверждения». На британской стороне верификация строилась на сопоставлении данных разных полевых агентов на центральном уровне: Макнатен корректировал данные Бернса на основании донесений Макнила из Тегерана. Оба механизма решали одну задачу борьбу с неизбежным искажением информации при прохождении через посредников, но применяли разные архитектурные решения: российское «горизонтальное»

- несколько параллельных полевых агентов и британское «вертикальное» - несколько уровней аналитической обработки [51, С. 18–19].

Сопоставление типологий миссий обеих держав обнаруживает значительное функциональное сходство при различии конкретных форм. Обе системы выработали, независимо друг от друга, одни и те же четыре основных типа миссий.

Официальные дипломатические миссии с открытым статусом. Российская сторона: посольство Негри в Бухару (1820), миссия Бутенева (1841-1842), миссия Данилевского в Хиву (1842). Британская сторона: миссия Бернса в Кабул (1837-1838), миссия Стоддарта в Бухару (1838), миссия Абботта в Хиву (1840). Все они официально позиционировались как дипломатические или торговые контакты, фактически выполняя систематическую политическую и военную разведку [4, p. 85]. Принципиальное сходство состоит в том, что обе стороны использовали «торговую миссию» как стандартный официальный предлог для разведывательного присутствия. Различие в степени институционализации: российские официальные миссии, как правило, имели более строгое трехуровневое инструктирование (МИД - ГШ -губернатор), тогда как британские допускали большую свободу полевых агентов в определении тактики.

Тайные миссии под прикрытием. Российская сторона: поездки Демезона (1833) и Виткевича (1835-1836) в Бухару под именами купцов; обе были региональными инициативами губернатора Перовского без официальной санкции Петербурга. Британская сторона: деятельность Чарльза Массона в Кабуле под именем «Джеймс Льюис», многолетнее пребывание Муркрофта в регионе под видом исследователя-ветеринара. Принципиальное сходство: использование гражданского научного или коммерческого прикрытия для долгосрочного накопления знания. Принципиальное различие: российские тайные агенты этого типа (Демезон, Виткевич) были военными офицерами, временно принявшими гражданское обличье; британские (Массон, Муркрофт) гражданскими лицами, чья деятельность граничила с официальной разведкой, но не была ею де-юре. Это различие в правовом статусе создавало разные степени «отрицаемости»: российская сторона теоретически могла отказаться от своих тайных агентов, британская нет.

Военно-научные экспедиции. Российская сторона: экспедиции Аральской флотилии Бутакова (1848-1849), в которой участвовал Альмухамед Сейдалин, давшие военно-картографическое описание Аральского моря; маршрутные описания офицеров ГШ при каждом официальном посольстве. Британская сторона: отчет лейтенанта Лича о Хайберском проходе (1837), военно-топографические съемки в Афганистане [36, с.123]. Принципиальное сходство: систематическое военно-картографическое освоение пространства как подготовка к будущему военному присутствию. Принципиальное различие: на российской стороне военно-топографические экспедиции были более институционализированы существовал специальный Корпус военных

топографов, производивший знание о пространстве как стандартный элемент военного планирования. На британской стороне военно-топографическая работа была больше интегрирована в общие разведывательные миссии, Лич участвовал в экспедиции Бернса не как самостоятельный картограф, но как один из членов комплексной миссии.

Агентурные поездки местных посредников. Российская сторона: казахские лазутчики ОПК: Баскинбай Игибаев («под видом слепого нищего» в Туркестане), Тангай Малдаев (через родственные связи в Хиве), Дусбек Байсалов («под видом сапожника» в Ургенче); агентурные поездки Батыршиных в ханства в 1853-1858 гг. Британская сторона: мирзы при афганских дворах, купцы клана Лохани, Гулам Хан как транзитный посредник [51, С. 92–93; С. 90–91] [233, p. 45]. Сходство: органичная встроенность агента в местные социальные структуры как главное условие эффективности. Принципиальное различие: российские лазутчики этого типа, как правило, происходили из казахской или среднеазиатской среды и имели органические связи с ней; британские местные посредники при дворах афганских правителей (мирзы) принадлежали к культурно-этническим группам, лишь функционально встроенным в афганский политический мир. Это различие в характере «органичности» посредников обусловливало разную устойчивость агентурных сетей.

Сравнение кадровых профилей агентов обеих систем является одним из наиболее аналитически продуктивных измерений настоящего исследования. Концепция «знающих людей» К. А. Бейли применяется здесь как инструмент симметричного анализа: оба объекта сравнения описываются в одних и тех же категориях, что позволяет выявить как функциональные аналогии, так и принципиальные различия [42, P. 3–28].

Казахский посредник vs британский ориенталист. Российская система в значительной мере опиралась на посредников с органической «двойной идентичностью» в смысле Кэмпбелла: казахских аристократов, получивших российское военное образование в имперском учебном заведении, и татарских переводчиков, принадлежавших одновременно к тюрко-мусульманской культурной среде и российской государственной службе. Братья Сейдалины (выпуск Неплюевского корпуса 1855 г.) являются образцовым примером: Альмухамед участвовал в экспедиции Аральской флотилии и сопровождал депутации казахской знати в Петербург, а Тлеу стал автором этнографических публикаций в «Записках Оренбургского отдела РГО». Штабс-капитан Аитов («Каратолмач») действовал как имперский агент именно через свою казахскую идентичность, а не вопреки ей [5, P. 1–15] [222, Л. 1–7].

Британская система опиралась преимущественно на «ориенталистов с приобретённой компетентностью» офицеров британской или бенгальской армии, прошедших языковую и культурную подготовку в Форт-Уильям колледже. Бернс, Конолли, Абботт все они были «внешними» экспертами, приобретавшими знание о чужом пространстве через образование и полевой опыт, но не принадлежавшими органически ни к одной из местных культурных

систем. Именно поэтому Бернс нуждался в Массоне постоянном агенте-резиденте, чье многолетнее пребывание в Кабуле компенсировало отсутствие у официального дипломата органических связей с местной средой.

Российский посредник с двойной идентичностью мог действовать автономно в ханстве без постоянной связи с Оренбургом его казахская или татарская идентичность обеспечивала достаточный уровень доверия со стороны местного населения. Британский ориенталист нуждался в постоянной поддерживающей инфраструктуре: переводчиках нижнего уровня, местных проводниках, пробританских аристократах. Отсюда большая структурная зависимость британских миссий от качества конкретной агентурной сети в каждом конкретном пункте.

Осмоловский vs Бернс. Осмоловский и Бернс занимали принципиально разные должностные позиции в своих системах: первый администратор-аналитик на Сырдарьинской линии, второй полевой дипломатический агент в Кабуле. Должностным аналогом Бернса на российской стороне является скорее Виткевич, который был тайный полевой агент в ханствах. Однако Виткевич погиб в 1839 году, оставив минимальную документацию, что делает его сравнение с Бернсом верифицируемым лишь в самых общих чертах. Осмоловский избран для сопоставления по иному основанию: не как должностной аналог, но как наиболее полно документированный управитель разведывательной сети на российской стороне. На уровне производимого знания оба оказываются подлинно сопоставимы: каждый преобразовывал разрозненные агентурные сведения в систематическое знание о регионе, каждый управлял разветвленной сетью посредников и каждый производил параллельно секретный и публичный потоки знания. Именно это функциональное сходство при очевидном должностном различии и делает их сопоставление аналитически продуктивным и методологически честным.

Осмоловский (1820-1862): востоковед по образованию, полиглот с шестью языками (турецкий, арабский, персидский, татарский, казахский, чагатайский), назначен на должность заведующего присырдарьинскими казахами предписанием Перовского 4 августа 1853 года. Правовой статус закреплен Инструкцией Александра II от 14 августа 1856 года. Система подчинения: Осмоловский → Данзас → генерал-губернатор → МИД и военное министерство. За восемь лет работы произвел 33 и более «записок о слухах и событиях», ставших «основным источником информации о политическом и экономическом положении в Средней Азии» для оренбургской администрации. Его профессиональный профиль совмещение военно-административной, разведывательной и научной (составитель «Сборника киргизских обычаев») функций [51, С. 9–12] [224, Л. 12] [45, p. 185–195].

Бернс (1805-1841): офицер Бенгальской армии, полиглот с персидским, синдхи и хиндустани, автор «Путешествий в Бухару» (1834) и «Cabool» (1842). Система подчинения: Бернс → Уэйд (Лудхиана) → Макнатен (Симла) → генерал-губернатор → Офис Индии. За период кабульской миссии (1837-1838) произвел более 20 депеш с первичными разведывательными данными,

аналитическими оценками и политическими рекомендациями. Его профессиональный профиль совмещение дипломатической, разведывательной, литературной (публичный нарратив) и геополитической аналитической функций [233, p. 12-36].

Функциональная аналогия между двумя фигурами очевидна: оба были «знающими людьми» высшей квалификации, производившими несколько типов знания одновременно, оба были центральными узлами своих национальных разведывательных сетей в регионе, и оба документировали свое знание в форматах, пригодных как для секретного, так и для публичного использования. Принципиальное различие: Осмоловский оставался в одном месте на протяжении восьми лет, накапливая глубокое и детальное знание о конкретном регионе; Бернс был более мобильным агентом, охватывавшим большее пространство, но менее глубоко. Это различие отражает разные стратегические логики двух систем: российская нуждалась в глубоком стационарном знании для административного управления; британская в широком мобильном знании для дипломатического маневрирования.

Неплюевский корпус vs Форт-Уильям колледж. Обе системы располагали специализированными образовательными учреждениями для подготовки «знающих людей». Российский Неплюевский кадетский корпус (осн. 1825) и британский Форт-Уильям колледж в Калькутте (осн. 1800) выполняли функционально аналогичную задачу производство агентов с двойной компетентностью: военной и ориенталистской [241, с.12-16] [42, P. 57–60.].

Принципиальное различие состояло в следующем. Неплюевский корпус готовил преимущественно представителей нетитульных элит казахских аристократов и татарских дворян для имперской административной службы с сохранением органической связи с регионом. Формулировка директора Маркова об учреждении «политическая мысль и польза» состоит в том, чтобы через выпускников «вернее знать образ мыслей» хивинцев, бухарцев и казахов «в отношении к видам нашего правительства» является прямым документальным свидетельством разведывательной функции учебного заведения [219, Л. 32–33]. Форт-Уильям колледж готовил британских офицеров для работы с чужим культурным пространством без органической связи с ним. Бэйли указывает, что выпускники колледжа были «ориенталистами», приобретавшими знание об Азии через книги и классы, тогда как российская система производила посредников, обладавших этим знанием изначально как частью своей идентичности.

Сравнение систем инструктирования и типов предписанного знания обнаруживает сходство между двумя системами несмотря на принципиальные различия в организационной архитектуре и кадровых профилях. Мониторинг друг друга являлся приоритетом обеих систем. Обе системы тратили значительную часть разведывательных ресурсов на мониторинг конкурента. Это создавало странный эффект взаимного информационного зеркала: каждая

система производила знание о другой системе, используя для этого практически идентичные методы.

Военно-стратегические данные. Российская сторона: маршрутные описания офицеров ГШ, карты сырдарьинской линии, данные о расположении казахских родов вдоль маршрутов экспедиций. Британская сторона: отчет Лича о Хайберском проходе с реестром племен и системой пошлин. Принципиальное сходство: в обоих случаях военно-стратегическое знание непосредственно конвертировалось в операционные планы российские отчеты использовались при подготовке экспедиций против Хивы и Коканда, британский отчет Лича при планировании Первой англо-афганской войны [233, p. 54].

Политические данные о расстановке сил внутри принимающих государств. Российская сторона: донесения ОПК о «благонамеренных» и «ненадежных» казахских султанах, систематически классифицировавшие местные элиты по степени лояльности; биографические сводки на ханских чиновников. Британская сторона: «политические портреты» афганской знати в документах; анализ кызылбашской партии как структурного разведывательного ресурса Принципиальное различие: российский «политический портрет» был ориентирован на выявление лояльности в административном смысле - пригодность к службе, британский на выявление потенциала для манипулирования , возможность использования в конкретной дипломатической ситуации. Это различие отражает разные стратегические горизонты: административное поглощение и дипломатическое управление.

Обе системы систематически собирали экономические данные о торговых маршрутах и конкурентных позициях держав, однако с разными акцентами. Российская сторона: справки об объемах и структуре торговли с Хивой и Бухарой за 1840-1856 годы фиксировали данные о российских экспортных товарах (ртуть, юфть, квасцы, ситцы, железо). Британская сторона: отчет Муркрофта о торговле Кашмира описывал роль бухарских купцов как посредников между Кашмиром и Россией; депеша Бернса от 11 октября 1837 года фиксировала «российское особое внимание» к афганским купцам на ярмарках [236, p. 89]. Принципиально, что оба документальных корпуса взаимно дополняют друг друга: российская система знала свои товарные потоки в ханства, британская как эти потоки влияли на политические симпатии купеческих элит.

Контрразведывательные данные. Это наиболее показательный тип для сравнительного анализа, поскольку именно здесь обе системы непосредственно «встречались» в общем пространстве. Российская сторона фиксировала «английские происки» в ханствах: Записка Игнатьева упоминает «вмешательство Английской политики» как ключевую угрозу. Британская сторона фиксировала российских агентов с не меньшей детальностью: маршрут Виткевича, маршрут «русского путешественника» [179, л. 2]. В точке их непосредственного столкновения Кабул зимой 1837-1838 годов , обе системы применяли практически идентичные методы: психологическое

давление на амира, формирование лояльных купеческих сетей, дипломатическое посредничество. Моррисон прав, называя это «зеркальными катастрофами»: обе стороны сделали одни и те же ошибки, исходя из одинаковых информационных заблуждений о намерениях конкурента.

Агентурные сети. Сравнение агентурных сетей обеих систем обнаруживает принципиальные различия в их архитектуре, которые во многом определяли различные возможности и ограничения каждой системы.

Российская агентурная сеть была устроена по принципу «концентрических окружностей» вокруг одного географического центра Оренбурга и, с 1853 года, форта Перовского. Осмоловский, находясь на Сырдарьинской линии, управлял четырьмя параллельными каналами информации: постоянными казахскими лазутчиками, купцами-информаторами, казахскими начальниками дистанций, посылавшими собственных людей, и перепиской с комендантами укреплений ханств. Эта концентрическая архитектура обеспечивала глубокое и детальное знание о непосредственно прилегающих регионах: Кокандском ханстве, низовьях Сырдарьи, позициях хивинского хана.

Британская агентурная сеть была устроена по принципу «узловых точек»: в каждом ключевом городе Кабуле, Лудхиане, Лахоре, Тегеране располагался британский агент или политический резидент, формировавший локальную сеть информаторов. Эти узловые точки были слабее связаны между собой, чем российские «концентрические окружности»: Бернс в Кабуле и Макнил в Тегеране получали информацию из разных источников о разных аспектах одной ситуации, и только на центральном уровне (Макнатен в Симле) эти данные сводились воедино. Преимущество такой архитектуры широкий географический охват; недостаток риск разрыва цепочки при утрате любого узла.

С точки зрения устойчивости во времени российская система обнаруживала явное преимущество. Осмоловский проработал на Сырдарьинской линии восемь лет, накопив глубокие персональные связи с казахскими начальниками дистанций и агентами в ханствах. Его уход оставил документальный след, систематический корпус из 373 документов и, по всей видимости, подготовленных преемников. Британская система страдала от более высокой ротации: кабульская миссия Бернса продолжалась около года; за ней последовала военная катастрофа, уничтожившая большую часть накопленной агентурной сети. Каждый новый полевой агент начинал практически с нуля, если не считать архивных материалов предшественников (таких как бумаги Муркрофта, которые разыскивали в Хулуме и Балхе еще в 1838 году).

Роль локальных акторов в обеих системах: сравнение стратегий

Одним из центральных аналитических выводов настоящего исследования является тезис о том, что локальные акторы, как казахские ханы и султаны, афганские правители, купцы центральноазиатских торговых сетей не были пассивными объектами российских и британских манипуляций, но

самостоятельными субъектами, вырабатывавшими собственные стратегии взаимодействия с конкурирующими державами. Этот тезис документально подкреплён по обеим сторонам сравнения.

К. Хафизова в «Степных властителях» показала, что казахские ханы XVIII - первой половины XIX века систематически использовали российское присутствие в собственных интересах: добивались имперской поддержки против внутренних соперников, получали ресурсы (титулы, жалованья, права) в обмен на формальную лояльность, сохраняя реальную политическую самостоятельность [22]. Г. Б. Избасарова показала [118], что казахские посредники в системе ОПК использовали своё положение «знающих людей» для формирования выгодных для них нарративов о положении в степи, которые имперская администрация принимала за объективное знание.

Казахские лазутчики: субъектность в агентурной работе. Документы сборника Жанаева показывают, что казахские агенты Осмоловского действовали не просто как исполнители его заданий, но как самостоятельные участники информационного производства с собственными инициативами и интересами. Начальник 53-й дистанции султан Сулейман Джигангеров самостоятельно командировал К. Бутенбаева для сбора сведений о кокандских делах, не дожидаясь предписания Осмоловского. Правитель Восточной части орды Мухаммед Джантюрин посылал лазутчиков к Сырдарье «для собрания сведений о кокандских владениях», награждая вернувшихся из собственных средств [51, с.56]. Это самостоятельное инициирование разведывательной деятельности свидетельствует о том, что казахские начальники дистанций преследовали собственный интерес в получении информации о ханствах интерес, связанный с их положением в пограничном регионе, а не просто выполняли имперский заказ.

Дост Мухаммед-хан. На британской стороне наиболее ярким примером агентности принимающей стороны является стратегия Дост Мухаммед-хана. Детальный отчет Бёрнса от 5 октября 1837 года показывает афганского правителя как искусного дипломата, одновременно ведущего переговоры с тремя конкурирующими внешними акторами Британией, Россией и сикхами и умело использующего их соперничество для максимизации собственных возможностей [233, p.41].

Принципиально, что Дост Мухаммед-хан воспринимал себя не как объект британских или российских манипуляций, но как равноправного участника дипломатического процесса с четкими целями и красными линиями. Его «красной линией» был Пешавар и ни одна держава, не готовая содействовать решению этого вопроса, не могла рассчитывать на его реальную лояльность. Бернс понимал это, его депеши содержат весьма честный анализ позиции амира, но не мог предложить ничего конкретного по пешаварскому вопросу, не обостряя отношений с Ранджит Сингхом. Это структурное противоречие британской политики, невозможность одновременно угодить и афганскому правителю, и сикхскому союзнику в конечном счете обусловило провал миссии .

Сравнение стратегий принимающей стороны. Стратегии казахских ханов и афганских правителей в отношении конкурирующих держав обнаруживают структурное сходство, хотя осуществлялись в принципиально различных политических условиях. В обоих случаях: локальные правители использовали соперничество внешних держав как источник ресурсов (финансовые выгоды, военная поддержка, дипломатическое признание); они сохраняли собственные интересы, которые не позволяли ни одной внешней силе полностью контролировать их политику; они умело манипулировали информационными потоками, поставляя каждой стороне те сведения, которые побуждали ее к поведению, выгодному местному правителю.

Принципиальное различие: казахские ханы действовали в условиях нарастающего структурного поглощения, с каждым десятилетием пространство их реального маневра сужалось. Дост Мухаммед-хан действовал в условиях, где ни одна держава не имела возможности прямого военного принуждения без катастрофических издержек, что и подтвердила Первая англо-афганская война 1839-1842 гг.. Это структурное различие определяло разные горизонты успеха местных стратегий: казахские ханы могли выиграть время и ресурсы, но не изменить траекторию поглощения; Дост Мухаммед-хан в конечном счете сумел восстановиться на троне в 1843 году после ухода британских войск.

Взаимное влияние. Принципиальным результатом трансимперского анализа является не просто фиксация сходств и различий двух систем, но выявление механизмов их взаимного влияния. Ж. Остерхаммель в «The Transformation of the World» показал, что «зеркальное» соперничество держав порождало структурную взаимозависимость их практик: каждая сторона адаптировала свои методы в реакции на действия конкурента. Применительно к настоящему исследованию это означает, что ни российскую, ни британскую систему нельзя понять в изоляции обе они формировались в постоянной реакции друг на друга [2, P. 392–430].

Первый механизм взаимного влияния- прямая операциональная реакция. Зимой 1839-1840 годов российский хивинский поход и британское вторжение в Афганистан были реализованы практически одновременно и обе операции представляли собой реакции на разведывательные данные о действиях конкурента. Российская экспедиция Перовского против Хивы в значительной мере определялась тревогой по поводу британских дипломатических успехов в регионе; британское вторжение в Афганистан в значительной мере реакцией на присутствие Виткевича в Кабуле. Моррисон показал, что «катастрофы» обеих операций, разгром экспедиции Перовского морозами и уничтожение британской армии при отступлении из Кабула были связаны через одну цепочку взаимных информационных ошибок [89, P. 253–300].

Второй механизм- методологическое зеркалирование. Каждая система, наблюдая за практиками конкурента, перенимала элементы его методологии. Российская система к 1850-м годам усилила «мягкие» инструменты влияния через торговые сети, именно в ответ на британское доминирование в

коммерческом освоении региона. Британская система усилила прямое военное присутствие в Афганистане, в ответ на российскую военную экспансию в Средней Азии. Записка Игнатьева 1858-1860 годов - с ее тезисом о необходимости «постоянного торгового агентства» в Бухаре с перспективой превращения в «постоянное консульство» является прямым свидетельством этого зеркалирования: Игнатьев предлагал России применить то, что уже делала Британия через свою сеть политических резидентов [171 , с. 9].

Третий механизм- конкуренция за «знающих людей». Оба государства конкурировали за лояльность одних и тех же местных посредников: купцов торговых сетей, секретарей при дворах правителей, информированных путешественников. Борьба за лояльность клана Лохани против российские «ярмарочные субсидии» афганским купцам прямой пример этой конкуренции. Ее конечный результат определялся не организационным превосходством той или иной системы, но тем, кто предлагал более весомые ресурсы для конкретного посредника в конкретный момент. В этом смысле «Большая игра» на уровне агентурных сетей была не дипломатическим противостоянием двух держав, но рынком лояльности, на котором местные «знающие люди» продавали свое знание тому, кто больше платил или кто казался более стабильным и перспективным покровителем.

Эпизод зимы 1839-1840 годов предоставляет уникальную возможность для синхронного сравнения обеих систем в момент их максимальной напряженности и, одновременно, максимального провала. Российский хивинский поход под командованием Перовского (октябрь 1839 -февраль 1840) и британское вторжение в Афганистан (1839-1842) не только совпали хронологически, но и были связаны через систему взаимных разведывательных реакций, что делает их идеальным «естественным экспериментом» для сравнительного анализа.

На российской стороне решение о хивинском походе формировалось под влиянием разведывательных данных о британских успехах в Центральной Азии. Перовский опасался, что британская дипломатическая активность миссии Бернса в Кабуле, Абботта и Шекспира в Хиве постепенно формирует устойчивую пробританскую сеть влияния в регионе. Хивинский поход должен был продемонстрировать российскую военную мощь и закрепить российское присутствие до того, как британцы установят доминирующие позиции. Провал похода- экспедиция потеряла от морозов около 1 000 человек и повернула назад, не дойдя до Хивы, был в значительной мере обусловлен игнорированием предупреждений проводников о сложностях зимнего перехода.

На британской стороне решение о вторжении в Афганистан формировалось под влиянием данных о присутствии Виткевича при кабульском дворе и об угрозе установления российско-персидского контроля над афганским государством. Бернс в своих депешах настойчиво сигнализировал: «зловещие замыслы» России через Персию ставят под угрозу безопасность северо-западных рубежей Индии. Первая англо-афганская война (1839-1842) завершилась еще более катастрофично, чем российский поход: из

армии в 16 000 человек при отступлении из Кабула спасся фактически один человек.

Сравнение двух катастроф обнаруживает структурное сходство в их причинах. В обоих случаях решение принималось на основе разведывательных данных, систематически преувеличивавших угрозу со стороны конкурента, что является типичной чертой систем, где «когнитивная предвзятость» к противнику встроена в саму архитектуру инструктирования. В обоих случаях предупреждения локальных «знающих людей» о реальных практических препятствиях (казахские проводники о зиме, Бернс о политической сложности афганской ситуации) были проигнорированы или недооценены. В обоих случаях катастрофа обнажила структурную ограниченность знания, производимого через посредников: это знание всегда было неполным, интерпретированным и обусловленным интересами самих посредников.

Двойная циркуляция знания. Сравнение механизмов двойной циркуляции знания-производства параллельных секретного и публичного потоков раскрывает один из наиболее глубоких структурных параллелей двух систем. Обе державы систематически трансформировали секретное разведывательное знание в публичный имперский нарратив, обслуживавший внутриполитические и международные нужды.

На российской стороне эта двойная циркуляция реализовывалась через несколько каналов. Секретные «записки о слухах и событиях» Осмоловского циркулировали по официальным каналам к генерал-губернатору, в МИД и военное министерство. Параллельно этнографические и географические материалы, извлеченные из тех же полевых наблюдений, публиковались в «Записках Оренбургского отдела РГО», Мирсалих Бекчурин «Наши завоевания в Средней Азии» (1872), Тлеу Сейдалин статьи о быте и хозяйстве казахов (1874-1875), Альмухамед Сейдалин - участие в III Международном конгрессе ориенталистов (1876). Эта практика является именно тем, что П. Сартори и П. Шаблей в «Экспериментах империи» описали применительно к Осмоловскому: правовое и разведывательное производство знания было структурно неразделимо один и тот же агент одновременно составлял секретные сводки и публичные этнографические материалы.

На британской стороне аналогичный механизм реализовывался через трансформацию депеш в литературные мемуары: «Путешествия в Бухару» (1834) и «Cabool» (1842) Бернса, «Narrative of a Journey from Heraut to Khiva» (1843) Абботта, «Travels in Bokhara» (1843) Вольфа. Все эти тексты основывались на первичных разведывательных материалах, но систематически изымали из них разведывательное содержание: имена агентов, методы психологического давления, технические детали военной топографии. Пометки «omitted» на листах фиксируют механизм этого изъятия на микроуровне.

Сравнение двух систем двойной циркуляции обнаруживает одно принципиальное различие. На российской стороне публичный поток знания

производился преимущественно через институциональные каналы (РГО, академические издания) и нередко самими же агентами, писавшими под собственными именами. На британской стороне публичный поток создавался в первую очередь через литературные мемуары персональные нарративы, апеллировавшие к широкой читательской аудитории. Это различие отражало различие в политических культурах: российская система была менее ориентирована на «публичную дипломатию», тогда как британская в значительно большей мере формировала общественное мнение через массовую печать.

Систематическое сравнение российских и британских дипломатических разведывательных миссий в Центральной Азии позволяет сформулировать аналитические тезисы, каждый из которых опирается на документальную базу обеих сторон и отвечает на принципиальные вопросы сравнительной имперской истории.

Функциональная аналогия при различии архитектуры. Обе системы решали одну и ту же структурную задачу -производство знания о Центральной Азии как условие политического контроля, применяя при этом принципиально различные организационные форматы. Российская система тяготела к иерархической централизации (одна ОПК как координирующий орган), административной интеграции (посредники на государственной службе) и долгосрочным стационарным агентам (Осмоловский восемь лет на Сырдарьинской линии). Британская система — к децентрализованной сети узловых точек, внеслужебным агентам-исследователям (Массон, Муркрофт) и высокомобильным полевым агентам с широким географическим охватом (Бернс, Конолли, Абботт). Различие в архитектуре отражало различие в стратегических горизонтах: административное поглощение требовало глубокого стационарного знания; дипломатическое управление широкого мобильного.

Конвергенция кадровых профилей. Несмотря на принципиальные различия в системах подготовки и механизмах рекрутирования, оба государства выработали функционально сходные типы «знающих людей». Офицер-ориенталист британской Ост-Индской компании и офицер-переводчик российского ГШ/ОПК сближались в профессиональном профиле: оба производили несколько типов знания одновременно (дипломатическое, картографическое, этнографическое, разведывательное), оба использовали публикацию как инструмент создания публичной репутации «эксперта». Принципиальное различие: российский казахский посредник с двойной идентичностью производил знание изнутри двух культурных систем; британский ориенталист знание о чужой системе, приобретенное извне.

Структурная зависимость от «знающих людей» как системное ограничение. Обе системы были в равной мере структурно зависимы от «знающих людей» местных посредников, преследовавших собственные интересы. В обоих случаях производимое через посредников знание было неизбежно интерпретированным, частичным и обусловленным интересами его

поставщика. «Когнитивная предвзятость» имперских администраторов, описанная Бейли применительно к британской стороне, зеркально воспроизводилась и на российской: в обоих случаях аналитики склонны были принимать то, что хотели услышать, и недооценивать то, что противоречило их стратегическим ожиданиям.

Агентность локальных акторов как структурный фактор. Казахские ханы, афганские правители, купцы торговых сетей не были пассивными объектами имперских манипуляций, они были самостоятельными субъектами, вырабатывавшими стратегии использования имперского соперничества в собственных интересах. Эта агентность была не случайной, но структурной: само соперничество двух держав создавало для локальных акторов пространство маневра, которое они умело использовали. Принципиальный вывод: эффективность имперских разведывательных систем определялась не только качеством их институтов и агентов, но и готовностью принимающей стороны к сотрудничеству которое было ситуативным, условным и всегда обратимым.

«Зеркальное» взаимодействие как структурообразующий фактор. Российские и британские практики дипломатических разведывательных миссий не просто сосуществовали в одном пространстве, они взаимно формировали друг друга. Каждая сторона вырабатывала свои практики в непосредственной реакции на действия конкурента: российское усиление торговых сетей, в ответ на британское коммерческое доминирование; британское военное вмешательство в Афганистан в ответ на российское дипломатическое наступление через Виткевича; российский хивинский поход в ответ на британские дипломатические успехи через Абботта и Шекспира. Это «зеркальное» измерение соперничества означает, что историю Большой игры нельзя писать с позиции только одной стороны она является совместным производством обеих держав, в котором принципиальную роль играли локальные акторы как самостоятельные субъекты.

Сравнительный анализ двух систем позволяет сформулировать центральный тезис настоящей диссертации. Российские и британские миссии в Центральную Азию были не параллельными историями, но двумя сторонами единого транснационального процесса производства имперского знания процесса, в котором практики каждой державы формировались через реакцию на практики другой. Вместе с тем это единство не означало тождества: различие в стратегических логиках определяло принципиально разные возможности и ограничения каждой системы. Российская система была оптимально приспособлена к задаче административного поглощения пространства и давала сбой там, где требовалась дипломатическая гибкость без военного ресурса. Британская система была оптимально приспособлена к управлению буферной зоной через дипломатию и разведку и терпела катастрофу там, где пыталась заменить их прямым военным присутствием. Наконец, центральноазиатские правители, купцы и посредники были не пассивной ареной этого соперничества, но активными участниками,

формировавшими обе системы через сопротивление, манипуляцию и ситуативное сотрудничество. Именно эти три наблюдения, единство процесса, различие логик и субъектность локальных акторов составляют научный вклад настоящего исследования в изучение имперских практик в Центральной Азии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сравнительное исследование дипломатических разведывательных миссий Российской и Британской империй в Центральной Азии в конце XVIII-первой половине XIX вв. показало, что это были не параллельными национальными историями, а двумя сторонами единого транснационального процесса производства имперского знания о регионе.

Концептуальная рамка сравнительного изучения имперских разведывательных систем, сочетающая концепцию «знающих людей» Бейли, зведывательно-исследовательский режим (investigative modality) Кона, трансимперский подход Остерхаммеля и концепцию двойной идентичности Кэмпбелла позволила рассмотреть конкурирующие имперские системы взаимосвязанно.

Российская и Британская империи при всем различии их институциональных форм, географических контекстов и культурных оснований решали одну структурную задачу: производили знание о Центральной Азии как условие политического контроля над регионом, применяя при этом схожие инструменты (посредники, тайные агенты, купеческие сети, официальные посольства) в принципиально различных исторических обстоятельствах. Именно это сочетание функционального единства и контекстуального различия делало сравнение не только правомерным, но и аналитически продуктивным.

Российские и британские дипломатические разведывательные миссии в Центральной Азии были двумя сторонами единого транснационального процесса производства имперского знания о регионе в котором практики каждой державы формировались через непосредственную реакцию на практики другой. Зеркальное противостояние Бернса и Виткевича в Кабуле зимой 1837-1838 годов, запустившее цепную реакцию одновременно к британскому вторжению в Афганистан и к хивинскому походу Перовского, является наглядным документальным подтверждением этого тезиса: два «катастрофических» решения 1839 года были взаимно обусловлены через механизм разведывательной реакции.

Анализ институциональной структуры Российской (Оренбургская пограничная комиссия, Азиатский комитет и Азиатский департамент МИД) и Британской империи (Ост-Индская компания.) выявил многоуровневую административную вертикаль и систему финансирования агентурных сетей, встроенную в официальный государственный бюджет.

Сравнительный анализ дипломатических разведывательных миссий выявил пять структурных сходств: функциональная гибридность миссий; производство «знающих людей»; двойная циркуляция знания; зависимость от посредников; взаимное формирование практик. Также пять принципиальных различий: природа посредничества; институциональная зрелость; географические условия; модели обработки информации; отношение к публичному нарративу.

Дипломатические разведывательные миссии Российской и Британской империй в Центральной Азии были не просто инструментами геополитического соперничества. Они были сложными механизмами производства знания о пространстве, людях и политических системах региона. Анализ агентурной сети российских (чиновники-переводчики, постоянные агенты, купцы-информаторы, казахские проводники) и британских (мирзы при дворах, пробританские аристократы, купцы-лохани) посредников показал феномен двойной циркуляции знания как основа системообразующей практики обеих имперских разведывательных систем. Посредники участвовали в конструировании того образа Центральной Азии, который в конечном счете определил политические и военные решения, изменившие социально- политическое положение региона.

Учебные заведения по подготовке кадров, лояльных Российской и Британской империи есть спроектированный институт производства «знающих людей»: прямая документальная формулировка директора Неплюевского кадетского копуса И.М. Маркова о «политической мысли и пользе училища» исключает любые сомнения в разведывательном предназначении данного образовательного учреждения.

Вместе с тем это единство не означало одинаковость этих систем. Российская система была оптимально приспособлена к административному поглощению пространства: она производила долгосрочное, систематическое, территориально охватывающее знание, опираясь на органически встроенных в местное общество посредников с двойной идентичностью. Британская система была оптимально приспособлена к управлению буферной зоной через дипломатию и разведку: она производила оперативное, ситуативно точное знание об узловых точках, опираясь на приобретенную ориенталистскую компетентность. Каждая система была эффективна в своей стратегической нише и давала сбой при попытке применить чужие методы: катастрофа хивинского похода 1839 года и катастрофа Первой англо-афганской войны 1839-1842 годов документируют это с ясностью.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1 Sultangalieva, G. The Place of Kazakhstan in the Study of Central Asia / Gulmira Sultangalieva ; trans. by Paul W. Werth // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. – 2015. – Vol. 16, № 2 (Spring). – P. 345–358

2 Osterhammel J. The Transformation of the World: A Global History of the Nineteenth Century. — Princeton : Princeton University Press, 2014. — 1167 p. — P. 392–430.

3 Pianciola N., Sartori P. (eds.) Islam, Society and States across the Qazaq Steppe (18th–Early 20th Centuries). — Wien : Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2013. — 352 p.

4 Sultangalieva G. S., Suinova A. N. «O kirgiz-kaisatskikh i drugikh zagranichnyh obstoyatelstvakh»: informatory Rossiiskoi imperii v Kazakhskoi stepi // Ab Imperio. — 2022. — № 3. — S. 69–130.

5 Campbell I. W. Knowledge and the Ends of Empire: Kazak Intermediaries and Russian Rule on the Steppe, 1731–1917. — Ithaca : Cornell University Press, 2017. — xiii + 273 p.

6 Полное собрание законов Российской Империи (ПСЗ РИ). Часть 1. Т. 22. № 1599. Санкт-Петербург, 1830. С. 144.

7 Горшенина С. М. Изобретение концепта Средней / Центральной Азии: между наукой и геополитикой / пер. с фр. М. Р. Майзульса. — Вашингтон : Программа изучения Центральной Азии, Университет Джорджа Вашингтона, 2019. — VIII, 119 с.

8 Мейендорф Е. К. Путешествие из Оренбурга в Бухару / ред. Н. А. Халфин. — М. : Наука, 1975. — 180 с. — (Пер. с фр.: Voyage d'Orenbourg à Boukhara. — Paris, 1826)

9 Ханыков Н. В. Описание Бухарского ханства. — СПб. : Тип. Императорской Академии наук, 1843. — 282 с.

10 Данилевский Г. И. Описание Хивинского похода 1839–1840 годов. — СПб., 1848. — 166 с.

11 Муравьёв Н. Н. Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах. — М. : Тип. Августа Семена, 1822. — Ч. 1. — VII, 179 с. ; Ч. 2. — 144 с.

12 Бланкеннагель И. Я. Записки о Бухаре / с примеч. В. В. Григорьева // Вестник Русского географического общества. — 1858. — Ч. 22. — С. 1–58.

13 Игнатьев Н. П. Миссия в Хиву и Бухару в 1858 году флигель-адъютанта полковника Игнатьева. — СПб., 1897. — 278 с.

14 Веселовский Н. И. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времён до настоящего. — СПб., 1877. — 364 с.

15 Рычков П. И. История Оренбургская. — Оренбург : Тип. Б. Бреслина, 1896. — 416 с.

16 Жуковский С. В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трёхсотлетие. — Пг., 1915. — 266 с.

17 Попов А. И. Сношения России с Хивою и Бухарою при Петре Великом // Записки Русского географического общества. — СПб., 1853. — Кн. 9. — С. 237–318.

18 Терентьев М. А. Россия и Англия в Средней Азии. — СПб., 1875. — 361 с.

19 Халфин Н. А. Политика России в Средней Азии (1857–1868). — М. : Изд-во восточной литературы, 1960. — 272 с.

20 Арапов Д. Ю. Бухарское ханство в русской востоковедческой историографии. — М. : Изд-во МГУ, 1981. — 128 с.

21 Маслова О. В. Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию. Ч. 1 : 1715–1856. — Ташкент : САГУ, 1955. — 195 с. ; Ч. 2 : 1856–1880. — Ташкент, 1963. — 247 с.

22 Хафизова К. Ш. Степные властители и их дипломатия в XVIII–XIX веках. — Нур-Султан : КИСИ при Президенте РК, 2019. — 476 с.

23 Султангалиева Г.С. Татарские муллы и письмоводители в Казахской степи (XVIII – первая половина XIX в.): монография в документах / под ред. И.Г. Гумерова, А.М. Ахунова. — Казань : ИЯЛИ, 2023. — 300 с. — (Серия: Культурно-историческое наследие татар зарубежья. Книга 9). — ISBN 978-5-93091-456-6.

24 Султангалиева Г.С. Татарские переводчики, толмачи в Казахской степи (XVIII – первая половина XIX в.): монография в документах / под ред. И.Г. Гумерова, А.М. Ахунова. — Казань : ИЯЛИ, 2023. — 300 с. — (Серия: Культурно-историческое наследие татар зарубежья. Книга 10). — ISBN 978-5-93091-477-1.

25 Sultangalieva G. The Russian Empire and the Intermediary Role of Tatars in Kazakhstan: The Politics of Cooperation and Rejection // Tomohiko Uyama Uyama T. (ed.) Asiatic Russia: Imperial Power in Regional and International Contexts. — London : Routledge, 2012. — P. 52–81.

26 Sultangalieva G. S. Tatar Officials in the Orenburg Governorate's Chancellery: Their Activities on the Kazakh Steppe (Second Half of the Eighteenth Century) // Russian Studies in History. — 2021. — Vol. 59, No. 4. — P. 291–313.

27 Казахские чиновники на службе Российской империи: сборник документов и материалов / отв. ред. Г.С. Султангалиева, сост.: Г.С. Султангалиева, Т.Т. Далаева, С.К. Удербаева. — Алматы : Казак университеті, 2014. — 418 с.

28 Институт волостных в системе управления Казахской степью (XIX – начало XX вв.): монография в документах / отв. ред. Г.С. Султангалиева, сост.: Г.С. Султангалиева, Т.Т. Далаева, Б.У. Маликов, У. Тулешова. — Алматы : «Қазақ университеті», 2018. — 396 с.

29 Казахское дворянство. XIX – начало XX вв.: монография в документах / отв. ред. Г.С. Султангалиева, сост.: Г.С. Султангалиева, У.Ж. Тулешова. — Алматы : «Қазақ университеті», 2020. — 429 с.

30 Sultangalieva G.S. Kazahskoe chinovnichestvo orenburgskogo vedomstva: formirovanie i napravlenie dejatel'nosti (XIX) // Acta Slavica Iaponika. — 2009. — № 27. — P. 77–101.

31 Sultangalieva G. S. Kazakhskie chinovniki Rossiiskoi imperii XIX v. Osobennosti vospriiatiia vlasti // Cahiers du Monde Russe. — 2015. — Vol. 56, No. 4. — P. 651–679.

32 Гуломов Х. Г. Дипломатические отношения государств Средней Азии с Россией в XVIII — первой половине XIX века. — Ташкент : Фан, 2005. — 312 с.

33 Пирумшоев Х. Российско-среднеазиатские отношения XVI — середины XIX веков в русской историографии. — Душанбе : Маориф, 2000. — 198 с.

34 Ниязматов М. Поиск консенсуса: Россия и Центральная Азия. — СПб. : Петербургское востоковедение, 2010. — 304 с.

35 Постников А. В. Становление рубежей России в Центральной и Средней Азии (XVIII–XIX вв.). — М. : Памятники исторической мысли, 2001. — 464 с.

36 Постников А. В. Схватка на «Крыше мира»: политики, разведчики и географы в борьбе за Памир в XIX веке. — М. : РИПОЛ классик, 2005. — 512 с.

37 Постников А. В. Об итогах пребывания российской миссии в 1841–1842 гг. в Бухаре // Вопросы истории. — 2013. — № 7. — С. 3–18.

38 Yapp M. E. Strategies of British India: Britain, Iran, and Afghanistan, 1798–1850. — Oxford : Clarendon Press, 1980. — 588 p.

39 Fisher M. H. Indirect Rule in India: Residents and the Residency System, 1764–1858. — Delhi : Oxford University Press, 1991. — 596 p.

40 Hopkirk P. The Great Game: On Secret Service in High Asia. — London : John Murray, 1990. — 562 p.

41 Alder G. J. Beyond Bokhara: The Life of William Moorcroft, Asian Explorer and Pioneer Veterinary Surgeon, 1767–1825. — London : Century Publishing, 1985. — 288 p.

42 Bayly C. A. Empire and Information: Intelligence Gathering and Social Communication in India, 1780–1870. — Cambridge : Cambridge University Press, 1996. — 426 p.

43 Cohn B. S. Colonialism and Its Forms of Knowledge: The British in India. — Princeton : Princeton University Press, 1996. — 230 p.

44 Campbell I. W. Knowledge and the Ends of Empire: Kazak Intermediaries and Russian Rule on the Steppe, 1731–1917. — Ithaca ; London : Cornell University Press, 2017. — 288 p.

45 Sartori P., Shablei P. Eksperimenty imperii: Adat, shariat i proizvodstvo znanii v Kazakhskoi stepi. — M. : Novoe literaturnoe obozrenie, 2019. — 304 c.

46 Morrison A. The Russian Conquest of Central Asia: A Study in Imperial Expansion, 1814–1914. — Cambridge : Cambridge University Press, 2021. — 672 p.

47 Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках : сборник документов и материалов. — Алма-Ата : Изд-во АН КазССР, 1961. — 742 с.

48 Казахско-русские отношения в XVIII–XIX веках (1771–1867 годов) : сборник документов и материалов. — Алма-Ата : Наука, 1964. — 575 с.

49 Материалы по истории политического строя Казахстана / сост. М. Г. Масевич. — Алма-Ата : Изд-во АН КазССР, 1960. — Т. 1. — 441 с.

50 Международные отношения в Центральной Азии в XVII–XVIII вв. : документы и материалы. — М. : Наука, 1989. — Кн. 1–2. — 357 с.

51 О слухах и событиях в Средней Азии : сборник документов. Т. 1 : 20 апреля 1853 г. — 31 июля 1862 г. / сост. Б. Т. Жанаев. —Дайк-Пресс, 2016. — 573 с.

52 Papers Relating to the Affairs of India: Afghanistan. — London : House of Commons, 1839. — 324 p.

53 East India (Cabul and Afghanistan). Copies of the Correspondence of Sir Alexander Burnes with the Governor General of India, during his Mission to Cabul, in the years 1837 and 1838. — London : House of Commons, 1859. — 409 p.

54 Виткевич И. В. Записки о Бухарском ханстве / ред. Н. А. Халфин. — М. : Наука, 1983. — 149 с.

55 Эверсман Э. А. Путешествие из Оренбурга в Бухару. — СПб. : Тип. Медицинского департамента МВД, 1823. — 83 с.

56 Краткий дневник, веденный переводчиком Искендером Батыршиным во время похода на Акмечеть // История Казахстана в документах и материалах. — Астана, 2012. — Вып. 2. — С. 300–362.

57 Бекчурин М. И. Наши завоевания 1866 г. в Средней Азии // Записки Оренбургского отдела Русского географического общества. — 1872. — Вып. 1. — 125 с.

58 Moorcroft W., George Trebeck Trebeck G. Travels in the Himalayan Provinces of Hindustan and the Panjab : in 2 vols. / ed. H. H. Wilson. — London : John Murray, 1841.

59 Burnes A. Travels into Bokhara: Being the Account of a Journey from India to Cabool, Tartary, and Persia : in 3 vols. — London : John Murray, 1834. — Vol. 1 — 470 p. ; Vol. 2 — 410 p. ; Vol. 3 — 458 p.

60 Burnes A. Cabool: Being a Personal Narrative of a Journey to, and Residence in that City, in the Years 1836, 7, and 8. — London : John Murray, 1842. — 400 p.

61 Conolly A. Journey to the North of India, Overland from England, Through Russia, Persia, and Affghaunistaun : in 2 vols. — London : Richard Bentley, 1834.

62 Wolff J. Narrative of a Mission to Bokhara, in the Years 1843–1845 : in 2 vols. — London : John W. Parker, 1845. — Vol. 1 — 412 p. ; Vol. 2 — 456 p.

63 Abbott J. Narrative of a Journey from Heraut to Khiva, Moscow, and St. Petersburgh : in 2 vols. — London : W. H. Allen, 1843. — Vol. 1 — 312 p. ; Vol. 2 — 320 p.

64 Shakespeare R. A Personal Narrative of a Journey from Heraut to Ourenbourg, on the Caspian, in 1840 // Blackwood's Edinburgh Magazine. — 1842. — Vol. 51, No. 317. — P. 279–304.

65 Masson C. Narrative of Various Journeys in Balochistan, Afghanistan, and the Panjab : in 3 vols. — London : Richard Bentley, 1842.

66 Vambery A. Travels in Central Asia. — London : John Murray, 1864. — 504 p.

67 Nicolson H. Diplomacy. — 3rd ed. — London : Oxford University Press, 1963. — 248 p.

68 Berridge G. R. Diplomacy: Theory and Practice. — 5th ed. — London : Palgrave Macmillan, 2015. — 301 p.

69 Westbrook S. Iraq before the Common Era. — Cambridge : Cambridge University Press, 2007. — 232 p.

70 Moran W. L. The Amarna Letters. — Baltimore : Johns Hopkins University Press, 1992. — 395 p.

71 Mattingly G. Renaissance Diplomacy. — London : Jonathan Cape, 1955. — 348 p.

72 Lowenthal M. M. Intelligence: From Secrets to Policy. — 8th ed. — Thousand Oaks : CQ Press, 2019. — 560 p.

73 Afinogenov G. The Eye of the Tsar: Intelligence-Gathering and Geopolitics in Eighteenth-Century Eurasia : PhD diss. — Cambridge, MA : Harvard University, 2016. — 355 p.

74 Afinogenov G. Spies and Scholars: Chinese Secrets and Imperial Russia’s Quest for World Power. — Cambridge, MA : Harvard University Press, 2020. — 384 p.

75 Burbank J., Cooper F. Empires in World History: Power and the Politics of Difference. Princeton: Princeton University Press, 2010. — 528 p.

76 Foucault M. Power/Knowledge: Selected Interviews and Other Writings, 1972–1977 / ed. C. Gordon. — New York : Pantheon Books, 1980. — 270 p.

77 Гумбольдт А. фон. Центральная Азия. Исследования о цепях гор и по сравнительной климатологии / пер. П. Бородзича ; под ред. Д. Н. Анучина. — М. : Типо-литография т-ва И. Н. Кушнерев и Ко, 1915. — Т. 1. — CCLXII, 350 с.

78 Бартольд В. В. Сочинения. Т. II, ч. 1 : Общие работы по истории Средней Азии. — М. : Наука, 1963. — 1024 с.

79 Обручев В. А. Избранные работы по географии Азии. — М. : Географгиз, 1951. — Т. 1. — 582 с.

80 Горшенина С. Теория "естественных границ" и завоевание Кульджи (1870-1871 гг.) // Ab Imperio. 2014. № 2. С. 102-165

81 Большая советская энциклопедия. — 3-е изд. — М. : Советская энциклопедия, 1976. — Т. 23 : Моршанск — Николаевск. — 640 с.

82 Khalid A. Islam after Communism: Religion and Politics in Central Asia. — Berkeley : University of California Press, 2007. — 240 p.

83 Sartori P. A Sound of Silence in the Archives: On Eighteenth-Century Russian Diplomacy and the Historical Episteme of Central Asian Hostility // Itinerario. — 2020. — Vol. 44, No. 3. — P. 552–571.

84 Foucault M. Discipline and Punish: The Birth of the Prison. — New York : Pantheon Books, 1977. — 333 p.

85 Cohn B. S. An Anthropologist among the Historians and Other Essays. — Delhi ; New York : Oxford University Press, 1987. — 682 p.

86 Исторический курс “Новая имперская история Северной Евразии”. Глава 7. Долгий XVIII век и становление модернизационной империи. Часть 2 // Ab Imperio. — 2015. — С. 387–447.

87 Khodarkovsky M., Uyama T. "Include and Rule": The Non-Titular Ethnic Elites in Eurasian Empires, 1500-1850s.// Acta Slavica Iaponica, Tomus 46, Issue 2, pp. 79–102

88 Сергеев Е. Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британского соперничества в Центральной и Восточной Азии. — М. : Товарищество научных изданий КМК, 2012. — 454 с.

89 Morrison A. Twin Imperial Disasters: The Invasions of Khiva and Afghanistan in the Russian and British Official Mind, 1839–1842 // Modern Asian Studies. — 2014. — Vol. 48, No. 1. — P. 253–300. — DOI: 10.1017/S0026749X13000036.

90 Morrison A. Beyond the “Great Game”: The Russian Origins of the Second Anglo-Afghan War // Modern Asian Studies. — 2017. — Vol. 51, No. 3. — P. 686–752.

91 Жуковский С. В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трёхсотлетие. — Пг. : Тип. Главного управления уделов, 1915. — 214 с.

92 Терентьев М. А. История завоевания Средней Азии : с картами и планами : в 3 т. — СПб. : Типо-лит. В. В. Комарова, 1906. — Т. 1. — XII, 547 с. ; Т. 2. — XII, 547 с. ; Т. 3. — XI, [1], 496 с.

93 Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России : лекции, читанные в Имп. С.-Петербургском университете. — СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1911. — XIV, 282 с.

94 Иванин Н. А. Описание зимнего похода в Хиву в 1839–1840 г. — СПб., 1874.

95 Залесов Н. Г. Посольство в Хиву и Бухару полковника Игнатьева в 1858 году // Русский вестник. — 1871. — № 2, 3.

96 Халфин Н. А. Россия и ханства Средней Азии : первая половина XIX века. — М. : Наука, Главная редакция восточной литературы, 1974. — 404 с.

97 Виткевич И. В. Записки о Бухарском ханстве / ред. Н. А. Халфин. — М. : Наука, Главная редакция восточной литературы, 1983. — 149 с.

98 Киняпина Н. С., Блиев М. М., Дегоев В. В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России (вторая половина XVIII — 80-е годы XIX в.).. — М. : Изд-во МГУ, 1984. — 336 с.

99 Гафуров Б. Г. История таджикского народа в кратком изложении. — М. : Госполитиздат, 1949. — 272 с.

100 Искандаров Б. И. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX века. — Душанбе : Изд-во АН ТаджССР, 1962. — 364 с.

101 Тухтаметов Т. Г. Россия и Хива в конце XIX века. — М. : Наука, 1969. — 212 с.

102 Алексеев М. Военная разведка в Российской империи от Александра I до Александра II. — М. : Русская панорама, 2010. — 512 с.

103 Звонарев К. К. Агентурная разведка. — Киев : КНТ, 2005. — 272 с.

104 Taylor A. J. P. The Struggle for Mastery in Europe, 1848–1918. — Oxford : Clarendon Press, 1954. — 638 p.

105 Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000. — New York : Random House, 1987. — 677 p.

106 Hobsbawm E. The Age of Empire, 1875–1914. — London : Weidenfeld & Nicolson, 1987. — 404 p.

107 Gillard D. The Struggle for Asia, 1828–1914: A Study in British and Russian Imperialism. — London : Methuen, 1977. — 305 p.

108 Andrew C. Secret Service: The Making of the British Intelligence Community. — London : Heinemann, 1985. — 660 p.

109 Le Donne J. P. The Russian Empire and the World, 1700–1917: The Geopolitics of Expansion and Containment. — Oxford : Oxford University Press, 1997. — 258 p.

110 Crews R. D. For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia. — Cambridge, MA : Harvard University Press, 2006. — 463 p.

111 Morrison A. Russian Rule in Turkestan and the Example of British India, c. 1860–1917 // Slavonic and East European Review. — 2006. — Vol. 84, No. 4. — P. 666–707.

112 Почекаев Р. Ю. Память об экспедиции А. Бековича-Черкасского в русско-хивинских отношениях // КиберЛенинка. — URL: CyberLeninka (дата обращения: 15.03.2026).

113 Kabuldinov Z. E., Uderbayeva S. K., Shotanova G. A. Diplomatic Mission A. F. Negri in Bukhara 1820: Goals and Results // Bylye Gody. — 2025. — Vol. 20, Is. 1. — P. 84–9904.

114 Kryzhko E. V., Petr I. Pashkovsky Pashkovsky P. I., Sergey I. Natalevich Natalevich S. I. The «Great Game» in Turkestan in the First Half of the XIX Century: the Geopolitical Interests of the Parties // Bylye Gody. — 2018. — Vol. 49, Is. 3. — P. 1084–1091. — DOI: 10.13187/bg.2018.3.1084.

115 Mamutova K. E., Anna V. Kostromitskaya Kostromitskaya A. V., Evgeniy V. Kryzhko Kryzhko E. V., Petr I. Pashkovsky Pashkovsky P. I. Ethno-Cultural Aspects of the Russian-British Rivalry in Turkestan in the XIX Century // Bylye Gody. — 2018. — Vol. 50, Is. 4. — P. 1499–1506. — DOI: 10.13187/bg.2018.4.1499.

116 Kryzhko E. V., Petr I. Pashkovsky Pashkovsky P. I., Nickolay N. Chemodurov Chemodurov N. N., Timofey A. Charusov Charusov T. A. The British Russophobia in the First Half of the XIX Century: the Military Aspect // Bylye Gody. — 2019. — Vol. 52, Is. 2. — P. 568–575. — DOI: 10.13187/bg.2019.2.568.

117 Bebeshko E. V., Evgeniy V. Kryzhko Kryzhko E. V., Petr I. Pashkovsky Pashkovsky P. I., Sergey S. Shchevelev Shchevelev S. S. The Problem of the Genesis of the «Great Game» in Turkestan at the Beginning of the XIX Century // Bylye Gody. — 2017. — Vol. 45, Is. 3. — P. 853–860.

118 Избасарова Г. Б. Казахская степь Оренбургского ведомства как объект реформ Российской империи в XVIII–XIX вв. : дис. … д-ра ист. наук : 07.00.02. — М. : Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 2018. — 512 с.

119 Избасарова Г. Б. Кочевая ментальная карта пространства: трансформация понятия границы в представлениях казахов в XIX в. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. — 2016. — № 4. — С. 31–49.

120 Sultangalieva G. S. Rethinking the Colonial Past // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. — 2024. — Vol. 25, No. 1. — P. 155–170.

121 Sultangalieva G. S., Abdrakhim M. Kazakh Translators of the Semirechensk Oblast // Voprosy Istorii. — 2020. — No. 3. — P. 67–78. — DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202003Statyi07.

122 Ivanov K. Rol' voennykh topografov v kolonizatsii “Russkogo Turkestana” // Acta Slavica Iaponica. — Vol. 46, Is. 2. — P. 79–102.

123 Kappeler A. The Russian Empire: A Multiethnic History. — Harlow : Pearson Education, 2001. — 470 p.

124 Kappeler A. The Russian Empire and Its Nationalities in Post-Soviet Historiographies // Tadayuki Hayashi Hayashi T. (ed.) The Construction and Deconstruction of National Histories in Slavic Eurasia. — Sapporo : Slavic Research Center, Hokkaido University, 2003. — P. 35–51.

125 Khodarkovsky M. Russia’s Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500–1800. — Bloomington : Indiana University Press, 2002. — 290 p.

126 Uyama T. The Geography of Civilizations: A Spatial Analysis of the Kazakh Intelligentsia’s Activities, from the Mid-Nineteenth to the Early Twentieth Century // Regions: A Prism to View the Slavic-Eurasian World. — Sapporo : Slavic Research Center, Hokkaido University, 2005. — P. 70–103.

127 Khalid A. The Politics of Muslim Cultural Reform: Jadidism in Central Asia. — Berkeley : University of California Press, 1998. — 355 p.

128 Khalid A. Russian History and the Debate over Orientalism // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. — 2000. — Vol. 1, No. 4. — P. 691–699.

129 Khalid A. Making Uzbekistan: Nation, Empire, and Revolution in the Early USSR. — Ithaca : Cornell University Press, 2015. — 420 p.

130 Eden J. Slavery and Empire in Central Asia. — Cambridge : Cambridge University Press, 2018. — 250 p.

131 Morrison A. S. Russian Rule in Samarkand, 1868–1910: A Comparison with British India. —Oxford University Press, 2008. — XXX, 396 p.

132 Morrison A. Sufism, Pan-Islamism and Information Panic: Nil Sergeevich Lykoshin and the Aftermath of the Andijan Uprising // Past & Present. — 2012. — No. 214. — P. 255–304.

133 Morrison A. Sufism, Pan-Islamism and Information Panic: Nil Sergeevich Lykoshin and the Aftermath of the Andijan Uprising // Past & Present. — 2012. — No. 214. — P. 255–304.

134 Ерофеева И. В. Географические карты XVIII века как источник по истории, этнографии и исторической топонимике Казахстана // История Казахстана в документах и материалах. — Алматы, 2011. — Вып. 1. — С. 330–358.

135 Абдрахманов К. А. Специфика профессиональной деятельности российского купечества в Средней Азии позднеимперского периода (по воспоминаниям Н. А. Варенцова) // Вестник Пермского университета. История. — 2023. — Вып. 3(62). — С. 64–73.

136 Галиев В. З. Караванные тропы: из истории общественной жизни Казахстана XVII–XIX веков. — Алматы : Қазақстан, 1994. — 128 с.

137 Levi S. C. The Indian Diaspora in Central Asia and Its Trade, 1550–1900. — Leiden ; Boston : Brill, 2002. — 337 p.

138 Масанов Н. Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности номадного общества. — Алматы : Социнвест ; Горизонт, 1995. — 320 с.

139 Трепавлов В. В. Казахская правящая элита в Российской империи // Страны и народы Востока. — М. : Наука — Восточная литература, 2017. — Вып. 37. — С. 263–297.

140 О слухах и событиях в Средней Азии. Т. 1: 20 апреля 1853 г. — 31 июля 1862 г. / Сост. Б. Т. Жанаев. Караганда: «Tengri», 2016. 608 с.

141 Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Ч. 1: Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI–XVII вв. / Под ред. А. Н. Самойловича и др. Л.: Изд-во АН СССР, 1932. 459 с.

142 История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. 6: Путевые дневники и служебные записки о поездках по южным степям / Сост. И. Ерофеева, Б. Жанаев. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 484 с.

143 Данилевский Г. И. Описание Хивинского ханства // Записки Русского географического общества. — 1851. — Кн. 5. — С. 62–139.

144 Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений : в 5 т. — Алма-Ата : Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1984–1985.

145 Ефремов Ф. Странствование Филиппа Ефремова // Путешествия по Востоку в эпоху Екатерины II. — М., 1995. — С. 177–257.

146 Elphinstone M. An Account of the Kingdom of Caubul and its Dependencies in Persia, Tartary, and India. — London : Longman, Hurst, Rees, Orme, and Brown, 1815. — 675 p.

147 Masson C. Narrative of Various Journeys in Balochistan, Afghanistan, and the Panjab. — 3 vols. — London : Richard Bentley, 1842. — 1431 p.

148 Wood J. A Personal Narrative of a Journey to the Source of the River Oxus by the Route of the Indus, Kabul, and Badakhshan. — London : John Murray, 1841. — 424 p.

149 Левшин А. И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей / под общ. ред. М. К. Козыбаева. — Алматы : Санат, 1996. — 656 с.

150 Morisson A. What is ‘Colonisation’? An Alternative View of Taming the Wild Field // Forum for Anthropology and Culture. — СПб., 2008. — № 4. — С. 402–415.

151 Рычков П. И. Топография Оренбургская, то есть обстоятельное описание Оренбургской губернии. — СПб. : При Императорской Академии наук, 1762. — Ч. 1–2. — 331, 262 с.

152 Said, Edward W. Orientalism. — New York: Pantheon Books, 1978. — 368 p.

153 Васильев Д. В. Столица Степного края: Оренбург в казахском дискурсе Российской империи // Восьмые Большаковские чтения: Оренбургский край как историкокультурный феномен: сб. ст. междунар. науч.практ. конф. / науч. ред. С. В. Любичанковский. — Оренбург: Издво ОГПУ, 2016. — С. 78–83.

154 Lieven D. Empire: The Russian Empire and Its Rivals. — London : John Murray, 2000. — 486 p.

155 Л.Ф. Писарькова РЕФОРМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ 1801—1802 ГГ.: ЗАМЫСЛЫ И ВОПЛОЩЕНИЕ // Вестник РУДН, серия История России, 2009, № 4, с.364

156 М. А. Приходько. М. М. Сперанский и министерская реформа в 1809–1811 гг. (правоведческий аспект) // Петербургский исторический журнал. 2023. № 2. С. 96–101

157 Раскин Д.И. Высшие и центральные государственные учреждения России . 1801-1917. Т. 4. СПб., 2004. С. 1718

158 Свод законов Российской империи. Т. I. Учреждение министерств. Продолжение 1886 г. Ст. 2337–2340.

159 Кудрявцева Е.П. Деятельность Азиатского департамента МИД по координации балканской политики России (первая половина XIX в.)// Славяне и Россия. 2020, с. 45-60

160 Государственность России (конец XV в. февраль 1917 г.): Словарь-справочник./ сост. И. В. Сабенникова, Н. И. Химина М., 1996. Кн. 1. С. 507

161 АВПРИ. Ф. 161. СПб. Гл. арх. 11. Оп. 781. Д. 488. Л. 12

162 Куликов В. И. "Для рассмотрения всех вообще азиатских дел составить Особый комитет". Документы об Азиатском комитете. 1819-1848 гг. // Исторический архив, № 1. 2009 – с.174-187

163 Семенова Н.Л., Любичанковский С.В. Институт военного губернаторства в управлении Оренбургской губернией в конце XVIII — первой половине XIX в. // Вестник ЮжноУральского государственного университета. Серия: Социальногуманитарные науки. 2022. № 4 (77). С.150-162

164 Губернаторы Оренбургского края / Сост. В.Г. Семенов, В.П. Семенова.– Оренбург: Оренбургское кн. издво, 1999. – 400 с.

165 Семенова Н.Л., Любичанковский С.В. Всеподданнейшие отчёты оренбургских военных губернаторов 30х годов XIX века в административной практике Российской империи // Новое прошлое / The New Past. 2022. № 1. С. 135–150

166 Купенова Г.Ы., Сманова А.М. Оренбургская пограничная комиссия (1799–1859 гг.) в формировании русскоказахского пограничья // Вестник Актюбинского регионального университета им. К. Жубанова. 2025. № 1 (79). С. 287–296

167 Злобин, Ю.П. Изменения в административнотерриториальном устройстве Оренбургской губернии во второй поло вине XVIII – начале XX века // Проблемы истории Оренбургского края. – Оренбург: ОГПУ, 2004. – С. 11–32

168 Кудрявцева Е. П. Деятельность Оренбургской пограничной комиссии в качестве подразделения российского МИД // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. — 2018. — Т. 20, № 3. — С. 51–55.

169 Султангалиева ГС. Казахские заседатели Оренбургской пограничной комиссии (первая половина XIX в.). Вестник Казахского национального университета. Сер. Историческая.. 2013(4) – с.30

170 Почекаев Р. Ю. Память об экспедиции А. Бековича-Черкасского // КиберЛенинка. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pamyat-ob-ekspeditsii-a-bekovicha-cherkasskogo-v-russko-hivinskih-otnosheniyah-xviii-xix-vv (дата обращения: 15.03.2025).

171 ОГАОО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2167. Л. 206 (Декларация оренбургского генерал-губернатора о причинах и цели военных против Хивы действий, ноябрь 1839 г.)

172 РГИА Ф. 853. Оп. 1. Д. 102. Л. 1 (Выписки из отчета В. А. Перовского за 1834 г.).

173 РГИА Ф. 853. Оп. 2. Д. 152 л. 5-7 (Записки В.В.Григорьева)

174 ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 1851. Л. 1-7 (Показания Мурзакая Гаитова об англичанах в Бухарском ханстве, 25 января 1826 г.).

175 ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 1851. Л. 1-7

176 РГИА Ф. 853. Оп. 1. Д. 102. Л. 2–3 (Выписки из отчета В. А. Перовского за 1834 г.).

177 Исроилов С.Ш. ОБ ОТНОШЕНИЯХ БУХАРСКОГО ЭМИРАТА С РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИЕЙ ПРИ НАСРУЛЛАХАНЕ// SCIENTIFIC NOTES 36 №1(62) 2020 URL: https://cyberleninka.ru (дата обращения: 10.03.2025)

178 ЦГА РК Ф. 4. Оп. 1. Д. 2431. Л. 1, 3, 8 (Дело о направлении в Хиву русской миссии полк. Иванина, 1847 г.; уведомление об отмене).

179 РГВИА. Ф. 67. Оп. 1. Д. 131. л.3 (Копия записки Игнатьева о политических действиях России в Средней Азии)

180 ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2035 (1833 г.); Д. 2042 (1835 г.); Д. 2069 (1840 г.); Д. 2076 (1841 г.); Д. 2089 (1842 г.) (Книги о приходе и расходе сумм для выкупа пленных)

181 ЦГА РК Ф. 4. Оп. 1. Д. 2125. Л. 44 (О выкупе пленных из хивинского плена, 1832 г.; участие султана Баймухамет Айчуваков и батыра Сююнкары Урганычбаев).

182 ЦГА РК Ф. 4. Оп. 1. Д. 1568. Л. 4-5 (Показания казаха Бедгошева о выкупе русских пленных из Бухарии, июль 1834 г.).

183 ЦГА РК Ф. 4. Оп. 1. Д. 1520. Л. 1-3 (Дело об отправке религиозной литературы русским пленным в Хиву через купца Г. Атагалиева; рапорт ОПК военному губернатору, 21 июля 1832 г.).

184 ЦГА РК Ф. 4. Оп. 1. Д. 1485. Л. 1-5 (Объявления ОПК о русских пленных в среднеазиатских ханствах, октябрь-ноябрь 1831 г.; расписка Исян Байдилева)

185 ЦГА РК Ф. 4. Оп. 1. Д. 1560. Л. 1-2 (Дело о бегстве из хивинского плена Иванова М., март 1833 г.)

186 ЦГА РК Ф. 4. Оп. 1. Д. 3353. Л. 1, 98-99 (Дело об освобождении хивинским ханом русских пленных, 1840-1845 гг.; письмо Нижегородского губернского правления о статусе крестьянина Бусыгина, сентябрь 1845 г.)

187 ЦГА РК Ф. 4. Оп. 1. Д. 3383. Л. 1-2 (Предписание военного губернатора Обручева, 14 декабря 1843 г.); Л. 2-3 (Донесение ОПК о сведениях от бухарских купцов о судьбе Стоддарта)

188 ЦГА РК Ф. 4. Оп. 1. Д. 2505. Л. 1-3 (Предписание Обручева о розыске Вайберда, апрель 1849 г.; донесение о действиях каравани-баши Атамбаева).

189 ЦГА РК Ф. 4. Оп. 1. Д. 2522. Л. 1, 4, 6, 9 (Дело о назначении лазутчиков при Оренбургском укреплении, 1849 г.; рапорт толмача Лукина; резолюция губернатора Обручева)

190 РГИА. Ф. 853. Оп. 2. Д. 126 (Обзор Григорьева, 1869 г.).

191 ЦГА РК Ф. 382. Оп. 1. Д. 6. Л. 2, 4-5 (Рапорт коменданта форта № 1 и донесение хорунжего Шарипова о бухарском посланнике Мир-Ахун Мулла-Жане, 1857 г.).

192 РГВИА. Ф. 67. Оп. 1. Д. 3. 3 л. (Копия предписания Военного министра командующему Сыр-Дарьинской линией о пропуске посольств. 1857-1858.)

193 ИРГО. Ханыков Я. В. Листы 117-151 (Программа к карте Аральского моря, 1850 г.)

194 АВПРИ. Ф. Сношения России с Бухарой. Оп. 109/1. Д. 1 Л.1-6 (Отрывки из путешествия Эверсмана, 1820-21 гг.).

195 РГИА. Ф. 1264 (1-й Сибирский комитет). Оп. 1. Д. 323 Л.4-7 (О происках китайцев в Киргизской степи, 1823-1824 гг.).

196 Валиханов Ч. Ч. Избранные произведения / ред. А. Х. Маргулан. — М. : Наука, 1986. — 416 с.

197 ЦГА РК Ф. 4. Оп. 1. Д. 2431. Л. 3 (Смета миссии Иванина 4000 червонцев; предписание «взять за образец снаряжение 1842 года миссии Данилевского»).

198 ЦГА РК Ф. 4. Оп. 1. Д. 2470. Л.3-7 (Показания купца Ходжи Назарбая)

199 Алексеев М. Военная разведка в Российской империи от Александра I до Александра II. — М. : Русская панорама, 2010. — 512 с.

200 Звонарев К. К. Агентурная разведка. — Киев : КНТ, 2005. — 272

201 Полное собрание законов Российской империи. — Собр. I. — СПб., 1830. — Т. 19 : 1770–1774. — 1083 с. — № 13489.

202 ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 4910. Л. 1–6. (Дело о ростовщичестве хивинских купцов)

203 ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10 (3). Д. 4978 Л.4-8 (Дело о запрещении казанским татарам посещать аулы бунтующих казахов; предписание Перовского начальнику таможни, 3 июля 1839 г.).

204 Полное собрание законов Российской империи. — Собр. I. — СПб., 1830. — Т. 22 : 1784–1788. — 1174 с. — № 16292. — С. 493–495 ; № 16534. — С. 839.

205 ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10 (1). Д. 105. Л. 1 об. (Рапорт губернатора Волконского).

206 ЦГА РК. Ф. 338. Оп. 1. Д. 484 Л. 7 -7 об.(Дело об открытии Кокчетавского окружного приказа; участие муллы Абдрахимова).

207 ЦГА РК. Ф. 338. Оп. 1. Д. 396. Л. 9–9 об., 38–38 об. (Предписания Броневского и Капцевича о назначении указных мулл).

208 Ханыков Я. В. Пояснительная записка к карте Аральского моря и Хивинского ханства с их окрестностями. — СПб. : Тип. Императорской Академии наук, 1851. — 91 с.

209 Г. А. Михалева. Торговые и посольские связи России со Среднеазиатскими ханствами через Оренбург. Ташкент. 1982.

210 ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5594. Л. 193–195 (Дело о Байменте Тюлегенееве)

211 Положение об управлении оренбургскими казахами 1844 г. // Материалы по истории политического строя Казахстана / Сост. М. Г. Масевич. Алма-Ата, 1960. Т. 1. С. 218

212 ЦГА РК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1223 Л. 1-12 (Личное дело Бекчурина Мендияра)

213 Жуковский С. В. Посольство переводчика Бекчурина в Бухару в 1781 году // Восточный сборник. — Пг. : Тип. Императорской Академии наук, 1916. — Кн. 2. — С. 273-340

214 Захарьин И. Зимний поход в Хиву в 1839 году // Русский архив. — 1891. — № 4. — С. 519–558.

215 ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10 (1). Д. 249в. Л. 101.(Дело по обвинению письмоводителя бывшего хана Айчувака в присвоении части ханского жалованья)

216 ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10 (1). Д. 291. Л. 92. (Миссия ханского письмоводителя, поручика Башкирского войска Абдулнасыра Субханкулова в Бухару).

217 Г. С. Султангалиева. Каратолмач, штабс-капитан Мухаммед-Шариф Аитов в Казахской степи (первая половина XIX в.) // Панорама Евразии. 2008. № 2. С. 13–22

218 Краткий дневник, веденный переводчиком Искендером Батыршиным во время похода на Акмечеть // История Казахстана в документах и материалах. Вып. 2. Астана, 2012. С. 300–362.

219 ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 4682. Л. 32–33 (Рапорт директора корпуса Маркова военному губернатору Обручеву о вакансиях для ордынских детей, 25 августа 1842 г.)

220 ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 3532. Л. 15

221 ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 5536. Л. 1

222 ЦГА РК. Ф. И-4. Оп. 1. Д. 2782. Л. 1–7

223 Семёнов В. Г., Семёнова В. П. Оренбургский Неплюевский кадетский корпус: история в лицах. — Оренбург : Оренбургская книга, 2017. — 496 с.

224 РГВИА. Ф. 67. Оп. 1. Д. 66. Л. 12, 22 (Инструкция 14 августа 1856 г.); Д. 70. Л. 5 об. (Предписание Катенина 1857 г.)

225 РГИА Ф. 853. Оп. 2. Д. 126 Л.1-13 (Обработка среднеазиатских экспедиций В. В. Григорьевым для ИРГО, 1869 г.).

226 Knight N. Grigor'ev in Orenburg, 1851–1862: Russian Orientalism in the Service of Empire? // Slavic Review. 2000. Vol. 59. No. 1. P. 74–100.

227 Bowen H. V. The Business of Empire: The East India Company and Imperial Britain, 1756–1833. — Cambridge : Cambridge University Press, 2006. — 396 p.

228 Lawson Ph. The East India Company: A History. — London : Longman, 1993. — 272 p.

229 British Library, India Office Records L/PS/5/131. No. 18 of 13th August 1838, 308 p.

230 Robins N. The Corporation that Changed the World: How the East India Company Shaped the Modern Multinational. — London : Pluto Press, 2006. — 240 p.

231 British Library, India Office Records. MSS Eur A 21 (рукописные записи Муркрофта об Афганистане и прилегающих территориях)

232 Ferrier J. P. History of the Afghans. — London : John Murray, 1858. — 502 p.

233 British Library, India Office Records. L/PS/5/131. Letters from the Governor-General to the Secret Committee. January 11, 13, and 22, 1840

234 British Library, India Office Records. L/PS/5/131. No. 18 of 13th August 1838. Document No. 47, p.511

235 British Library, India Office Records L/PS/5/129. Copy of a Letter from Captn. A. Burnes to W.H. Macnaghten Esq. 11th October 1837.- 115 p.

236 Izzut-Oollah S. Travels in Central Asia in the Years 1812–13 / transl. by P. D. Henderson. — Calcutta : Foreign Department Press, 1872. — С. 104.

237 Mohan Lal. Travels in the Panjab, Afghanistan, Turkistan, to Balk, Bokhara, and Herat: And a Visit to Great Britain and Germany. — London : W. H. Allen, 1846. — 528 p.

238 British Library, India Office Records MSS EUR. Vol. U.P. 203 Moorcroft W. Report on the Industry and Trade of Kashmir. 1823.

239 Суйнова А. Т. XIX ғ. бірінші жартысындағы Ресей империясының Орталық Азиядағы саяси тыңшылық қызметі // Edu-e-History.kz. — 2020. — Т. 23, № 3. https://edu.e-history.kz/index.php/history/article/view/394

240 Суйнова А. Т. Деятельность английских агентов в Средней Азии в первой половине XIX века в контексте русско-английского соперничества // Вестник КазНУ. Серия историческая. — 2022. — № 2. — С. 183–194.

241 Матвиевская Г. П. Оренбургский Неплюевский кадетский корпус. Очерк истории : монография. — М. : Издательский дом Академии Естествознания, 2016. — 174 с.

242 Hennings J. Russia and Courtly Culture in Early Modern Europe. — Cambridge : Cambridge University Press, 2016. — 297 p.

243 Otte T. G. The Foreign Office Mind: The Making of British Foreign Policy, 1865–1914. — Cambridge : Cambridge University Press, 2011. — 437 p.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Миссии Российской империи в Центральную Азию 1780-1860 гг.

Название миссии / экспедиции	**Дата**	**Состав**	**Цель**	**Результаты**
Посольство М. Бекчурина в Бухару	1781	Бекчурин Мендиар (коллежский регистратор, переводчик)	Установление свободной русско-бухарской торговли; доставка писем от гр. Н.И. Панина и Оренбургского губернатора	Этнографические и исторические сведения о Бухарском ханстве; описание Бухары, церемониала приёма хана
Поездка майора Бланкеннагеля в Хиву	1793 – 1794	Бланкеннагель (майор), Холмогоров (переводчик)	Поездка в Хиву как глазной врач по просьбе хана; сбор разведывательных сведений	Этнографические и исторические сведения о Хивинском ханстве; данные о политическом положении; сведения о желании туркмен Мангышлака перейти в русское подданство
Поездка Т. Бурнашева в Бухару	1794	Бурнашев Тимофей Степанович, Безносиков Алексей Севастьянович (горные чиновники)	Изучение природных ресурсов; установление торговых и дипломатических связей	Этнографические и исторические сведения о Бухарском ханстве; описание городов, государственного устройства, торговли

Поездка М. Поспелова и Т. Бурнашева в Ташкент	1800	Поспелов Михаил, Бурнашев Тимофей (горные чиновники)	Изучение возможности добычи селитры; разведка рудных приисков близ Ташкента	Первые полные и детальные сведения о Ташкенте; описание быта и нравов казахов; подробное описание Ташкентского владения
Возвращение Ф.С. Ефремова через Среднюю Азию	1774 – 1782	Ефремов Филипп Сергеевич (унтер-офицер, беглый пленник)	Возвращение из бухарского плена; наблюдения в ходе вынужденного пребывания	Этнографические, географические и исторические сведения о Бухаре, Хиве, Персии; описание вооружённых сил, городов, нравов населения
Путешествие в Кокандское ханство Ф. Назарова	1813 – 1814	Назаров Филипп (переводчик Отдельного Сибирского корпуса)	Сопровождение кокандских посланников; географическая и этнографическая разведка	Географические данные о Кокандском ханстве; этнографические сведения о казахах и жителях Туркестанского владения
Путешествие Н.Н. Муравьёва к туркменам и в Хиву	1819	Муравьёв Н.Н. (капитан), Петрович (переводчик), Сеид (туркмен-проводник)	Переговоры с туркменами и хивинским ханом; дипломатическая и разведывательная миссия по поручению наместника	Подробное описание Хивинского ханства, его истории, хозяйства и культуры; исправление карт Туркмении и Хивы; первые

			Кавказа Ермолова	точные данные об Узбое
Дипломатическая миссия Негри в Бухару	1820	Негри А.Ф. (д. статский советник), Мейендорф Е. (полковник Ген. штаба), Вальховский и Тимофеев (топографы), Пандер Х. и Эверсман Э. (натуралисты), Яковлев П. (переводчик и секретарь), Будрин (священник)	Установление дипломатических и торговых отношений с Бухарским эмиратом	Дипломатические переговоры с бухарским правительством; первые научные естественно-исторические и географические сведения о Туркестане; съёмка маршрута; первые геологические данные
Вооружённый торговый караван полк. Циолковского и полк. Анисимова	1824	Кайдалов Е. (начальник каравана)	Торговый поход в Бухарию с военным прикрытием; разведка маршрутов	Этнографические сведения о казахах; описание трудностей маршрута и торговых путей
Поездка хорунжего Потанина в Кокандское ханство	1829 – 1830	Потанин Н.И. (хорунжий)	Сопровождение кокандских посланников; географическая и этнографическая разведка	Географические и этнографические сведения о Кокандском ханстве и Киргизской степи
Поездка И.Ф. Бларамберга по Киргизским степям	1841	Бларамберг И.Ф. (полковник), Ягмин А. (врач)	Географическая съёмка и рекогносцировка Киргизской степи до Сыр-Дарьи в ходе сопровождения «Миссии» в Бухару и Хиву	Географические и этнографические сведения о Киргизской степи; военно-статистическое описание земель киргиз-кайсаков

Миссия инженера К. Бутенева в Бухару	1841 – 1842	Бутенев К.Ф. (инженер), Богословский 2-й (инженер), Ханыков Н.В. (географ), Леман А.А. (натуралист), Яковлев (топограф)	Дипломатическая и торгово-экономическая миссия; изучение минеральных ресурсов и промышленного потенциала Бухары	Описание Бухарского ханства; данные о минеральных богатствах, монетном деле; ботанические и этнографические коллекции; картографирование маршрута
Миссия кап. Никифорова в Хиву	1841	Никифоров (капитан), Антов (топограф)	Дипломатическая миссия; картографическая съёмка Хивинского ханства и берегов Аральского моря	Съёмка Хивинского ханства и местности по берегу Аральского моря; маршруты легли в основу карты Хивы Цимерманна (1845 г.)
Миссия полк. Данилевского в Хиву	1843	Данилевский Г.И. (полковник), Базинер Ф.И. (натуралист)	Дипломатическая миссия; географическое и естественнонаучное изучение Хивинского ханства	Описание Хивинского ханства; ботанические и геологические коллекции; карты ханства; метеорологические наблюдения
Экспедиция лейт. А.И. Бутакова для исследования Аральского моря	1848 – 1849	Бутаков А.И. (лейтенант/капитан-лейтенант), Макшеев А. (штабс-капитан), Поспелов (прапорщик), Шевченко Т.Г. (рядовой-художник)	Комплексное исследование и картографирование Аральского моря	Общая рекогносцировка и промер глубин; определение астрономических пунктов; описание берегов и островов; ботанические и

				геологические коллекции
Дипломатическая миссия полковника Н. П. Игнатьева в Хиву и Бухару	1858 г.	Н. П. Игнатьев, П. И. Лерх, Н. Г. Залесов, М. Н. Галкин, переводчики, топографы и военные сопровождающие	Установление дипломатических контактов с Хивой и Бухарой, сбор военно-политических и торговых сведений, укрепление российского влияния в регионе	Собраны сведения о политическом положении ханств, торговых путях и военном потенциале; расширены дипломатические контакты России в Средней Азии; экспедиция способствовала дальнейшему продвижению российской политики в регионе

Составлено автором на основе анализа нарративных источников участников дипломатических миссий; О.В. Маслова. Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию. Ч. 1. Ташкент, 1955

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Миссии Британской империи в Центральную Азию 1800-1860 гг.

Годы	Участники	Направление	Официальная цель	Реальные задачи	Результаты
1808–1809	Элфинстон М.	Афганистан (Пешавар)	Установление отношений с афганским правителем шахом Шуджой	Военно-стратегическая разведка; оценка возможности франко-персидского вторжения в Индию	Составлено первое систематическое описание Афганистана; установлен дипломатический контакт. Шах Шуджа вскоре потерял власть
1810	Мэлькольм Дж.	Персия	Возобновление союза с Персией против Наполеона	Противодействие французскому и российскому влиянию в Персии	Заключён союзный договор. Персия подтвердила союз с Британией
1819–1825	Муркрофт У., Требек Дж.	Кашмир, Ладакх, Афганистан, Бухара	Поиск высококачественных лошадей для кавалерии Ост-Индской компании	Систематическая разведка торговых путей и политической ситуации; мониторинг российского проникновения; изучение ханств	Первое британское систематическое исследование региона. Муркрофт погиб в Андхое (1825). Рукописи использовались разведкой ещё 15 лет
1820	Негри А. Ф.,	Бухара	— (российская	Британская разведка	Первый официальны

	Мейендорф Е. К. (российская миссия, зафиксированная британской разведкой)		официальная миссия)	отслеживала миссию как прецедент российского дипломатического проникновения в Бухару	й российский контакт с Бухарским эмиратом; британцы расценили как угрозу своим интересам
1829–1831	Конолли А.	Россия → Персия → Афганистан → Индия	Разведывательный маршрут без официального статуса	Картографирование маршрутов возможного российского вторжения в Индию; политическая разведка	Первое документирование возможного российского маршрута в Индию. Конолли ввёл термин «Большая игра»
1831–1833	Бёрнс А.	Пенджаб → Синд → Афганистан → Бухара	Коммерческая миссия; исследование торговых путей по Инду	Военно-стратегическая разведка; мониторинг российского влияния в Бухаре; установление агентурных контактов	Опубликованы «Путешествия в Бухару» (1834). Бёрнс стал главным экспертом по региону. Заложена агентурная база для последующих миссий
1836–1838	Вуд Дж.	Бадахшан, Памир	Географическое исследование верховьев Аму-Дарьи	Военно-топографическая разведка стратегически важного региона	Опубликовано «Путешествие к истоку реки Оксус» (1841). Первое систематиче

					ское описание Памира
1837–1838	Бёрнс А. (глава), Лич Р. (военный топограф), Массон Ч. (неофициальный агент)	Кабул, Афганистан	Коммерческая миссия; установление торговых отношений по Инду	Противодействие российскому и персидскому влиянию; выстраивание пробританской коалиции; военно-стратегическая разведка Хайберского прохода; создание агентурной сети	Провал: амир отказался выслать российского агента Виткевича. Бёрнс отозван. Решение о поддержке Шаха Шуджи и вторжении в Афганистан
1838	Стоддарт Ч.	Бухара	Установление дипломатических отношений; освобождение пленных	Противодействие российскому влиянию при дворе эмира Насруллы	Катастрофа: Стоддарт заключён в «яму» из-за отсутствия верительных грамот. Казнён в 1842 г.
1839–1842	Первая англо-афганская война: Макнатен У., Бёрнс А. и др.	Афганистан	Восстановление Шаха Шуджи на афганском троне; создание буферного государства	Вытеснение российского и персидского влияния из Афганистана; установление британского контроля над северо-западными подступами к Индии	Катастрофа: уничтожение британской армии при отступлении из Кабула (январь 1842). Стоддарт и Конолли казнены в Бухаре
1839–1840	Конолли А.	Коканд, Бухара, Хива	Объединение ханств против России;	Создание антироссийской коалиции	Провал: ханы отказались

			освобождение Стоддарта	центральноазиатских ханств	от союза. Конолли взят под стражу в Бухаре. Казнён в 1842 г.
1839–1840	Абботт Дж.	Хива	Дипломатическое посредничество между Россией и Хивой; освобождение российских пленных	Лишить Россию повода для военной экспедиции против Хивы; ослабить российское давление	Частичный успех: хан согласился освободить пленных. Российский поход сорвался из-за морозов. Абботт прибыл в Петербург с хивинскими условиями
1840	Шекспир Р.	Хива	Освобождение российских пленных из хивинского плена	Дипломатический coup: решить задачу, для которой Россия снаряжала военную экспедицию	Успех: освобождено около 416 российских пленников. Шекспир доставил их в Россию. Российская военная экспедиция потеряла формальный повод
1841–1842	Конолли А.	Бухара (для освобождения Стоддарта)	Освобождение полковника Стоддарта	Восстановление британского престижа после катастрофы в Бухаре	Катастрофа: оба — Стоддарт и Конолли — казнены эмиром Насруллой в июне 1842 г.

1843–1845	Вольф Дж.	Бухара	Установление судьбы Стоддарта и Конолли (миссионерская)	Публичная дипломатия; формирование общественного мнения в Великобритании	Вольф выжил. Публикация «Narrative of a Mission to Bokhara» (1845) произвела огромное впечатление; тема «Большой игры» вышла в публичное пространство
1863	Вамбери А. (под видом дервиша Хаджи-Мулла-Абдул-Решид-эфенди)	Хива, Бухара, Самарканд	Научное путешествие востоковеда	Разведывательная поездка в интересах British Foreign Office; мониторинг российского проникновения	Опубликованы «Travels in Central Asia» (London, 1864). Последний крупный публичный нарратив о британском разведывательном присутствии в ханствах накануне российского завоевания

Составлено автором на основе: Hopkirk P. The Great Game. London, 1990; Yapp M. E. Strategies of British India. Oxford, 1980; Morrison A. Twin Imperial Disasters // Modern Asian Studies. 2014. Vol. 48. No. 1; Alder G. Beyond Bokhara. London, 1985; архивных материалов L/PS/5/129, L/PS/5/131 (British Library, IOR).